ЮРИЙ
НИКИТИН
СТОУНХЕНДЖ
ТРОЕ ИЗ ЛЕСА

Юрий Александрович Никитин

Стоунхендж

Серия «Трое из леса», книга 13

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121740
Стоунхендж: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20350-5

Аннотация

Сэр Томас Мальтон Гислендский вернулся домой из крестового похода не с пустыми руками – он привез в Британию Святой Грааль. В долгих скитаниях он приобрел надежного и верного друга – русского калику Олега. И могущественных врагов, которых называют Семеро Тайных и которые никак не хотят оставить друзей в покое.

Содержание

Часть I 4
Глава 1 4
Глава 2 27
Глава 3 39
Глава 4 59
Глава 5 75
Глава 6 87
Глава 7 101
Глава 8 117
Глава 9 134
Глава 10 149
Глава 11 160
Глава 12 174
Глава 13 185
Глава 14 202
Часть II 210
Глава 1 210
Глава 2 221
Конец ознакомительного фрагмента. 223

Юрий Никитин
Стоунхендж

Часть I

Глава 1

С первым колокольным звоном заскрипели все четверо киевских ворот. Бородатые стражники, заспанные и злые, с натугой упирались в землю подкованными сапогами, постанывали, грудью налегали на крепкое дерево. Великий Город открывался навстречу миру.

Мощный колокольный звук, густой, как овсяный кисель на морозе, неспешно тек по мощеным улицам городища, влезал в щели запертых ставен, поднимал с постелей.

К западным воротам от центра города, звонко стуча подковами по мостовой, подъехали двое. Оба на рослых боевых конях, сами как две башни в седлах. Один, по обычаю знатных франков, от макушки до пят в железных доспехах, второго можно бы принять за оруженосца или слугу, если одеть получше. Ни один рыцарь не потерпит слугу в душегрейке из волчьей шкуры, за плечом чтобы простой лук, а из мешка позади седла вместо оружия – суковатая палица!

Стражники хриплыми от бессонницы голосами приветствовали рыцаря. Всю ночь пьянствовали с ним в корчме, платил заморский гость, зазывали гулящих девок и тешились с ними, орали песни, играли на деньги, оружие, сапоги, а к утру, перепутав кто кому должен, разобрали обратно. А что за гулянка без доброй драки? Дрались вволю и часто, натешились, у кого глаз не смотрит, у кого губы как оладьи, а кто и выползти из сторожевой будки не в силах. Зато погуляли!

Олег вяло кивнул, да ему и не орали. Его побаивались, сторонились. Молчалив, неспешен, себе на уме. Гулять не гулял, пить не пил, но и себя в обиду такой не даст, силу непомерную в нем не заметит только ребенок или слепец, а стражи ворот не были ни детьми, ни слепцами.

Томас настороженно придержал коня. Дорогу в воротах загораживают трое крепких мужиков звероватого вида. Все трое смотрят пристально, изучающе. Воинами не выглядят, но в их движениях сквозит немалая сила, а все как могучие быки, выросшие на воле. Один что-то сказал и пошел прямо на Томаса.

Калика шепнул:

– Сразу не бей!.. Сперва вызнаем, что хотят.

Мужик остановился перед Томасом – рыцарю стало не по себе. Мужик широк в плечах, выглядит крепким, как скала, в руках чувствуется мощь, способная раздавить рыцарские доспехи, как кору прогнившего пня. Острые глаза под нависс-

шими надбровными дугами, тяжелыми, как выступы скал, смотрят прицельно, требовательно.

Двое других медленно подошли и встали с боков. От них густо пахло брагой и пивом. Все трое похожи на лесорубов или каменотесов. Такие и стволы деревьев, и глыбы камня ломают голыми руками.

Томас беспокойно озирался. Калика хранил сумрачный вид. Зеленые глаза загадочно поблескивали, железный обруч на лбу прижимает рыжие волосы. Он сам выглядит диким лесорубом или каменотесом, но он рядом, а не загораживает дорогу.

Мужик спросил густым сильным голосом, что напоминал рев разбуженного матерого медведя:

– Ты… никак, из-за моря?

– Угадал, – ответил Томас сдавленно.

– Раз из-за моря, – проревел мужик, он смотрел на Томаса неотрывно, – видел больше, чем те, кто не слезает с печи…

– Кто спорит? – ответил Томас настороженно. – Всяк, как говорит один мудрый странник, кто обошел хотя бы вокруг дома, уже мудрее того, кто не выходит за порог.

Мужик нервно сглотнул, громовой голос изломался, в нем появилась молящая нотка:

– Вот-вот, о чем и говорю. Скажи, гость заморский, посоветуй… Как обустроить Русь?

Томас хотел плюнуть ему под ноги, ноги все еще трясутся так, что раскачивают коня, а сердце колотится, как у зайца,

но в голосе мужика такая мука, такая тоска, что он только буркнул:

– Сэр калика, давай быстрее из этого сумасшедшего края. Не понимают, что они здесь живут, а не я? А то я им такое насоветую!

– Грубый ты, – посетовал Олег. – А еще благородный!

Ворота остались позади, кони по утренней росе пошли резво. Небо было чистое, как облупленное яичко, и невинно-голубое, как глаза младенца. Воздух по-утреннему свеж, но день обещает быть теплым, хотя деревья по краям дороги уже по-осеннему покрылись золотом и багрянцем.

Рыцарь, сэр Томас Мальтон из Гисленда, благочестиво слушал колокольный звон, медленно и старательно перекрестился. Олег сдвинул брови, зеленые глаза потемнели. Чужая вера, созданная для рабов Рима, укрепляется все больше среди некогда вольного народа. Правда, огнем и кровью, сотнями сожженных весей, распятыми и зарубленными волхвами и теми, кто не желал называть себя рабом чужого владыки, хоть и небесного.

Вроде бы не было раньше на Руси рабов, не было привычки к рабскому состоянию, но поди ж ты, сейчас уже мало кто ропщет открыто. Самые смелые таятся в деревнях, там еще осталась старая вера, а волхвы вовсе строят капища только в лесах. Видать, в душах много намешано от робости, ежели человек уже не бросается с ножом на того, кто прямо в глаза оскорбляет: «Ты – раб владыки небесного…»

Конь Олега, отоспавшись и отъевшись в Киеве, норовил сорваться вскачь, приходилось сдерживать, оглядываться на Томаса. Рыцарский конь не для галопа, тяжел, да и всадник – целая башня из железа. Только и проскачет полсотни саженей, дальше все, стой и рубись. А дальше и не надо, зато как секира расколет любой строй. А в брешь влезут пешие, их всегда за рыцарем толпа, как за разъяренным медведем.

Навстречу ударил тугой свежий ветер. Красные волосы волхва затрепетали, словно он вскачь несет пылающий факел. За спиной Томаса вздулся и вытянулся, мелко дрожа, белый, как лебяжье крыло, плащ. Огромный красный крест на белом полотнище гордо вещает, что рыцарь не просто рыцарь, а Христова воинства, которое доблестно освобождало Гроб Господень от нечестивых сарацин.

– И снова в путь, – сказал Томас красивым мужественным голосом. – Для чего рождается человек, как не для странствий?

Олег покосился на гордое лицо рыцаря. Много раз уже слышал за свою долгую жизнь этот вопрос. И много выслушивал ответов. Все убедительные, но все разные.

– Чашу не пропил?

Томас спешно пощупал мешок. Округлый бок чаши не сразу попался под пальцы, сердце екнуло от страха.

– Сэр калика, – сказал он с неудовольствием, – я не только не пропил, даже не проиграл, хотя видал, как благородные рыцари… да-да, самых благороднейших кровей, проигрыва-

ли в кости не только деньги, коня и оружие, но – жен и родовые замки! Да что замки – имя проигрывали! Вот до чего Сатана силен, как умеет заманить в свои сети слабые души…

– Но ведь играл, – сказал Олег, поддразнивая. – А все игры, по вашему учению, сам сатана придумал. Поговаривают, ваш бог за то и сбросил его с неба, что не мог выиграть…

Томас сказал с достоинством:

– Сэр калика, я не думаю, что сэр Бог не смог бы выиграть, если бы в самом деле сел играть с мерзким дьяволом. Я думаю, он не сел бы с ним рядом даже потрудиться в отхожем месте. Разве что сэр Сатана сжульничал, хотя это уж чересчур… Ведь сэр Сатана тогда еще сидел по правую руку Господа нашего и не был таким, каким стал уже на земле…

Он благочестиво перекрестился. Олег засмеялся:

– Ну да, пожил на земле среди людей, а с кем поведешься, от того и наберешься.

Томас выглядел озадаченным.

– Ты хочешь сказать, что Сатана, пообщавшись с людьми, стал таким мерзким? Впрочем, почему бы и нет? Человек не ангел, но он стремится к свету, а дьявол от злобы опускался все ниже, пока не стал хуже человека. А потом еще и человека стал науськивать стать хуже.

– Вот-вот. А игры остались в его владении.

– Вот я и схлестнулся с ним! Как подобает доблестному рыцарю: на чужом поле, да еще позволил противнику выбор оружия. Сыграл в эту нечестивую игру, выиграл, добы-

чу пропил, ибо зазорно на такие деньги покупать что-то стоящее, сыграл снова и опять выиграл! Ну, напоил тех мужиков… Так я посрамил дьявола.

Олег с восхищением покрутил головой:

– Здорово! Это учение… или вера, далеко пойдет, если позволяет так трактовать рыцарские пьянки, до которых далеко даже разгулявшимся морякам. Коня купил на выигранные деньги?

– Коня можно, – ответил рыцарь сурово.

– Почему?

– Я с высоты его седла утверждаю истинную веру. Такой конь не может быть орудием дьявола. Да ты посмотри, какой красавец!.. Сэр калика, а ты уверен, что ехать через лес?

– Вся Европа покрыта дремучим лесом. Как и твоя Британия. Это не сарацинские пустыни, отвыкай. Здесь куда бы ни поехал, все равно через дремучий лес. Но сейчас осень, дороги здесь уже протоптали. Это весной ни пройти, ни проехать…

– Кто протоптал?

– Сперва бродяги вроде нас, ну всякие там нищие, странствующие рыцари, изгои, сумасшедшие, потом и просто торговые люди.

Томас перекрестился:

– В лес так в лес. Просто не люблю, когда из кустов выпрыгивают всякие лохматые, с ножами, ну вроде тебя. Вздрагиваю, что недостойно рыцаря. Все-таки я башню Давида брал,

на стенах Иерусалима дрался…

Лес впереди вырастал дремучий, густой, непроходимый. Тропка ныряла под низкие ветви, тут же исчезала, как в барсучьей норе. От стены деревьев за сотню саженей тянуло прохладой. Могучие стволы были темные, приземистые, сумрачные. Даже густые кроны выглядели темнее обычного.

Ехали весь день, только в полдень дали коням короткий отдых, наскоро перекусили сами, не разводя огня.

Томас поинтересовался:

– А эта страна как называется?

Олег удивился:

– Ну и память у тебя! Я ж говорил, Русь.

– Это я помню, – отмахнулся Томас, – но Русь вчера была, даже позавчера… А сегодня по чьей земле едем?

Олег хмыкнул:

– Тогда у тебя язык заморится спрашивать. Хоть на коне скачи, хоть улитой ползи, хоть птицей лети – все одно Русь будет и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра. А княжества… Они ж все Рюриковичам принадлежат. У одного брата – одно, у другого – другое, у третьего – третье… А все вместе – Русь. Рюриковская Русь.

Томас молчал, поглядывал недоверчиво. Сказал наконец с сомнением:

– Дивны дела твои, Господи… В нашем войске был отряд доблестного сэра Родослава, отважного воителя и весе-

лого рыцаря. Его люди отличались силой, дисциплиной, воинским умением. Все дивились, как они без ропота переносят невзгоды. Теперь припоминаю, то же вооружение и доспехи видел. Это что ж, они явились из этих земель?

– Скорее всего, даже из этого города. Вятичи, к примеру, тоже ходили в те походы, но у них оснастка другая.

Томас несказанно удивился:

– И вятичи из этих земель? Никогда бы не подумал. Я считал их викингами. Они стояли слева от герцога Тулебского, прикрывали фланг короля Генриха Синезубого. Тоже отважные и свирепые воины! Воистину дивны дела твои, Господи!

Когда седлали коней, Томас представил себе, какую дальнюю дорогу надо одолеть, сколько лесов, болот, городов и весей впереди, вздохнул, сказал в сердцах:

– Что не пойму: ты колдун немалой силы и ты не пользуешься своей мощью! Ну разве что когда совсем припрут к стенке. Да и то ты чаще готов помереть, чем колдануть. Для меня это все равно что иметь двух быстрых коней, а идти за ними пешком, глотая пыль! Тебе ж все равно гореть в геенне огненной! Так чего же страшиться еще?

Он думал, что калика не ответит, обычно таких разговоров избегал, но сейчас волхв был в хорошем расположении духа. Засмеялся:

– Я бы сказал, что это обет, это тебе б все объяснило. Верно?

– Ну…

– Так вот, это в самом деле обет. Не перед демонами, правда, как ты размечтался. Перед собой.

– Но зачем?

– Как тебе объяснить… Представь себе, что я тоже хочу достичь царства божьего. И я иду верной дорогой. Но всякое использование магии отбрасывает меня назад, во тьму. В магии много нечестивого… не в том смысле, как ты понимаешь, но общий смысл ты уловил… В магии все от слепой веры, а я ненавижу слепую веру, в магии рабства не меньше, чем в христианстве. Я чувствую себя опозоренным, когда спасаю свою шкуру магией. Ты прав, иногда легче умереть, чем чтобы тебя спасали те, с кем ты борешься…

Томас смотрел широко раскрытыми глазами.

– Тогда в тебе больше рыцарства, чем в любом из паладинов Круглого стола!

– Томас, на самом деле я стерпел бы и стыд, и позор, мало ли что пришлось вытерпеть раньше, но пользование магией топчет большее, чем жизнь. Оно топчет грязными копытами всю цель моего бытия! То, ради чего я живу.

Словно небо раскрылось над Томасом. У калики, оказывается, свой крест, который ему, рыцарю и воину Христа, даже не представить! Только самый краешек увидел, ощутил, и то оторопь берет. Опасный с ним противник едет, опасный…

К вечеру ветерок стих, в неподвижном воздухе повисли ароматы поздних трав, опавших листьев. Огромный багровый шар медленно опускался к краю земли. Угольно-черные

тени двигались по темно-багровой земле впереди всадников, удлинялись, сливались с тенями скал, камней и деревьев. Мир был дик и неведом, только они двое да кони казались живыми в этом мире.

Небо постепенно темнело. Сперва на нем высветился едва заметный серп, затем заблистала одна звездочка, другая. Теперь Томас и Олег ехали под темно-синей чашей, края которой опускались на края земли.

К ночи в редком березняке наткнулись на торговых гостей. Те поставили телеги с товаром кругом, развели костер, натаскали сушняка. К ночи готовились основательно, неожиданностей избегали…

На треноге уже булькал и звенел крышкой огромный котел, на горячих углях да тонких прутиках со снятой корой жарились широкие темные ломти. Запах жареного мяса с заморскими специями ожег ноздри. Томас шумно сглотнул слюну, а конь под ним тут же ускорил шаг, словно спешил съесть его раньше хозяина.

– Приветствуем вас, благородные сэры, – провозгласил Томас в пространство, явно не зная, как обратиться к торговым людям. – Мир вам и благословение Господне!

На них смотрели с любопытством. Один из купцов поднялся:

– Мир и вам, ежели не шутите. Впервые вижу попа в железе! Ночь на дворе, оставайтесь с нами. Ежели что, защитим.

Томас побагровел, начал надуваться, но Олег сказал крот-

ко:

– Спасибо, добрые люди. Мы переночуем с вами.

– Издалека?

– Очень.

Больше вопросов не задавали. Не хочет человек говорить или не может – его дело. Нельзя считать деньги в чужом кармане, как все любят, нельзя выспрашивать чужое, хоть и очень хочется. Захотят – скажут.

Томас достал из своих мешков сало и круг сыра – негоже только на чужое рот разевать, а свое прятать, – у купцов нашелся кожаный мешок с брагой, пустили по рукам вкруг костра. После трапезы пошел осторожный разговор о том, кто такие и куда путь держат.

Вопросы задавались так, чтобы легко дать уйти от ответа. Мало ли чего, в лесу могут жить разные люди, никого задевать не стоит. Время смутное, князья на все накладывают лапу, чужеземные миссионеры рыщут, одни пытаются в другую веру перевербовать, другие склоняют князей к тесным союзам то с Казимиром, то с половцами, то еще какие цели у них темные, далеко идущие. Что на пользу им, купцам, сразу и не сообразишь, так что лучше никого не задевать, а там приглядимся, прислушаемся, принюхаемся, где-то что – да обломится.

Когда мешок с бражкой опустел наполовину, пошел степенный и мудрый разговор о том, как обустроить Русь, как жить будем, как наконец-то установить мир и порядок на

землях, где всегда был беспорядок, где только обещали порядок, куда в давние времена зазывали даже немцев, чтобы те навели порядок, но даже и у тех пошло вперекосяк: это Русь, а не ихняя Неметчина.

Калика задвигался, спросил:

– Немцев?.. Это Рюрик-то немец?

– Немчура, – подтвердил купец. Подумал, почесал голову. – Или жид, теперь не дознаешься.

В самый разгар веселья, когда Томас уже намерился попытать счастья в игре, ибо в игре да в дороге познаются люди, в игре да в бане все равны, играть – не воровать, как внезапно зашумели верхушки деревьев. Воздух задрожал, вспыхнули и погасли синие искры. С треском ломая ветви, на землю падал сук, не сук – целая колода.

Гукнуло, колода оказалась выдолбленной изнутри. Люди ахнуть не успели, как оттуда вылезла, как огромный жук-короед, сухонькая старушка. Лицо было сморщенное, как печеное яблоко, рот беззубый, но глаза смотрели зорко. Суетливо отряхнулась, в растрепанных седых космах застряли древесные крошки, будто в самом деле грызла дерево.

– Исполать всем, – сказала она быстро. – Не пужайтесь, не трону. Я сегодни чегой-то очень уже наеденная. Только у костреца погреюсь, ежели не против…

Старший из купцов икнул, с трудом выдавил:

– Не против… Совсем-совсем не против. Еще как не против!

Старушка подошла ближе. Она была в лохмотьях, те висели на ней, как крылья старой летучей мыши, что привыкла спать среди паутины. Острые, как булавки, глаза пробежали по неподвижным фигурам Томаса и Олега. Томас настороженно держал ладонь на рукояти двуручного рыцарского меча. Там по самую шляпку был забит гвоздь из креста, на котором распяли Христа. Гвоздь, окропленный самой благородной кровью, защищает от всех козней дьявола и его слуг. Конечно, только тех, кто верует беззаветно. Так ему обещал капеллан. А, черт, это уже другой меч!

– О вас двоих вся земля слыхом полнится.

Олег доедал зачерствевший ломоть сыра, возразил с набитым ртом:

– Ну уж и вся!

– Вся наша, – уточнила старушка.

– Садись, грей кости. Ведунья?

– Теперь уже кличут ведьмой. Народ ведать не ведает ни про веды, ни про нас, хранящих веды. И ведать не хочет.

Олег стиснул челюсти. В мир опять который раз победно входит невежество. Раньше можно было силком учить грамоте, а теперь новая вера слабых и нищих духом гласит, что именно они, слабые, грязные и невежественные, угодны новому богу. А грамота – от дьявола. Бей и жги грамотеев!

Томас смотрел с отвращением. Креститься не стал: мужчине зазорно страшиться женщины, пусть даже колдуньи, но отсел, чтобы не коснуться невзначай хотя бы железным лок-

тем, вдруг доспех заржавеет?

Ведьма вскинула руки. В верхушках деревьев снова зашумело. Вниз с треском полетели сучья. Купцы бросились в разные стороны. Расстелилась по зеленой траве узорчатая скатерть, на землю гупнулись узкогорлые кувшины, такие Олег видел только в Элладе. Неслышно возникли две большущие братины, одна с брагой, другая с хмельным медом, посыпались ковшики, а посреди скатерки, всех раздвинув, появился жареный кабанчик с яблоком во рту.

– Язычество! – сказал Томас с отвращением. – Козни дьявола!

– Не ешь, – предложил Олег.

– Еще чего, – оскорбился Томас. – Дьявол еще подумает, что я страшусь его слуг!

Он первым вытащил кинжал, узкий и очень острый, только им можно добить сбитого с коня рыцаря, просунув острие в щель решетки забрала, с наслаждением вонзил в кабанчика, словно лишал жизни сарацина. Пахнуло ароматным мясом. Кабанчик был молодой, сочный. Похоже, даже не лесной, а откормленный в тепле и холе молоком и свежим хлебом.

Олег, посмеиваясь, таскал из огня ломти жареного мяса. Купцы, переглянувшись, потянулись за ковшиками. Старший украдкой спрятал нательный крестик поглубже, тут же одной рукой зачерпнул бражки, другой принял от Олега кус мяса. Пригубил, прислушался, на лице появилась довольная

улыбка.

Купцы ели и пили ведьмино угощение сперва опасливо, но когда хмель ударил в голову, у костра пили и орали песни уже прирожденные язычники. Один даже бабку поднял в пляс, а когда из-за деревьев в ночи начали поблескивать желтые глаза, явно не волчьи, никто не ухватился за крест, а старший даже сделал приглашающий жест: мол, скатерть всех накормит, если бабка не брешет. В ночи да лесу все мы братья.

Когда купцы, обнявшись, орали непотребные песни, ведьма повернулась к Олегу и Томасу. Голос ее упал до шепота:

– Что вы такого натворили?

– А что ты слышала? – ответил Олег вопросом на вопрос.

Ведьма на него внимания не обращала. Острые глазки буравили Томаса.

– Что ты такое несешь… с собой или в себе, что о тебе говорят даже в Высоких горах?

Томас мялся, поглядывал на сэра калику. Олег сказал громче:

– Тебе-то что? Подслушивать недоброе дело.

Ведьма оглядела его с пренебрежением:

– Скажи… Ты тоже при ем?

– При ем. Что ты слышала?

Ведьма снова обратила острый взор на рыцаря:

– Чегой-то побаиваются. Слышно плохо, но понять можно, что посылали вовсе тебя остановить…

– Останавливали, – буркнул Томас.

– И что же?

– Сами больше не сдвинутся. Разве что черти утянут.

Ведьма оглядела его с растущим интересом. Раздражение рыцаря игнорировала, Олег ее понимал. Невежественный ангел, каким бы крупным и сильным ни выглядел, все равно ребенок. Капризный, вспыльчивый ребенок нового мира. Не лучшего, еще не скоро можно увидеть, чего стоит этот мир на самом деле, а пока что просто нового. А как сердиться на ребенка?

– Зело гордо сказано… Да и сам ты спину не гнешь. Похвально.

– Гнет, – сказал Олег ехидно. – Перед драконом не гнет, а перед крестом, костями, щепками, следом на камне… Еще плюет через плечо, постоянно крестится, шепчет, пальцы за спиной скрючивает, чего-то боится, как заяц.

– Такой суеверный? – удивилась ведьма.

– А еще верит в сон и чох, черную кошку, бабу с пустыми ведрами, попа на дороге и пятницу тринадцатого числа…

Томас сердито сопел. Он не боялся зримого врага, бог свидетель, а также побитые им сарацины, но вера велит бояться врага незримого, который вообще враг рода человеческого!

Ведьма щелкнула пальцами, воздела руки. Сверху упали две большие широкие чаши, ведьма ловко поймала, не дала коснуться земли. Края чаш в свете костра тускло поблескивали, Томас определил, что обе окованы старым серебром.

Олег принял чашу, усмехнулся, взглянул на Томаса. Перевел взгляд на чашу, покачал головой, встретившись взглядом с ведьмой. Та пренебрежительно отмахнулась: пей, не выкобенивайся! Посмотри на своего друга, тому что пнем о сову, что совой о пень…

А Томас, осушив чашу, налил из кувшина терпкого вина: кабанчик был с восточными специями, во рту надо тушить пожар, выпил залпом, потом отведал хмельного меду – в Киеве познал вкус и прелесть, снова запил вином и сразу наполнил чашу.

Говорить при купцах не хотелось, и так уже прислушиваются, переглядываются. При их ремесле пить можно, даже напиваться, но кто теряет голову, тот в купцах дольше одной поездки не продержится. А эти были матерыми, опытными волками. Даже чересчур для такой простой поездки на торг из одного княжества в другое.

Олег, предупреждая новый вопрос ведьмы, спросил почтительно:

– Ой вы, гости далекие! Вы повидали и страны дальние, и людей заморских! Вы своими глазами зрели то, о чем мы слышим только в кощунах, которых новая вера велит звать былинами. Расскажите, что дивного встретили в последний свой торг?

Лесть оглупляет и самых мудрых. Род зачем-то оставил и это уязвимое место в человеке среди прочих. Острые глаза купцов сразу стали масляными, отупели. Поглаживая рос-

кошную бороду, старший сказал важно:

– Мы видели высокие башни Багдада и синее, как небо, море, видели пески и странных зверей. Мы зрели мир, где не бывает снега, где люди ходят черные, как уголья, как деготь! Мы видели могучие племена, где даже вожди ходят голыми и едят людей…

Ведьма покачала головой:

– Страсти какие!.. Врешь, поди! Где ж такие звери живут?

– Далеко… Но самое дивное было, когда шли обратно через раскаленные пески… Нас осталось мало, ибо все продали, кроме троих коней, да еще были две подводы с гостинцами… Дорога была, по слухам, пустой и безопасной, потому мы отпустили охрану. До города версты две, мы ехали и радовались скорому возвращению на Русь…

Он вздохнул, вытер лоб. В глазах метнулась тень страха, он заново переживал что-то нелегкое.

– И когда уже показались городские стены, на нас откуда ни возьмись напали разбойники. Их было две дюжины против нас троих. Не хвалясь скажу, что каждый из нас выстоит против двоих, а разозлись, то сдюжит и с тремя, но у нас третий захворал, везли на телеге, а вдвоем не сумели бы…

– Ну-ну!

Купец сказал с восторгом:

– Нам пришел бы конец, если бы в последний момент не явился дивный витязь! Он был как грозная молния в божьей руке. Конь под ним был вороной, грива и хвост стелились

по ветру, а меч в его руке блистал, как самая яркая звезда на небе Багдада. Когда он понесся на разбойников, земля застонала, а за ним взвилась стая черных воронов…

– Что за вороны? – не понял Томас.

– Комья земли, выброшенные копытами его коня! Витязь крикнул страшным голосом. Многие разбойники попадали, а у других ноги превратились в воду. А когда витязь налетел с поднятым мечом, только пятеро осмелились броситься на него.

– Ну-ну? – спросил Томас нетерпеливо.

Купец перевел дыхание. Гордо расправил грудь, словно это он дрался с разбойниками.

– Он поверг всех пятерых тремя ударами! Я не знаю, как он так сделал, но я сам видел три страшных удара, после чего траву на десять саженей забрызгало кровью, а разбойники лежали, как разрубленные туши баранов. Богатырь даже с коня не слез. Улыбнулся, вытер меч, повернул коня. Напрасно кричали, хотели почтить, предлагали деньги и богатые дары за чудесное спасение!.. Он даже имя свое не назвал. К счастью, один из наших видел его раньше, признал!

Томас спросил уважительно:

– Кто же этот дивный витязь, столь доблестный, сколь и скромный? Редко на земле являются рыцари, наделенные столь чудесными добродетелями. Я думал, они все сидели за Круглым столом…

Купец сказал торжественно:

– Это был сам Михаил Урюпинец!

Калика кивнул понимающе. Похоже, он слышал о доблестном богатыре. Купец благочестиво перекрестился. Томас перекрестился тоже. Оба смотрели друг на друга с покровительственным пренебрежением, мол, что с дурня взять…

Да и в самом деле каждый был невежей с точки зрения другого: один положил крест с правого плеча, другой – с левого. Они еще не знали, что первый будет зваться православным, второй – левославным, или католиком.

Купцы с пьяным удивлением заглядывали в братины, что не становились легче. Младший наконец запрокинул одну вверх дном, оттуда жиденько плеснуло брагой, та исчезла, не коснувшись земли. Тут же братина опустела, даже высохла, будто ее подержали над костром. Напрасно незадачливый купец пытался вытрясти хоть каплю. Ему надавали по шее, а со второй обращались бережно, чуть ли не с поклонами.

Кабанчик ухитрился насытить всех, так как быстро обрастал сочным пахнущим мясом, уже жареным и нашпигованным чесноком и луком. Старший держался дольше всех, ел и пил за дюжину, ремень сперва распустил, затем снял вовсе. Друзья отвалились по одному, засыпали пьяно, один захрапел с костью в руке. Ведьма осторожно высвободила кость, припрятала в суму на поясе. Олег заметил, кивнул. Оплошала ведьма, не учла, что у купцов не ее беззубые десны. Это

она со своими желтыми пеньками снимает лишь волоконца, а здесь крепкие зубы купцов в поисках костного мозга перемололи то, без чего кабанчика не восстановить. Придется искать заклятие посильнее, нового поросенка достать труднее. Может и не получиться, древнее умение волхвования уходит безвозвратно.

Когда старший сдался, повалился навзничь и захрапел, у чудесной скатерки остались только Томас и Олег. Ведьма почти не ела, а рыцарь и калика насыщались по-мужски неторопливо, степенно, умело наедаясь впрок, как матерые волки.

Ведьма огляделась по сторонам – чужих ушей нет, а купцы спят непробудно.

– Так кто вас подстерегает?

– Подстерегали, – поправил Томас гордо. – Теперь их самих черти стерегут. И дрова под котлы подкладывают.

– Куда? – не поняла ведьма.

Олег объяснил снисходительно:

– Это из их учения о загробном мире. Не обращай внимания.

– А-а, – протянула ведьма. – Какая-то новая вера? Лады, много их было… Авось и эта долго не продержится. Одних вы сокрушили, а как с другими будете?

– Других нет, – ответил Томас сердито, слова ведьмы о святейшей вере Христовой задели. – Сокрушили злодеев безбожных.

– Они как раз и были христианами, – не преминул уколоть Олег.

– Всех сокрушили? – не поверила ведьма.

– Главных побили, а стадо, ежели есть, разбежится. Да и кто пойдет супротив, ежели побили сильнейших?

Ведьма сожалеюще смотрела на молодого рыцаря, гордого и счастливого, упоенного победой. Даже сейчас выгнул грудь и расправил плечи, будто король уже благосклонно одаривает милостями. Не знает еще, что святой угол пустым долго не бывает.

Глава 2

В корчме, каких в Киеве не меньше сотни, за дальний столик сели двое. Один в легкой одежде степняка, смуглолицый и черноусый, каждый в нем признает берендея, при кривой сабле и в кольчужной сетке, другой повыше и пошире в кости, белокожий и с распущенными до плеч белокурыми с проседью волосами. Синие, как лед, глаза выдавали уроженца Севера. Он был в кожаных латах, из-за спины торчала рукоять исполинского двуручного меча.

– Здесь платят золотом? – спросил человек в одежде степняка.

Голос его был высоким, гортанным, с хищным орлиным клекотом. Глаза навыкате были похожи на глаза крупной злой птицы.

– А также медью, кунами и зуботычинами, – ответил северянин неспешно.

Он двигался с ленивой грацией, голос густой и мощный, словно говорил из глубокого дупла. В движениях чувствовалась мощь, хотя лицо и открытую грудь испещряли глубокие шрамы. Один буквально рассекал правое плечо, но движений, судя по всему, не сковывал.

Северянин пытливо всматривался в смуглое лицо с черными, как терн, хищными глазами. Степняк усмехнулся, показав белые, как снег, зубы:

– Ответ верен. Тогда скажи еще: какое кольцо у Слымака на мизинце?

Северянин напрягся, его ладонь потянулась через голову к рукояти страшного меча.

– У Слымака нет мизинца на левой руке. А на правой колец не носят вовсе.

Улыбка степняка стала шире.

– Тогда ты – Неистовый Ролан. Меня зовут, как тебе уже наверняка сказали, Бадри. Что будешь пить?

Северянин расслабился. Огляделся уже иначе, без опаски, оценивающе:

– А что здесь пьют? Брагу, настой мухомора?

– Издалека ты, – заметил степняк, назвавшийся Бадри. – Здесь медовуха в чести. Хмельная. А едят… Едят все. Впрочем, и пьют все.

Молчаливая женщина поставила перед ними глубокие миски с гречневой кашей и жареным мясом, бесшумно удалилась. Ели неторопливо, искоса посматривали друг на друга. Когда появились чаши с хмельным вином, тоже пили неспешно, оценивающе. Чувствовалось, что Бадри моложе, быстр в движениях, в глазах светился ум и веселье. Ролан тяжелее, с крупным телом викинга, широк в кости, неторопливый. Вокруг глаз собрались мелкие морщинки, не от возраста – такие люди до старости выглядят молодо или хотя бы моложаво, а от пристального всматривания то ли в огонь, то ли в сверкающие на солнце снежные просторы.

Наконец Ролан сказал медленно:

– Давно не случалось, чтобы вот так… Почему не передали с ветром?

– Могли перехватить чужие уши, – ответил Бадри. Черные, как смоль, брови озабоченно сдвинулись. – А дело очень серьезное… Ты знавал Слымака?

– Командора Северо-Востока? Его все знали.

– Так вот, он теперь уже точно не будет носить колец.

Ролан откинулся от стола, будто увидел на блюде змею. Синие глаза впились в лицо степняка.

– Кто его сместил?

Бадри покачал головой:

– Сместил? Да, можно сказать, что его сместили… Приехали двое диких, сместили. Мозги расплескали по всем четырем стенам. И стражу, а ты знаешь, какая у таких людей стража, тоже сместили. Перевели на работу ковриками. Чтобы ноги вытирать удобнее.

Ролан смотрел, не веря. Но лицо степняка было серьезным.

– Не может… быть! Слымак… Да сильнее его не было!

– Как видишь, есть. Или же кому-то очень повезло. Но этому «кому-то» повезло еще в Константинополе. Там сразили Барука! Не слыхал?

Ролан покачал головой. Не слыхал о Баруке, но, судя по голосу степняка, это наделало шума в тайных коридорах власти.

– А что Тайные передают нам?

– Тайные пока что решают, кому быть на самом верху. Но в одном сходятся: этих двоих надо остановить во что бы то ни стало! Они несут серьезную угрозу.

– Тайным?

Бадри сказал наставительно, голос был сухим и неприятным:

– Тайные ничего не делают для себя, все только для цивилизации.

– Хорошая формулировка, – пробормотал Ролан. – Но я знаю, откуда она. Я читал Коран.

– Откуда ты знаешь, что Тайные не помогали Магомету составлять свод законов? Так что это вполне могла быть их формулировка. Да и вообще, Ролан, ты говоришь опасно, усомнившись в высшей мудрости Тайных. Ты еще не на высшей ступени…

Ролан отмахнулся с беспечностью сильного человека:

– Но кто они? В чем угроза?

Лицо Бадри стало непроницаемым.

– Кто мы, чтобы требовать разъяснений? Для этого надо быть выше шестой ступени, а мы на какой?.. Впрочем, никто не мешает нам самим попробовать вызнать… У Тайных забота о всем человечестве, а мы проще. Нам можно сперва о своих позаботиться. Кстати, мы и поставлены следить за своими регионами. Я наблюдаю за степными народами, их как песка в пустыне, а ты…

– За северными, – кивнул Ролан, – их как капель в море. Если эти двое пойдут через мои земли, я могу сдвинуть с мест пару племен и бросить им навстречу хоть сегодня. А могу и два десятка. Они и так передвигаются, как стаи волков. Сегодня там один народ, завтра – другой.

– Они пройдут. Но засаду выставь! И не одну. А я пошлю вдогонку степняков. Они на своих легких конях доскачут и до самого дальнего моря!

Северянин кивнул, но поморщился.

– Не доскачут.

– Почему?

– Северные племена сильны и свирепы. Они сами начинают посылать своих в походы на Восток. Ты разве не слыхал о викингах? Или о крестовом походе за… ха-ха… отвоевание Гроба Господня?

Бадри кивнул:

– Слыхал. Думаю, я надзираю за степняками временно. Я слышал, меня намереваются перевести на ступень выше: буду следить за сарацинами.

– Это лучше. А степные кочевники… Ни грамотности, ни даже городов, живут разбоем… Почему Тайные не сотрут их с лица земли? Ведь давно ясно, что цивилизация на стороне землепашцев. Будь это христиане или сарацины. А степняки и тех и других постоянно грабят и уничтожают.

Степняк пожал плечами:

– Кто мы, чтобы спрашивать Тайных? Возможно, они

нужны как щуки, чтобы караси не дремали. Возможно, кровопускание спасает не только ожиревшего человека, но и целые народы… Возможно, у Тайных есть и другие цели. Не забудь, эти двое, что уничтожили Слымака, очень сильны. Не только мускулами, конечно.

– Они маги?

– Неясно. Только и знамо, что один – невежественный меднолобый, а другой вовсе калика бродячий…

Ролан насторожился. Синие глаза потемнели. «Он умен, – подумал Бадри невольно, – очень умен, несмотря на мускулы и зверский вид. Непривычно это, словно бы боевой конь стал играть на лютне, ведь Создатель в могучее тело вложил мозги, предназначенные для слабого и робкого. А Тайные умеют находить ценные мозги, в каком бы теле они ни прятались. Находить и ставить себе на службу».

– Калика? – переспросил Ролан задумчиво. – От них можно ждать любой беды. Под плащами калик либо лазутчики, либо беглые, а то сумасшедшие или пророки. Даже боги, говорят, когда-то бродили по дорогам, прикидываясь каликами. С меднолобыми проще, хотя и среди них бывают очень непростые… Разве мы сами не побывали в их шкуре, когда сил было больше, а ума кот наплакал? Всех в молодости влечет блеск меча и воинские подвиги. Но мне совсем не нравится, что эти двое вместе. Обычно меднолобые держатся себе подобных, а калики бродят толпами среди таких же оборванцев.

Бадри улыбнулся. Уже не победоносно, не ехидно, а как равный равному, с которым есть общие секреты. Уже спокойнее допили вино, редкое даже в Элладе, непостижимо, как местные купцы привозят из дальних стран, да еще столько, поднялись.

Ролан распахнул объятия, Бадри шагнул, и они обнялись по-братски. Даже роднее, ибо кровные братья могут и кинжал всадить в момент объятий, а братья по Идее стоят друг за друга по-настоящему.

– Клянусь Вотаном, мы их остановим! И вызнаем их тайны.

– Все еще клянешься Вотаном?

– Привычка, – отмахнулся Ролан. – В мои племена новую веру вбили еще позже, чем в эти росские головы. Пока что даже конунги относятся к Христу с пренебрежением, так как он не из рода богов. А безродному, да еще бастарду, в моих землях утвердиться трудно, даже богу… А о том, что он иудей, вообще стараемся не упоминать. Словом, мы этих двоих остановим. Если они действительно идут в Британию.

– Остановите, – согласился Бадри. – Ежели… мои степняки не догонят их раньше.

Они оскалили зубы, похожие на волчьи, подняли руки в прощании. Чем-то неуловимым были похожи, хотя, на взгляд корчмаря, тайком наблюдавшего за ними, трудно было найти более разных людей. Но что такое разница в росте, цвете волос и кожи, когда тело человека – всего лишь ножны

для блистающего меча? А блистающие мечи этих двух выкованы в одной кузнице и служат одному хозяину.

Хозяином этим не был человек. Человеку, будь тот даже императором, гордый северянин не стал бы служить, как и не менее гордый степняк. Но есть способ подчинить и самых умных, отважных и независимых. Если призвать служить не человеку, а Идее! Самой великой и самой благородной.

В ночном лесу послышались шаги. По шагам многое можно узнать, и еще до того как подорожный вышел к костру, Томас мысленным взором увидел или нарисовал молодого усталого человека, бедного и невооруженного, иначе бы сам побаивался, обутого в берестяные лапти, поношенные. Олег даже запах уловил: подорожный давно не мылся, потом несет как от коня, но все равно идет с той стороны – явно даже не охотник, те в любом случае свой запах прячут, как собаки кости.

Когда он вышел к огню и встал так, чтобы его можно было осмотреть, а кто ждет подвоха, еще чтобы и скользнул в темноту, проверил, не прячется ли там еще кто, Томас благожелательно помахал рукой:

– Иди к огню. Ты прошел дальнюю дорогу.

Парень присел у костра, глаза у него были добрые, печальные. Смотрел вроде бы с какой-то надеждой. Руки, которые вытянул к огню, были жилистые, видавшие разную работу. Спохватившись, вытащил из заплечной сумы ковригу хлеба,

разломил на части, протянул:

– Угощайтесь, чем небо послало.

Томас кивнул благосклонно, ведьма взяла ломоть хлеба и стала есть так, будто голодала всю свою некороткую жизнь. Олег же снова ощутил горечь: вот уже русич побаивается помянуть своих древних богов. Но и нового бога называть не хочет или боится.

– По делу аль от дела? – спросила ведьма деловито.

– Не знаю, как и сказать…

– Так и скажи. Сегодня ты нас видишь, а больше не встретимся. Не стесняйся.

– В бане и в лесу не стесняются, – сказал калика.

Парень посмотрел большими кроткими глазами.

– Невесту ищу. Пошла в лес за ягодами и сгинула. Я уже все ноги истоптал, вторую неделю ищу… Ежели лютый зверь разорвал, то хоть косточки собрать. Негоже… А ежели еще жива, то принесу, выхожу. Сам травы пособираю, все, что надобно, сделаю.

«Есть же и в этом проклятом мире люди, – подумал Олег с горьким теплом. – Нет чтобы другую найти, здоровую да румяную, сам-то пригож, но готов и калеку всю жизнь выхаживать. Для него она всегда останется молодой и красивой…»

Ведьма сказала задумчиво:

– Разве что забрела она в одно гиблое место. С виду поляна как поляна, можно все лето грибы собирать, скот пасти… Но раз за лето, а в прошлом году стряслось дважды, поля-

на становится гиблой. Кто ни ступит на нее, сразу как тесто расползается, сквозь землю уходит.

Парень побелел, кровь отхлынула даже от шеи. Томас сочувственно сопел, сунул чашу с медовухой. Парень взял не глядя, хлебнул, закашлялся, только тогда сообразил, что у него в руке.

– Наступает новое время, – сказал Томас. – И в эти дикие края придет вера Христова… Знаю, пришла, но еще и укрепится, и сметет всю нечисть, истребит колдунов. Не останется этих гиблых мест. Мир будет чист.

Олег покачал головой:

– Каждая вера плодит своих чудищ. И каждая создает преступления, незнаемые ране. Ладно, завтра рано вставать, вот уже заря занимается…

Томас сказал нерешительно:

– Ты спи, а я еще пообщаюсь. У нас в Британии ведьм нет. А я, заполучив Крижину, из дому больше ни ногой!

– Зарекалася свинья… гм… есть, – буркнул Олег равнодушно.

Ведьма хлопнула в ладоши. Из-за кустов полезли с готовностью давно наблюдавшие за пиром кикиморы, лешие, корчевники, чугайстыри, мавки, исчезники. Лохматые, нечесаные, порой вовсе похожие на гигантские еловые шишки, раскоряченные пни или комья омелы. Странная жизнь, когда-то занимавшая всю землю, теперь исчезает, дичает, а человек теснит и истребляет ее вместе со зверьем, болотами, завала-

ми…

Они плясали и кувыркались вокруг костра. Томас наблюдал с брезгливым интересом. Придет истинная вера, и здесь тоже заблещет свет Христова учения. А пока пусть покувыркаются напоследок. Не ему руки марать.

Олег лег в сторонке от костра, осторожничал, на лесной народ смотрел тоскливо. Рыцарь прав: пройдут, сметут и сотрут, начертают свои письмена. Правда, когда сами научатся. Сейчас даже короли на Севере – неграмотные, суеверные. Но будущее за ними, потому что они живут жадно и яростно, свое доказывают с пеной у рта, готовы защищать с мечом в руке, класть свои и чужие жизни. Это они подняли полмира на освобождение гроба своего пророка. Какие войска двинулись на Восток! Впервые, сколько Олег помнил, война началась не для того, чтобы захватить чужие земли, ограбить, набрать пленных для продажи в рабство, а девок на потехи, а чтобы освободить святую вещь от поругания… Понятно, что будут грабить и насиловать, старые привычки уходят тяжко, но уже стыдятся, скрывают даже те, кто шел только для грабежа… А это уже много.

А эти жители Старого Леса знают и умеют неизмеримо больше простого люду, в таких делах даже короли – простой народ, но ни к чему не стремятся, ничего не жаждут. Живут, как жили их прадеды, не замечают, что сам мир уже другой. На месте лесов возникает степь, та превращается в пески, а через тысячи лет пески могут ссыпать в провал, ущелье, а

оттуда выплеснуться целым морем и затопить все окрест. В новом мире – новые люди!

«Уйдут, как постепенно ушли даже боги, – сказал себе невесело. – Где они, эти титаны, сотворенные Родом? Первые, явившиеся на землю? Уходят даже бессмертные. Ведьма, при всем знании, не понимает, что из-за плеча этого молодого рыцаря на нее обрекающе смотрит будущее. Невежественного, полного суеверий и предрассудков, нелепого с его суждениями… Но рыцарь несет жизнь в застойное болото, в которое опять начал превращаться белый свет».

– Пляшите, – сказал он вслух, – уходить надо с пляской.

Глава 3

Просыпаясь, Томас ощутил в одной ладони рукоять меча, другая ладонь была на мешке с чашей. Спать на чаше не очень удобно, зато не скрадут. Спит чутко, сразу ухватится за меч, ежели дернут за мешок. Успокоенный, подремал еще, с трудом заставил себя открыть глаза.

Калика сидел, скрестив ноги, встречал утреннюю зарю. Лицо было строгим и торжественным. Томас благоговейно замер: в такие минуты сэр калика походил на пророков. Но не тех, какими их все чаще рисуют, а какими они были на самом деле – могучими, полными сил, ибо сильный дух выживет только в сильном теле. Правда, так говорят еретики, но еретики тоже христиане, только другие.

Купцы запрягали коней, готовились ехать дальше. Ведьма не исчезла, что-то колдовала над горшком подозрительного вида. Скатерть была на месте, объедки выглядывали из-под кустов, помятых и потоптанных, а на скатерке по-прежнему лежал жареный поросенок с яблоком во рту, пахло гречневой кашей.

Томас, с сожалением поглядывая на все еще полную скатерть и особенно на полные кувшины, предложил внезапно:

– Послушай, красавица, а чего бы тебе не пойти с нами?

– Эт куды? – спросила ведьма подозрительно.

– В благословенную Господом Британию. Край у нас хо-

лодный и суровый, но лишь потому, что Господь весь жар вложил в наши сердца и души.

Олег отвернулся, подумав, что столько и выпить невозможно, чтобы старая карга показалась красавицей. Сильны воины нового бога!

Ведьма с осуждением покачала головой:

– Только дурни по свету шатаются. С Оловянных островов приперся, скажи кому – не поверят. Все беды от перемен. Похмеляться будешь?

– А что за ритуал?

– Тебе понравится, – пообещала ведьма.

Томас с подозрением смотрел на огромную чашу, окованную по краю старым серебром. В чаше было хорошее красное вино, потому и принял из рук ведьмы, хоть в утреннем свете сразу увидел, что чаша сделана из человеческого черепа.

– Это из такой я и ночью отведал?

– Отведал? – не поняла ведьма. – Ты всю ночь пил! А кто эти кусты потоптал, как не ты?

Томас встревожился:

– Я?

– Да еще как лихо!

– С чего бы это?

– Показывал, как пляшут ваши нечестивые друиды, потом что-то плел про башню Давида, сарацин, Навуходоносора, геенну гадкую, сэра Горвеля по ноздри в землю, на дубы

кидался, танцу асассинов купцов учил, про попугаев рассказывал, на дерево лазил…

Несчастный Томас простонал, держась за голову:

– А на дерево почто лазил?

– А про каких-то абезьянов рассказывал. Как девок крадут и в ветках непотребное творят… У меня сердце чуть не выскочило, когда ты меня на самую верхушку… Фу, стыдоба какая! У нас бабы с медведями живут, тоже поневоле, когда те их всю зиму в берлогах держат, но то ж медведи! Все одно что мужики в полной силе, да еще и волосатые… А обезьяны хуже сапожников.

Томас понуро опустил голову. Это ж сколько грехов придется замаливать, ежели бабка не врет? Да и пить из человеческого черепа – простит ли капеллан? Правда, вино хорошее…

Чаша в его руке была холодная и тяжелая. Серебро поблескивало загадочно, красная поверхность казалась темной, как смола.

– Хоть хороший человек был? – буркнул он несчастливо.

– Яростный воин, – поклялась ведьма. – Сильный и неустрашимый. Голос его был подобен рыку льва, грудь широка, как дверь, а руки с мечом не знали устали. Он многих уложил под дерновое одеяльце, прежде чем его опустили на одно колено. Но и раненый он продолжал сражаться. Когда ему отсекли ногу, он стал обрубком на пень и дрался так, что еще троих поверг бездыханными!

Томас благоговейно отхлебнул вина. Иссохшееся тело жадно приняло влагу, он ощутил, как частицы мощи неизвестного воина, вымываемые крепким вином из толстой кости, переливаются в тело, руки, ноги и сердце христианского воина Томаса Мальтона из Гисленда.

Конь призывно заржал, и Томас стал нехотя приподниматься. Олег сказал, не поворачиваясь:

– Европа все еще покрыта дремучими лесами. На конях проехать трудно… Зато местные… гм… жители обещают помогать.

– А разве тут кто живет?

– И неплохое вино пьют.

– Ну, ежели та ведьма, – проворчал Томас.

Он поднялся, страдальчески перекривился. В голове раздавался колокольный звон, хотя, как сэр Томас ни оглядывался, колокольни не зрел, но духом не устрашился, так как миражей насмотрелся еще в песках Великой Сарацинии.

– Ты вроде против?

– Нет-нет, – возразил Томас поспешно. – Вино было просто отменное. Хоть и краденое.

– Ну, даже твоя вера не мешает грабить.

– Грабить и красть – не одно и то же. Грабить – благородно, а красть… красть нехорошо.

– Даже у язычников?

Томас задумался над трудным богословским вопросом. Потом вспомнил, как выворачивался их священник, когда

ему задавали неразрешимые вопросы вроде: «Сможет ли Бог создать такой камень, который не сможет поднять?» или «Был ли у Адама пупок?», сказал с нажимом:

– Бабка сама язычница!

– Есть веры еще древнее, чем ее. Они для нее – язычники.

Томас подумал, решился:

– Язычников – можно. И нехристей. И еретиков.

Обереги в пальцах Олега постукивали, скользили, как обкатанные водой камешки. Всякий раз застревали только фигурки змеи и меча. Даже ребенок поймет: обереги сулят дорогу и схватки. Что ж, в эти края еще не пришел закон. Правит тот, у кого меч длиннее.

Оседлав коней, поехали, оставив зарю за спиной. Томас от нетерпения приподнимался в стременах, словно надеялся узреть туманные скалы Британии, которую калика звал по старинке Оловянными островами. Правда, он намекнул, что ежели он, Томас Мальтон из Гисленда, донесет чашу в сохранности, то и Британией звать перестанут, а всю огромную страну с народами и десятками королевств назовут в честь его славного, хоть и малого племени англов. Томас боялся и не любил пророчеств языческих волхвов – все-таки от дьявола! – но это пусть бы исполнилось, даже если гореть ему за это в огне.

К полудню выбрались на берег извилистой речки. На той стороне белели хатки, почти скрытые лесом. Речка долго вы-

бирала русло, меняла его, возвращалась на старые места, забросав илом да тиной старую дорогу, а деревья то подступали к самой воде, то уступали место густым зарослям осоки.

Вдоль берега шла тропка. Томас без раздумий направил коня по утоптанному. Будет брод – переправятся, брод не заметить трудно. Калика на ходу свешивался с коня, срывал пучки травы, нюхал, даже пробовал на зуб. Томас ехал недвижимый, как башня. В рыцарском доспехе шевелиться трудно, куда уж выкидывать трюки подобно дикому степняку. Можно только утешиться, что степняки в царство небесное не попадут, они все язычники. Иначе было бы зазорно сидеть бок о бок с узкоглазыми да желтолицыми. А то и вовсе с простолюдинами! Но бог справедлив, такого унижения человека благородного происхождения не допустит.

Здесь, ближе к северу, уже чувствовалась близость осени. Яркие, как забрызганные кровью, мухоморы торчали из темно-зеленой травы, сами просились в руки, зато грибы благородного происхождения наперед не лезли, скромно и с достоинством ждали, когда их узрит царский взор человека. Кусты терна стояли, обвешанные черными ягодами, одуряюще пахло из колючих зарослей малинника.

Олег молча указал на медвежьи следы, хозяин леса не упускает случая полакомиться сладким, так же молча слез с седла и бесшумно углубился в колючие заросли. Томас поерзал, но рыцарский долг велел остаться в седле и охранять друга. В густых ветвях перекликались птицы, тревоги в их

голосах Томас пока что не уловил.

– Отведай, – пригласил Олег, выходя из чащи. – Скоро этих лесов не останется.

Томас принял горсть ягод:

– Почему?

– Вырубят, раскорчуют, а землю пустят под пашню. Потом ветер выдует землю, она ж распаханная, останется песок. Будут великие Пески… Я такое уже не раз видывал.

У Томаса мороз пошел по коже.

– Сэр калика, страшно говоришь… Мы хоть успеем доехать? А то мой конь в песках завязнет.

Олег скорбно качнул головой:

– Мы-то успеем. Это будет лет так через восемь – десять тысяч. А вот твоим правнукам придется туго…

Томас пошевелил губами, потом пальцами, подсчитывая годы, широко заулыбался:

– Пусть спросят у сарацин, как в песках города строить. Как думаешь, сарацины и тогда будут?

Он с неожиданной легкостью соскочил с коня, безбоязненно углубился в колючие заросли. Слышался треск, хруст, довольные возгласы. Затем послышался страшный рев, ругань. Олег положил ладонь на рукоять палицы, прислушался. Сильнее запахло малиной. Рев становился раздраженнее, потом уже ревели на два голоса. Олег равнодушно отвернулся. Было бы странно, если бы сэр Томас не наступил на спящего медведя. Мохнатый лакомка так ленив, что и спит в

малиннике, чтобы, проснувшись, снова жрать ягоды во все медвежье горло.

Олег перебирал обереги, вслушивался в тайные голоса, вчувствовался в смутные образы. Наконец, перебивая видения, прорезался крик:

– Сэр калика! Сэр калика, я медведя поймал!

– Ну так тащи сюда, – ответил Олег равнодушно.

– Не идет!

– Гм… Тогда плюнь, сам иди сюда. Ехать пора.

– Не пускает!

– А-а… вырвись как-нибудь.

– Так он на мне сидит, проклятый! Шлем зачем-то сковыривает!

Олег нехотя пошел в чащу. Малинник был в рост человека, дикий и озверевший в тесноте. Ветви переплелись, колючки торчали во все стороны, острые, как волчьи клыки. Когда осторожненько отводил ветку, другая тут же пыталась с размаху хлестнуть острейшими клыками. В чаще орал Томас, торопил. Там слышались глухие удары, сиплое взревывание.

Наконец через сплетение веток Олег увидел горбатую спину хозяина леса. Тот пытался нахлобучить на свою лохматую голову шлем, обиженно взревывал. Ноги Томаса Олег заметил не сразу: медведь был чудовищно огромным, накрыл рыцаря целиком.

– Сэр Томас, – позвал он неторопливо, – ты где?

Голос рыцаря был слабым, словно из самого медведя:

– Сэр калика… здесь я… под этим дурнем… Ишь, в рыцари ему восхотелось…

– Во дурень! – ахнул Олег. – Что в рыцарях хорошего?

– Ему… объ…ясни…

– Чего ты туда залез? – удивился Олег. – Медведя в рыцари посвящаешь?

– В рыцари… не так… Сгони его с меня. Он мне доспехи помял!

Олег вытащил из мешочка рыбину – все равно протухла, – швырнул медведю. Тот с готовностью слез с рыцаря, благодарно подобрал лакомство и вломился в заросли. Слышно было, как затрещал орешник, вскрикнула испуганная птица, и все затихло.

Томас остался лежать вверх лицом, бледный и задыхающийся. Руки едва шевелились, что-то искали.

– Чаша цела, – успокоил Олег. – В мешке на твоем коне.

Томас прохрипел:

– В задницу чашу!.. А где…

– Шлем? Вон в кустах. Медведь как ребенок, все бросит ради лакомства.

– Ребенок? Эта зверюка – ребенок?..

Олег подумал, признался:

– Скорее абезьян. Те же повадки. В наших лесах он заместо абезьяна.

Томас с великим трудом приподнялся, сел. Грудь была

смята могучей лапой, рыцарь дышал тяжело, хватал ртом воздух, как рыба на берегу.

– Обезьяна… Пустить бы эту обезьяну в их леса…

– А что не так? – не понял Олег. – Он и по деревьям лазит не хуже. Только не всякая ветка его выдержит… И не всякое дерево…

– Да и земля может проломиться, – добавил Томас ему в тон. Он поднялся, покачнулся. – Помоги мне вылезти из доспеха. У меня в мешке есть инструменты, надо поправить.

– Сам? – удивился Олег.

– А что? – спросил Томас высокомерно. – Работа кузнеца – благородная работа!

Кони сами зачуяли брод, вскачь вошли в воду. В жемчужных брызгах повисла радуга, сказочно прекрасная и такая же недолговечная, как все прекрасное. На мелководье во все стороны прыснули серебристые рыбки.

Вода едва достигала стремян, от нее тянуло бодрящим холодом. Олег на ходу зачерпнул ладонью, отшатнулся, чистая вода была замутнена свежепролитой кровью.

– Где-то близко, – кивнул Томас. – Поедем посмотрим?

– Объедем, – сказал Олег твердо. – Кто ездит прямо, дома не ночует.

Кони выбрались на берег, тревожно фыркали, чуя кровь. Словно сами по себе повернули и пошли вдоль берега вверх по течению. Тропка петляла, ныряла под низкие ветки дере-

вьев, карабкалась вдоль скалистого берега по узкой кромке. Когда же кони вынесли всадников на простор, сердце Олега сжалось.

Впереди на возвышенности горело село. Черный дым жгутами завивался над домами и сараями. Красные языки пламени блистали ярко и страшно. Дым подхватывало ветром, снова бросало вниз, к земле, разносило по окрестностям. Мелькнули человеческие фигурки, но сражались ли еще защитники или шел грабеж и привычное насилование, рассмотреть не удавалось.

– Объедем? – спросил Томас.

Олег тяжело посмотрел направо, затем налево. С одной стороны осталась река, где в чистом потоке примешались струйки крови, с другой тоже вроде бы попахивало гарью.

– Прямо, – сказал он со вздохом.

– А если придется кого-то стоптать?

– Что делать, все время нельзя сворачивать.

Томас оскалил зубы, и его волчья усмешка напомнила Олегу кого-то из очень давних знакомых. Кони привычно пошли рядом, сразу как-то подобравшись, готовые к бешеной скачке, лязгу оружия, страшным крикам.

Утоптанная дорога вывела к городской стене, повела под частоколом толстых бревен с заостренными концами к городским воротам. На них были следы копоти, торчали стрелы. Трупы защитников оттащили в стороны, чтобы не загораживали дорогу, сильно пахло гарью, доносились крики,

ржание коней.

– Не Восток, – сказал Томас сильным голосом. Его глаза заблистали, он потянулся к мечу. – Даже не башня Давида…

– Оставь меч, – посоветовал Олег раздраженно.

– Впереди еще дерутся!

– Это не наш бой.

– Разве это не наш мир?

За воротами лежало множество убитых, сильно израненных, искалеченных, стоптанных конями, даже обваренных смолой и кипятком. Попадались и женщины с оружием в руках, погибшие в бою. Они лежали вперемешку с мужчинами. Томас хмурился, гневно сверкал очами. К этим отнеслись как к воинам, а дальше будут попадаться уже другие женские трупы: с задранными подолами, а то и вовсе раздетые донага, обезображенные. Многие со вспоротыми в поисках драгоценностей животами. Это он уже видел в каждом захваченном крестоносцами городе.

Среди убитых попадались и люди в полосатых халатах, мохнатых шапках. Редко у кого была при себе кривая сабля, остальные были с деревянными пиками, волосяными арканами, а щиты – плетенные из лозы, обтянутые кожей.

– Хазары, – сказал Томас полувопросительно.

– Печенеги, – поправил Олег. Подумал, сам поправился: – Половцы.

– Чем-то отличаются?

– Чем-то. Но мало.

Томас грозно потащил меч из ножен:

– Это я и хотел выяснить!

Олег молча положил ладонь на рукоять его меча. Томас с неудовольствием задвинул полосу острой стали обратно. На узкой улочке попадались тела дружинников в рубашках из железных колец и трупы захватчиков в халатах и с дротиками. Захватчиков было больше, четверо к одному, что и понятно: защищать легче. К тому же русские дружинники, как заметил Томас, всегда лучше вооружены и обучены: дает о себе знать оседлость.

Олег нагнулся, взял из руки убитого дружинника длинный тяжелый меч. На вопросительный взгляд Томаса нехотя буркнул:

– Боюсь, пригодится.

Они видели испуганные лица, что украдкой провожали их взглядами из-за наглухо закрытых ставень, но на улицах было пусто. Томас удивился, потом встревожился. Под копытами хрустела посуда, дорогу порой загораживали столы, лавки.

– Но где же люди?

– Вот, – указал Олег.

– А где живые?

– Грабят дома бояр. Здесь им делать нечего, тут одна голытьба.

Ближе к середине города гарью запахло сильнее. Оттуда доносились крики, но оружие не звенело, да и крики были

вялые, хотя ругань лилась отборная. Олег намерился свернуть, заприметил дорогу, что выводила из города в обход площади. Томас же сказал бодро:

– Давай посмотрим?

– Драк не видывал?

– Просто приятно видеть, когда бьют не тебя, а других.

– Да, это непривычно.

Все-таки Олег свернул в боковую улочку, и она, к радости Томаса, вывела на городскую площадь. По ту сторону блестела маковкой небольшая церквушка. Десятка два воинов в халатах стояли с луками в руках, еще с десяток под грозные крики десятника лупили окованным бревном в двери. Лучники по одному пятились, исчезали. Грабить приятнее, чем драться. Обидно к тому же сложить голову, когда пришел наконец сладостный миг победителя. Все женщины побежденного города – твои, все вещи – твои. Сладостен и восхитителен миг полной власти, когда ты хозяин над побежденными женщинами, когда ты бог, абсолютный властелин! Только ради этих минут и стоит ходить в изнурительнейшие походы, глотать пыль из-под копыт, получать удары, сжиматься в смертном страхе при виде разъяренных людей и блестящих мечей…

– Эти спасутся, – сказал Олег с некоторым облегчением.

– В церкви?

– А что, не веришь в защиту христианского бога?

– Ну… он может помочь по-другому… гм… взять их ду-

ши себе, все-таки невинно убиенные…

– Да нет, просто церкви строят, как крепости. Стены из каменных глыб, видишь?

Томас с сомнением покачал головой:

– А двери? Их все-таки вышибут.

– Не обязательно. Этим грабить хочется, а не драться. Уже по одному разбегаются. Боятся, что без них самое лучшее разберут.

– Не думаю, – сказал Томас. – Вон тот, упрямый, один может разбить двери.

– У защитников и на этот случай есть два выхода. Один – дать отпор, они могут еще и победить, половцы уже разбрелись, сейчас перепьются, а второй выход – в самом деле выход за город. Через подземный ход.

– Откуда знаешь?

– Всегда роют, – ответил Олег хладнокровно. – А то и два в разные стороны.

Томас проследил за взглядом калики, вздрогнул. На другом конце площади кучка половцев поставила деревянный крест и привязывала к нему женщину. С нее сорвали платок, что уже считалось позором на Руси, ветер растрепал длинные неопрятные волосы.

Подъехали трое всадников в богатых одеждах. На помосте стоял голый до пояса половец. В руке его покачивался, как змея перед броском, длинный кривой меч с расширяющимся лезвием. Один из всадников что-то крикнул гортан-

но, указал на женщину. Пешие спешно начали бросать поленья и хворост к ногам женщины.

– Пресвятая Дева Мария! – ахнул Томас. – Они ж сожгут девку!

– Степняки, – буркнул Олег.

– Твои лесняки не лучше, – огрызнулся Томас. – Язычники!

Он со стуком опустил забрало, стиснул древко копья. Конь, понимая хозяина, пустился вскачь. Олег с досадой смотрел вслед, в то же время восхищаясь неудержимым порывом. Хорошо быть молодым! Все принимает к сердцу. Все вновь в этой короткой жизни…

Громкий стук подков заставил половцев повернуть головы. Рыцарь несся, огромный и страшный, пригнувшись к гриве коня. Копье было длинное, толстое, наконечник размером с широкий нож для разделки рыбы. Искры из-под копыт вылетали огненными снопами.

– Бей язычников! – заорал Томас. – Бей всех, кто в Бога не верует!

Половцы у ворот церкви выронили таран, заорали, хватаясь за ноги. Всадники попятились, а богатырь с кривым мечом шагнул вперед, закрыл собой женщину. Меч только начал подниматься, когда острие копья с хрустом вонзилось в середину груди. Блистающая сталь, обагренная кровью, вышла между лопаток. Богатырь еще стоял, не веря, а рыцарь, отшвырнув копье, с мечом налетел на половцев, сгрудив-

шихся у деревянного столба.

Натиск его был страшен – трое тут же свалились с рассеченными головами. От него шарахались, как от живого клубка огня. Женщина на помосте смотрела изумленными глазами. Ноги ее были свободны, она ухитрилась лягнуть половца и отчаянно извивалась, пытаясь высвободить руки из веревок. Послышался гортанный окрик, и Томас ощутил сильный толчок, мелькнули обломки стрелы.

Его стиснули со всех сторон. Томас рубился, вертясь в седле с несвойственной и даже недостойной рыцаря быстротой. Его хватали за ноги, перед глазами сверкали сабли. Подрезали коню бы жилы, мелькнула паническая мысль: сразу бы взяли… Или полоснули коня по брюху… Нет, уверены, что возьмут вместе с конем!

Женщина наконец освободила одну руку. К ней подбежал половец, она наотмашь хлестнула его по плоской роже. Он отшатнулся, зашипел от злости, выхватил саблю.

– Не сметь! – грянул Томас. Страшный голос донесся, возможно, даже до башни Давида, но не до ушей половца. Он уже замахнулся на жертву, Томас заскрипел от ярости зубами.

Сабля блеснула, как серебристая рыбка, выскользнула из ослабевших пальцев. В затылке половца торчала стрела с белым пером, а сам он очень медленно сгибал колени.

Томас даже не крикнул Олегу, дыхания не хватало, озверелые рожи лезли со всех сторон. Их было не меньше трех

десятков, из соседних улочек спешно возвращались, зачуяв звуки новой битвы, разбредшиеся мародеры. Томас поворачивал коня, теснил их, отвоевывая простор. Вокруг него падали сраженные, он остервенело рубил и крушил, во рту внезапно ощутил пену – доблесть берсеркера, но постыдную для воина Христова. Да черт с ним, бешенством берсеркера, лишь бы перебить их всех, слышать сладкий хруст рассекаемых костей, забрызгаться кровью, видеть страх в перекошенных лицах и убивать, убивать, убивать…

Олег холодно смотрел, как рыцарь продвигается, как медведь в стае псов, к трем всадникам. Те подпустили его на длину меча, но рыцарь опрокинул и последний заслон. Всадники попятились. Между ними и железным воином возникали все новые ряды, Томас же шел напролом с упорством англского быка. Меч его вздымался реже, рыцарь начал выдыхаться, но все еще продвигался к всадникам.

– Да черт с ними! – крикнул Олег нетерпеливо. – Поехали дальше.

– А враги? – крикнул Томас бешено.

– Да какие они враги? У них тут свои свары.

– А женщина?

– Женщин везде приносят в жертву.

– У нас не приносят!

– Ну да, – сказал Олег саркастически, – не видывал я ваши обряды!

– То были не наши…

Кочевники наконец поняли, что рыцаря простым натиском не взять, разом отхлынули. Вовремя: сэр Томас уже поднимал меч, как ребенок наковальню. Все же он надменно огляделся, зычно провозгласил:

– Ну, кто супротив воина Христова?

Олег с досадой придержал стрелу на тетиве. Если свои победы приписываешь Христу, то пусть он и помогает.

Кочевники разом сорвали с седельных крюков короткие скрепленные костным клеем турьи рога, их луки начали осыпать рыцаря градом стрел. Томас разъяренно ревел, железные наконечники звонко били по шлему и доспехам, нанося урон самолюбию. Его меч разом оказался беспомощным.

Всадники торопливо отдавали распоряжения, и к рыцарю начали подкрадываться с разных сторон с баграми на длинных рукоятях. Женщина у столба уже освободилась, но бежать не решалась, везде половцы, пряталась за столб. Томас отсалютовал ей мечом, едва подняв его на уровень седла.

«Пропадет дурак», – подумал Олег с досадой. Он спустил тетиву, молниеносно наложил другую стрелу и теперь слышал только непрестанный скрип дерева, из которого делал лук, и звонкое вжиканье своих стрел. Только у знатных кочевников были панцири из кожи с нашитыми конскими копытами, но с седел одинаково падали, сраженные насмерть, и самые знатные, и самые бедные.

Томас довольно скалил зубы. Тетива не успевала вернуться, как ее подхватывали сильные пальцы калики, и новые

стрелы молниеносно находили цель. И били с такой силой, что будь на месте половца даже рыцарь в полном воинском доспехе…

Томас зябко передернул плечами. Не зря церковь налагает запрет на это дьявольское оружие. Слишком оно смертоносное. Надо бы при случае как-то обойти запрет и научиться. Хоть и не рыцарское это дело, простонародное, но в умелых руках наносит урону больше, чем целый рыцарский отряд. А стоит намного дешевле.

Глава 4

На площади перед церковью остались убитые. Уцелевшие попятились в переулки, постреливали оттуда. На площади лежало бревно, бродили кони с опустевшими седлами, а из-за столба на помосте опасливо выглядывала женщина.

Томас помахал ей дланью в железной рукавице:

– Леди, сброд разогнан. Я бы почел за великое счастье проводить вас к вашему замку, но не могу оставить сэра калику. Он бывает так рассеян, так рассеян… Со святыми отшельниками это часто бывает. Вчера, к примеру, он съел мой обед, стоило отвернуться… А потом и мою рукавицу.

Олег не улыбнулся, зеленые глаза были холодными и неподвижными, как у большой ящерицы. За церковью суетились, вытаскивали повозку на огромных колесах, сделанных из сбитых вместе досок. На повозке высился огромный сундук, укрытый мехами и пестрыми одеялами.

– Откупаться будут, – предположил Томас победно.

– Держи карман шире! Дадут, догонят и еще дадут!

Степняки торопливо стащили шкуры и одеяла. Сундук оказался клеткой из толстых железных прутьев. В углу лежала куча тряпья, но когда в нее ткнули тупым концом копья, тряпье зашевелилось. Половцы разбежались, как куры при виде лисы. В клетке поднялся мощный мужик, приземистый, поперек себя шире, с головой, как пивной котел, грудью на-

выкате. Руки свисали ниже колен. Ветер донес сильный запах давно не мытого тела, но в знакомом запахе было и такое, отчего у Томаса волосы встали дыбом. Это было нечто звериное. Нет, хуже, чем звериное!

Степняки поспешно накрывали головы полами халатов, а всадники напялили мохнатые шапки по самые уши.

– Что это они? – удивился Томас.

– Сам впервые вижу…

– Слава Богу, – перекрестился Томас. – Я уж боялся, что ты все на свете видел и везде побывал.

– Завидно?

– Убивать таких пора.

Мужик в клетке оглядел всех злыми глазами, зевнул и снова опустился на грязную подстилку. Всадник закричал тонким сорванным голосом. Один из половцев подобрал брошенное копье, подбежал и ткнул мужика уже острием. Тот рыкнул, бросился на прутья. Клетка затряслась, запах вонючего пота стал мощнее. Половец указал на Томаса и Олега, что-то прокричал.

– Никак, драться выйдет? – забеспокоился Томас. – Сэр калика, теперь драться тебе. Я не снесу позора, чтобы супротив меня мужика выставили!

– Ты ж только что перебил дюжину!

– То в общем бою, а это поединок!

Половцы снова разбежались, а пленник внезапно сунул четыре пальца в рот, оказавшийся широким, как у жабы,

засвистел мощно и страшно. У Томаса и Олега заломило в ушах. Свист нарастал, в нем появились переливы, словно огромный соловей со скалу размером старался перекричать соседа. Или увидел вкусного червяка, толстого и длинного, как уж. Конь под Томасом прядал ушами, пятился. Томас удерживал железной рукой, но у самого сердце замерло, а вместо жаркой крови словно кто налил холодной ртути.

Конь под Олегом пятился тоже, пока не уперся в стену. Но мощная ладонь свиста давила еще, бедное животное задрожало, колени начали подгибаться. Олег с трудом удерживал лук, а стрела на тетиве плясала, острый конец смотрел то в землю, то в небо.

Поднялись пыль, пепел, закружились. Половцы попадали, головы укрыли халатами, всадники скрылись за церковью. Затрещала крыша на ближайшем тереме, конец обломился, его унесло, будто могучим ветром. Деревянные дощечки черепицы, гонта, посыпались, как орехи, рассыпались без стука: все заглушал пронзительный свист.

– Что делать? – заорал Томас, покраснев от натуги. – У меня скоро доспех рассыплется, как из сухой глины!

Олег прокричал в ответ, с трудом перекрывая свист:

– Боишься?

– Это же мужик! Я покрою себя позором!

– Это чудовище!

– Чудовищный простолюдин тоже простолюдин.

Богатырь свистел не умолкая. Олег все ждал, когда он

умолкнет на миг, чтобы набрать воздуха.

– Когда же умолкнет хоть на миг! – закричал Томас тревожно. – Должен же воздух набрать! Воздух набираешь ртом, а выпускаешь… выпускаешь сзади. А у него все наоборот!

– Странные вещи узнаю о своем друге, – изумился Олег. – Я, к примеру, и набираю и выпускаю одним местом. И даже не ртом, как-то неловко даже увидеть рыцаря с раскрытым, как у простолюдина, ртом… Даже у твоего коня есть ноздри…

Томас покраснел, даже перья на плюмаже встопорщились. В смущении и ярости сорвал с седельного крюка боевой рыцарский топор, размахнулся так широко и мощно, что раздался свист рассекаемого воздуха, а затем и треск деревянных брусьев. Клетка содрогнулась, полетели щепки и обломки дерева. Свист оборвался, словно обрубленный острым лезвием.

В мертвой тишине всхрапывали кони. Томас улыбнулся широко и светло, повернулся к деревянному столбу. Женщина покачала головой и махнула ему в сторону клетки. Томас поклонился и величаво развернулся к поверженному противнику.

В клетке зияла дыра. Обломки брусьев торчали, как сломанные мощным ударом зубы. Чудовищный Свистун медленно поднимался с охапки гнилой соломы и тряпок, по перекошенному лицу текла кровь. Он сплюнул красным, погрозил немытым кулаком размером с половецкую голову:

– Ну погоди же!.. Я злопамятный!

– Дурак, – сказал Томас благожелательно, – уходи, ежели зад пролезет!

Свистун поспешно протиснулся, обдирая живот и локти. Стражники поспешно поднялись, бросились с саблями и пиками. Свистун оскалил страшно зубы, перекосился, зашипел, как разъяренный кот. Свиста не получилось, топор даже на излете сумел своротить челюсть, но все равно половцы в страхе попадали и закрыли головы халатами.

Свистун в несколько огромных прыжков, невероятных для такого грузного существа, домчался до городской стены, вскарабкался, на самом верху оборотился, еще раз погрозил огромным грязным кулаком, уже всем сразу, и исчез.

Половцы поднимались, растерянно поглядывали на хана. На их лицах были стыд и решимость, в руках вместо луков появились арканы и багры.

– Дело худо, – сказал Олег тревожно. – Надо уходить.

– И недодраться?

– У нас много дел, – сухо напомнил Олег.

– Ах да… А ежели догонят?

– Догонят – разберемся. А если опоздаешь, то Крижина не только замуж выйдет, но и родить успеет.

Томас заскрежетал зубами. Конь под ним всхрапнул, подобрался. Олег ожидал, что рыцарь сорвется с места в галоп и помчится так до самого Лондона, однако Томас рысью подъехал к столбу, протянул руку:

– Леди, прошу вас.

Женщина ухватилась за железные пальцы, их взгляды встретились. У нее были странные лиловые глаза, таких Томас у людей не видел, гордо приподнятые скулы и тонко очерченный нос. Губы были выкрашены желтой глиной. Томас улыбнулся своей самой мужественной улыбкой. Ему говорили, что, когда он так улыбается, даже королева добудет для него ключ от своего пояса верности. Женщина одним прыжком оказалась позади рыцаря. Олег одобрительно свистнул, кони пошли вскачь. Копыта загремели по сухой земле, взвилось облачко пыли.

Сзади хан заорал тонким визжащим голосом:

– Запереть ворота!

Сразу несколько голосов заорали подобострастно:

– Запереть! Схватить! Не дать уйти!

Слышно было, как половцы ловили коней и вскакивали в седла. Олег пропустил Томаса с женщиной вперед, наложил на тетиву стрелу. Тяжелые кони русичей могут с ходу проломить стену, но зато легкие кони половцев без труда догонят, а острие копья вонзится между лопаток. Или хуже того, повяжут арканами, будут изгаляться долго и сладостно, ведь утех и развлечений у бедного степного народа мало, а потом неспешно сдерут шкуры на барабаны.

Улица вывела на перекресток, где возвышался терем – добротный, сложенный из толстого мореного дуба, потому и не сгорел, хотя весь в пятнах копоти. Окна забраны железны-

ми решетками, дверь низкая, обязательно пригнешься, там даже один ратник устоит супротив целого войска.

Томас, как услышал мысли Олега, у порога соскочил, могучими руками снял женщину. И вовремя: с той стороны уже несся отряд. В руках были не сабли, а более опасное – булавы, палицы и арканы.

Олег влетел в дверной проем следом, быстро заложил в железные уши деревянный брус. Томас и женщина уже поднимались на верхний этаж. Сильно пахло гарью, из-под ног вздымались тучи золы. В бревнах еще таился жар, кое-где поднимались дымки. Огонь, не одолев с наскоку, пытался грызть мореный дуб изнутри.

– Погоди, – сказал Олег досадливо, – не отбиваться же здесь…

– А что, – бодро сказал Томас и победно посмотрел на женщину, – здесь можно драться против всего войска сарацин! Надежные дома строят твои русы. Помню, когда однажды…

– Надо торопиться, – прервал Олег. – Хрен редьки не слаще!

– Чего? – не понял Томас.

– Половцы не слаще сарацин.

– А-а, – протянул Томас, но, судя по озадаченному виду, славянского юмора все-таки не уловил.

Олег повернулся спиной к стене, уперся. Лицо покраснело от натуги. Томас тут же грянулся всем весом, навалился. Под

окованными сапогами, как молодой лед, затрещали толстые доски. Бревенчатая стена зашевелилась. Сверху посыпалась зола, горячие угольки. Снизу тяжело бухало, в дверь били тяжелым.

– Крепко строят, – прохрипел Томас. – А зачем? Все равно спалят…

Он наваливался всем весом, на миг отпускал, снова упирался изо всех сил, Олег раскачивал равномернее, старался попасть точно в ритм. Стена трещала, но стояла. Олег присел еще ниже, ухватился обеими руками внизу, напрягся. Томас давил изо всех сил, готов был уже отказаться, когда рядом оказалась женщина. Ее лицо было перепачкано сажей, в серых волосах застряли угольки.

– Ну-ка, разом! – сказала она властно.

Уперлись втроем, качнули. У Олега глаза расширились, он уперся сильнее. Качнули еще, и с третьего раза стена затрещала, дрогнула. Бревна зашевелились, стали проворачиваться, оставляя следы, наконец одно выскользнуло, как на мокрой глине, и вся стена обрушилась.

Бревна с грохотом сыпались вниз, там слышались душераздирающие крики, ругань, дико ржали кони. Взвилось черное облако гари и дыма.

Олег с грохотом слетел вниз, мгновенно наложил стрелу на тетиву. Их кони от грохота и горячей золы рванули на другую сторону улицы. Половец, который уже положил ладонь на седло лошади Олега, сполз на землю со стрелой в

спине. Второй быстро и хищно повернулся. Увидев бегущих на него железного рыцаря и волхва, исчез так стремительно, что Томас выругался и перекрестился.

– Прямо и налево, – сказал Олег напряженно. – Там выход из города.

– Точно? Ты здесь бывал?

– Этого города год назад еще не было.

– Так откуда знаешь?

– А, мир одинаков…

Они уже сидели в седлах, когда на порог выскочила женщина. Увидев своих спасителей в седлах, застыла, ухватившись за косяк. Глаза ее были тревожны, но она медленно выпрямилась, подняла руку в прощальном жесте.

– Спрячься! – крикнул Олег. – Ты еще можешь…

Он сам понимал, что ей не спастись: она разделит судьбу тысяч и тысяч других, растерзанных, поруганных, убитых или проданных в рабство. Впрочем, разве те виноваты, что им не встретились могучий англ и умелый волхв?

Томас бессильно выругался. Если бы женщина умоляюще протягивала руки, с плачем просила взять с собой, он нашел бы, как отказать, но она лишь гордо стояла и молча смотрела им вслед. Он выругался еще, чувствуя себя дураком.

Олег покачал головой, когда рыцарь резко развернул коня и вскачь вернулся к терему. Женщина почему-то отстранилась от его железной длани. Либо от страха помутился ее рассудок, либо огромного чужеземного рыцаря с закрытым

железом лицом страшилась, как и половцев. Олег молниеносно метал стрелы, а когда колчан опустел, в его руках заблистал длинный меч.

Женщина наконец ухватилась за протянутую железную руку. Томас с седоком за спиной и Олег пронеслись по улице, стоптали двоих. Впереди четверо половцев насиловали двух женщин, а чуть дальше распинали на входной двери старика. Томас заскрипел зубами, но послушно пустил коня галопом за каликой. Вслед им орали, запоздало щелкали тетивы.

Из-за поворота словно выпрыгнули навстречу городские ворота. Половцы, не слезая с коней, спешно вкладывали брус в железные скобы. Томас яростно засопел, пригнулся к гриве и опустил руку с мечом, нагнетая кровь для удара. Олег остро пожалел, что расстрелял все стрелы: успел бы уронить этих вместе с брусом. А другие… пусть гонятся.

Из переулков выбегали преследователи. Томас оглянулся, встретил взгляд нечеловечески лиловых глаз. Чувствуя свою полную беспомощность, половцы уже размахивают над головами арканами, более опасными, чем сабли и стрелы, Томас взмолился:

– Пресвятая Дева! Взгляни на своего верного рыцаря!

Олег пустил коня по кругу, оставив Томаса с женщиной в середке. Меч в его руке падал настолько быстро и точно, что Томас только зябко передергивал плечами. Что-то в движениях волхва было нечеловеческое, словно бы видел и чувствовал каждое движение противника заранее. «А что, – по-

думал Томас, сердясь за свою слабость, – если бы я прожил такую тьму веков? Так бы насобачился в воинском деле, что всех рыцарей Круглого стола сшиб бы одним копьем! Да еще тупым концом!»

Внезапно земля перед воротами вспучилась. Бугор быстро вырос, комья полетели в разные стороны. Из норы выскочил гигантский крот, так сперва показалось Томасу. Половцы шарахнулись во все стороны. Крот оборотился горбатой старушкой. Томас едва успел заметить, что старуха выхватила из-за пазухи пучок травы, как тут же неведомая сила ударила в ворота с такой силой, что створки едва удержались на железных петлях, а брус разлетелся в щепки.

– Где-то я уже видел эту богородицу! – крикнул Олег насмешливо. – Вперед!

Они пронеслись в ворота, пользуясь замешательством половцев. Старуха отскочила проворно. Томас успел увидеть сморщенное, как печеное яблоко, лицо, губы жемком, беззубый рот в усмешке. Тут же старуха нырнула в нору. Полезли половцы вслед или же нора затянулась, как тина после брошенного камня, Томас не видел – впереди блеснул спасительный простор.

– Все-таки позорно! – прокричал он Олегу.

– Что?

– Показал язычникам спину! Я на стенах Иерусалима…

– Ты спасаешь женщину, – напомнил Олег.

Он начал придерживать коня, потому что конь Томаса под

двойным весом уже хрипел и ронял пену. Рыцарь кивнул, но неожиданно за его спиной раздался женский голос, сильный, но приятный:

– Я тоже могу драться.

Томас посмотрел на калику с укором: даже женщина рвется в бой, но Олег сильно хлестнул коня Томаса.

– Тогда думай, что половцы видят не твою спину, а испачканный зад твоего коня!

Он развернулся навстречу погоне. Дробный перестук приближался, из ворот выметнулись на легких конях трое всадников. Увидев, что дорогу перегородил зеленоглазый всадник с красными волосами, передний остановил коня так резко, что едва не разорвал рот удилами. Другие проскочили чуть, стали оглядываться. Хан их не видит, зачем класть головы? Этот воин в волчьей шкуре перебил не меньше десятка воинов! А их только трое.

Олег очень медленно погрозил им пальцем – такая многозначительность пугает больше, чем если бы орал и угрожал мечом. Половцы горячили своих лохматых злых лошадок, но оставались на местах.

Волхв неспешно пустил коня по следам Томаса. Пальцы, перебирая обереги, то и дело натыкались на бусину в виде подогнутой лапы. Опять бегство, словно вся жизнь в том, чтобы убегать или гнаться. Впрочем, человек на самом деле всю жизнь убегает от беды и гоняется за счастьем. И либо шатается под ударами, либо наносит их сам.

За конем Томаса следы оставались размером с тарелку. Если бы половцы даже ослепли, хан отыщет на ощупь и все равно заставит пойти по их следу. Человеком движет месть, многие в этом видят главное отличие человека от зверя.

Томаса Олег обнаружил на краю огромной поляны. Рыцарь слез, оставив женщину на коне, осматривался с удивлением и тревогой. Поляна была с большое поле и вся уставлена крохотными домиками, похожими на собачьи будки. А на другом краю поляны высилась башня из толстых укороченных бревен. Видна была дверь, но прямо перед порогом росла высокая нетронутая трава.

– Сэр калика, – воззвал Томас тревожно, – это дома гномов?

Олег покосился на женщину. На ее пухлых губах проскользнула слабая улыбка.

– Да, – ответил он, – только очень маленьких.

– А гномы и есть маленькие.

– Эти скорее эльфы… только толстые.

Томас прислушался, сорвал с седла огромный меч.

– Все-таки гонятся… Придется драться, мой конь вот-вот падет.

Женщина подала голос, и снова Томас удивился, насколько чисто и ясно он прозвучал.

– Можно поискать убежище… в башне.

– Кто там?

– Волхв, который нашел уединение.

– Уединение находим только в домовине, – буркнул Олег, – со скрещенными на груди руками.

А Томас поморщился:

– Язычник… Куда смотрит святая церковь?

Но ухватил коня под уздцы и потащил через странное поле. Женщина спрыгнула, пошла с другой стороны.

Половцы показались, когда рыцарь и женщина были уже у порога. Олег выхватил меч, погнал коня через поле, на ходу бил направо и налево мечом плашмя, будочки отзывались мощным гудением. Томас оглянулся непонимающе.

Олег подскакал, спрыгнул с волчьей усмешкой на лице:

– Это их задержит!

– Что? – не понял рыцарь.

Но Олег уже колотил рукоятью меча в запертую дверь. А на поле творилось невообразимое. Кони метались, едва не сбрасывая всадников, те отмахивались, закрывали головы халатами, словно от жуткого свиста. Присмотревшись, Томас увидел черные облачка, что зло метались от одного к другому, надолго облепляли со всех сторон, отчего половец становился похожим на будяк, пораженный тлей.

– Не по-рыцарски, – сказал он с невольным восхищением, – но здорово… Помню, у нас был сэр Ропуха, горазд на трюки. Мог самого дьявола заставить себе сапоги чистить…

Он поспешно опустил забрало. О железо застучали крохотные камешки, словно внезапно посыпался град или он попал под дефекацию козы. Пахнуло кисло-сладким. Томас на-

чал поспешно отступать, держа меч наготове. Двое из половцев, что катались по земле, сумели выбежать с жалящего поля и набежали прямо на Томаса. Рыцарь лениво махнул мечом, один отлетел оглушенный, вряд ли понял, что за ужасная пчела ударила на этот раз, второго Томас угостил ударом кулака. Несчастный рухнул, как бык на бойне.

Олег отбросил стебелек разрыв-травы – служит один раз, дальше ее можно класть в суп и даже скармливать кролям, – пропустил женщину вперед и пошел следом в башню. Ступеньки вели вверх, веяло покоем, а запах меда смешивался с ароматами трав. На миг мелькнула зависть: живет себе в покое, размышляет над судьбами мира… В покое, напомнил себе со злой иронией. А половцы? Видать, недавно выбился в мудрецы. Еще не научен жизнью…

К Томасу подскочил на коне визжащий половец, в руке сверкала сабля. Пчелы облепили ему голову, но один глаз все еще горел неугасимой злобой. Половец ударил саблей, промахнулся, а рыцарь, жалея несчастного, с одним глазом не боец, смачно хлестнул плетью. Тяжелый ремень с вплетенным свинцом с треском разрубил халат на спине. Половец подпрыгнул, выгнулся, словно пряча спину, слетел с коня.

Томас удовлетворенно повернулся, но половец перекатился через голову и прыгнул на железного человека. Томас не успел даже занести меч для удара. Перед глазами мелькнуло оскаленное лицо, он судорожно двинул рукоятью.

Череп хрустнул, как яичная скорлупа. Томас отступил от падающего, с удивлением осмотрел рукоять, куда месяц назад вбил один из гвоздей, что скрепляли крест Господень.

Олег был уже на полпути к вершине, когда Томас догнал его с торжествующим воплем:

– Свершилось чудо! Пресвятая Дева снова явила мне милость! Едва гвоздь из креста Господнего коснулся неверного, тот сразу испустил дух!

– Это зовешь чудом?

– А что же еще? Ты снова не веришь в силу креста Господня?

– Я бы поверил, – буркнул Олег, – если бы ты за другой конец гвоздя не держался, как черт за грешную душу! Слушай, а как гвоздь из того меча, который ты оставил где-то в Родопах, перебежал в твой нынешний меч?

Глава 5

Деревянная башня тряслась, как стебелек, по которому бежали два крупных жука и божья коровка. Томас страшился, что ветхие ступеньки не выдержат настоящего англа в полных доспехах. Тогда он перебьет этих наглецов внизу, не вынимая меча. Калика сказал бы, задницей. Подумать только, какие грубые слова находит!

Женщина шла впереди, затем Томас обогнал, двинулся с обнаженным мечом первым. Что дивило, так странное несообразие. Что внутри роскошнее, чем снаружи, понятно, так и ожидал: всяк наружу выставляет свою грубую силу, озлобленность, готовность ударить первым. Но почему при таком обилии ковров и шкур редких зверей оружия нет вовсе?

Томас заметил шкуры даже белых медведей, но таких зверей, он знал доподлинно, Господь не творил. Такие звери обитают разве что в подземельях, где не бывает солнечного света, он сам в детстве видел белых червяков и тритонов. А чешуйчатые шкуры, головы и рога неведомых чудищ?

– А что будет, когда поднимемся в покои хозяина? – предположил дрогнувшим голосом. – Только бы сразу в жаб не превратил! Это тебе, сэр калика, все одно, ты мыслитель, а доблестному рыцарю будет не по себе… Копье в руки не взять, скользко, щит не поднять…

Впереди была дверь, окованная серебром и золотом. Руч-

ка была в виде львиной головы. Вместо глаз блестели крупные рубины. Томас раскрыл рот – такое богатство в глуши! Да на каждый из таких рубинов можно снарядить малое рыцарское войско! Еще и обоз!

Олег же морщился, с неловкостью отводил взор. Вид у него был такой, словно здешний маг сделал нечаянно непристойность, но как-то надо сделать вид, что не замечает.

Томас постучал, прислушался, толкнул дверь. Отворилась без скрипа, открылась роскошно убранная комната. Осторожно вошли все трое, огляделись. В глубине низкое ложе, застеленное богато расшитым одеялом, на стенах бесчисленные ковры, на столе ковши, братины, заморская посуда. Томас приподнял кубок, глаза округлились. Чересчур тяжел, чтобы быть из простого железа.

Женщина молчала, но при виде драгоценных камней на посуде и вделанных в ножки стола и ложа ее лиловые глаза стали зелеными, как спины молодых лягушат, а щеки порозовели так, что видно было даже сквозь слой грязи.

– Богато живут русичи, – заметил Томас с уважением. – Наш король победнее…

Он с недоумением потрогал рогатые шишки огромных плодов. Яблоки и груши на подносе – понятно, виноград и ананасы тоже едал в сарацинских землях, но это вовсе нечто несусветное. Как и эти длинные изогнутые огурцы, только желтые и в листьях.

Женщина коснулась покрывала, нежнейшего и тончайше-

го, сотканного разве что из лунного света. По краю шел узор золотом, к середке сбегались замысловатые знаки. Ее пальцы как будто сами по себе терли, мяли, исследовали неведомую ткань.

Олег прислушался, из-за стены доносились голоса. Слов он не разобрал, но один из голосов показался знакомым. Он ощутил, как недобрый холодок побежал по коже. Он не знал этого человека, но интонация была знакомой, даже слишком…

Он толкнул рогатую голову зверя на стене, та подалась с трудом. Пахнуло травами, щель раздвинулась, открыла потайной ход. Томас сразу же вытащил меч, снова спрятал, вспомнив, что находится в чужом доме.

Они прошли гуськом через проход среди бревен. Комната была поменьше, но обставлена много богаче, ярче, а от сундуков с висячими замками было тесно. При их появлении померк синеватый свет, словно они своим появлением задули молниевую свечу, а в глубине комнаты отпрыгнул к стене щупленький старик с коротко стриженной белой бородой. Глаза были испуганные.

– Кто вы, прервавшие?.. Как сумели войти?

Томас поклонился:

– Приветствуем тебя, мудрый… и богатый! Я сэр Томас Мальтон из Гисленда, рыцарь Христова воинства.

Олег пристально осматривался. Старик в этой захламленной редкими и дорогими вещами комнате мог спрятать дю-

жину головорезов, но можно не сомневаться, что, кроме старика, здесь уже никого нет. Однако же не оставляет чувство, что кто-то есть еще… И даже прислушивается к их словам.

– Христиане? – выкрикнул старик.

Томас снова поклонился:

– Нет более верного христианина, чем я, рыцарь похода за освобождение Гроба Спасителя. Спутник мой тоже одной ногой в истинной вере, хотя и всячески отрицает. На прекрасной леди, что согласилась почтить нас своим присутствием… на некоторое время, хоть и нет креста, но, судя по ее дивной красе, она не может не быть истинной христианкой…

«Как чешет, как чешет, – подумал Олег невольно. – Гибкая вера! С большим основанием эту женщину можно счесть орудием дьявола. За то же самое».

– Как вы вошли? – потребовал старик снова.

Вид у него был злой и растерянный. Томас поклонился еще учтивее, снова избегая прямого ответа:

– Дивно и светло зреть произрастающую мудрость среди дикости и невежества, что ломится сейчас внизу в двери… Мы здесь только проходом, по дороге забежали, просим приютить бедную женщину! На ее глазах горел ее дом и гибла родня. Наверняка это была родня, такие же оборванные и грязные. Она нуждается в защите.

Старик отшатнулся:

– Женщина? В моем доме? Чтобы я сам, своими руками

рушил защиту? Вы уйдете, как и пришли, вместе.

Томас сказал осторожно:

– Мы прошли долгий путь, но впереди еще дольше…

Старик прервал:

– Погоди. Сейчас посмотрим. Кому ведомо прошлое, тот знает и будущее.

«Дурак, – подумал Олег беззлобно. – Еще у самого подножия мудрости, даже не лизнул ступеньку, а такие высокопарные речи. Один дурак изрек, сто других повторяют. Мир меняется, в прошлом не было ни таких религий, ни таких передвижений племен и народов. Так что старые решения непригодны. Знание прошлого не дает познать будущее, скорее мешает…»

Старик провел ладонью по зеркалу, будто смахивал пыль. В черноте заблистали звезды, затем полыхнуло зарево пожара, а блики на саблях рассыпались, как вылетающие из костра искры. Выметнулся храпящий конь, на нем огромная железная фигура рубила направо и налево длинным, как оглобля, мечом. Люди падали, разбегались с воплями, уползали.

Томас всхрапнул от удовольствия, притопнул и гордо оглянулся на женщину. А в зеркале шла рубка, мелькали люди, затем сэр Томас с гордым и решительным лицом красиво пронесся из горящего города, унося на крупе спасенную женщину. Калика как-то малозаметно потревожил пчел, оказался у ворот башни, те отворились от слабого толчка.

Старик напряженно и подслеповато всматривался, почти

водил носом по ровной поверхности зеркала. Отпрянул, подозрительно уставился на Олега:

– Как отворил?

– Не заперто было, – ответил Олег как можно будничнее. – Разве мы бы зашли? Вежеству с детства учат.

Старик подозрительно всматривался в равнодушное лицо калики. Остался ли удовлетворен осмотром или нет, но снизу стук стал намного громче, отвлек. А Томас прислушался, изрек уверенно:

– Похоже, дверь высадили… Или ты не запер?

– На два запора, – заверил Олег. Усмехнулся: – Тоже с детства учат.

Томас медленно потащил из ножен свой великолепный меч. Олег ожидающе смотрел на старика. Тот подпрыгнул:

– Дверь? Там заклятия!..

– Вряд ли сэр калика прикрыл ее плотно, – сказал Томас язвительно. – Святые отшельники бывают рассеянными. Это ему только кажется, что прикрыл…

Олег вдруг вспомнил:

– А разве не ты шел последним?

Топот ног по деревянной лестнице звучал, как частые раскаты грома. В окно влетела стрела, впилась в потолочную балку. Старик отшатнулся так, что едва не переломился в пояснице. Глаза полезли на лоб, однако Томас видел, что старика испугала не столько сама стрела, как то, что некто сумел забросить ее в башню, теперь уже ясно, заколдованную.

– Что сталось с моей мощью?

Томас растерянно топтался на месте. Женщина держалась за его спиной, молчала. Олег пожал плечами. В окно влетела еще стрела, он поймал ее на лету, внимательно рассматривал перо.

Внезапно старика осенило:

– Вы не волхвы, я бы учуял… Но что у вас есть магическое? Вещи, реликвии?

Олег показал обереги. Старик раздраженно отмахнулся:

– Это не магия. Что еще?

Томас подбоченился в красивой позе. Голос был полон сдержанной гордости и силы:

– У меня есть христианская святыня! Уже помогла мне в моем трудном квесте, клянусь лбом последнего половца!

Старик заверещал:

– Что за святыня?

– Гвоздь из креста, на котором распяли Господа нашего Христа.

– Кого-кого?

– Их сюзерена, – объяснил Олег. – Главного феодала, у которого даже короли в вассалах. Да где в вассалах – рабстве. Так что мощь этого нового бога велика, учти… Гм, хотя мне кажется, в том кресте гвоздей вовсе не было. Железных! Римляне железо берегли… Стали бы тратить на простой крест!.. К тому же ты тот меч давно потерял…

В дверь грянули тяжелым. Доски затрещали, дверь едва

не слетела с петель. Глаза старика выкатились, щеки стали белыми, как мел.

– Так это из-за него пропала моя защита! Вон отсюда!!!

Томас взял меч в обе руки. Олег поколебался, сказал медленно:

– Они ворвутся сюда раньше, чем мы покинем башню… А пока не уйдем, ты бессилен. У тебя должен быть другой выход!

– Нет другого выхода! – закричал старик страшно.

– Тогда мы все умрем, – сказал Олег просто. – Но мы двое еще можем прорваться, а ты?

Дверь затряслась с новой силой. С той стороны слышались крики, ругань, угрозы. Внезапно в щель под дверью потянуло струйкой дыма. Крики стали громче, торжествующими.

Томас остановился в двух шагах перед дверью и стал ждать. Меч в его руках чуть поворачивался, словно уже видел сквозь доски жертву. Женщина сняла с его пояса длинный узкий кинжал, встала рядом. Их плечи были почти вровень, хотя сэр Томас отличался ростом даже среди сильнейших рыцарей.

– Наверх, – вдруг закричал старик с мукой, – наверх, остолопы! Пусть пропадает, не пропадать же самому…

Олег первым сообразил, схватил Томаса за локти, вытолкал на лестницу, что вела к потолку. Крышка лаза откинулась. Томас увидел, как по синему небу плыли кучерявые барашки, похожие на безмятежные облака. Старик, пыхтя и от-

дуваясь, как большой изможденный паук, выкарабкался следом.

Возле длинной покосившейся трубы лежал свернутый ковер. Старик пинком развернул его, и в глаза всем четверым ударили яркие, почти не выцветшие краски. Пахнуло восточными цветами и пряностями. Олег кивнул понимающе, толкнул Томаса на середину. Внизу с грохотом вылетела дверь. Стремянка затряслась, по ней кто-то уже лез, пыхтел, его ободряли злые гортанные голоса.

– Во имя великого Стрибога… – начал старик, но Олег прервал:

– Тогда уж лучше Борея. Нам к северу.

– К северо-западу, – быстро поправил Томас. – И невысоко.

– И чтоб еще не дуло? – завизжал старик истошно. – Садись!!!

Из квадратного лаза в полу показалась голова в мохнатой шапке. Половец сразу завизжал страшным голосом, снизу завыли и заулюлюкали, а первый начал спешно выкарабкиваться на крышу. Томас засопел, ступил навстречу, поднимая меч.

Олег прыгнул, сшиб рыцаря на ковер, спасая его от брошенного дротика. В тот же миг под Томасом заколыхалось, словно он лежал на зыбучих песках. Его прижало лицом к ковру. Рядом кто-то тонко вскрикнул, он узнал голос женщины.

– А как же старик? – вскрикнул Томас. – Мы ж не скифы!

Чувствуя себя на зыбком плоту, что несется сквозь холодный ветер навстречу водопаду, он подобрался к краю ковра. Башня стремительно удалялась. Вокруг маленькой фигурки старика вспыхнул зеленый свет. Половцы, охваченные огнем, метались по башне, срывались с края.

Ковер мелко трясло. Томас сцепил зубы, те начали выбивать дробь. Еще не от холода, от гадкой тряски. А женщина может подумать, что вовсе от трусости! Холод придет позже, он знал по полету на Змее. Но там хоть края теплые, а здесь вовсе север, осень, утки летят мохнатые, как шмели.

– Управится, – успокоил Олег. – Не думал, что в твоей чаше такая сила… Или в гвозде?.. Наверное, в гвозде. Чаша что, а вот гвоздь из креста, в котором, козе понятно, откуда он возьмется – железо!

Свирепый встречный ветер трепал красные, как пламя, волосы Олега. Он слегка щурился, горбился, но зеленые глаза по-прежнему смотрели вперед с угрюмым недоверием. Волчья душегрейка была распахнута на груди.

Он с неудовольствием повернулся к распластавшейся на ковре женщине. Старик все-таки втолкнул ее в последний миг! Мог бы сам защитить от половцев, но уж очень не хотел связываться с бабой. Да это и понятно: женщина в келье мага приносит несчастий больше, чем на корабле. Он знает, это он лучше этого доморощенного отшельника знает.

– Кто ты и как тебя зовут? – спросил он хмуро. – Как бы

ты, девица, не попала из огня да в полымя.

Женщина вздрогнула, ее пальцы сжались на складках ковра еще крепче. Ветер трепал распущенные космы, серые и неопрятные, зато длинные.

– Меня зовут… Ярослава, но лучше Яра.

Томас оглянулся на них, покачал головой:

– Яра… Такого имени нет. Язычница?

– Я родилась весной, когда сеют яровые, – пояснила женщина, – потому и назвали Ярославой.

Калика хмыкнул, но смолчал. Его красные волосы трепетали на ветру, как пламя. Зеленые глаза бесстрастно смотрели вдаль. Женщина приоткрыла глаз, с удивительно лиловой радужкой, крупной и блестящей, покосилась на калику.

– Вообще-то все мои братья и сестры, даже двоюродные и троюродные, рождались зимой. Моя старшая сестра появилась на свет с первыми заморозками, потому ее назвали Льдинка, другая сестра, Снежана, родилась в день первого снега, потому у нее такое странное для вас имя. Я слышала, что моя троюродная сестра, что родилась за морем в день страшного мороза, когда лед сковал даже воздух, названа Изольдой, так как она словно бы вышла изо льда… Только самый младший братик родился весной, его назвали почкой, уже набухшей соком, готовой распуститься – Брунькой, а во взрослости – Брунославом.

– Языческая геральдика, – пробурчал Томас. – Врет и не поплевывает. Ладно… Баба с воза – потехе час.

Калика покосился удивленно:
– Это ты к чему?
– А так. Нравится мне русская народная мудрость!

Глава 6

Женщина держалась на летящем ковре без страха, правда, на самой середине, плотно зажмурив глаза и вцепившись в ковер так, что побелели костяшки пальцев.

– Неужели удалось ускользнуть? – сказала она неверяще.

Голос ее был низкий, чуть хрипловатый. Томас похлопал ее по плечу, она наконец решилась приподняться на локте и открыть глаза. Странно лиловые глаза смотрели ясно, это было единственно ясное на ее перепачканном сажей и пеплом лице. Разорванный сарафан обнажал ослепительно белую кожу, но руки до плеч были коричневые от солнца. Скулы ее были гордо приподняты, нечеловечески лиловые глаза смотрели прямо. В них таился страх, но женщина с каждым мгновением загоняла его все глубже.

– Кто ты? – спросил Томас строго. – Почему в такой стране, что уже приняла благодатный свет христианства, имя у тебя не христианское?

Ковер качнуло на воздушном ухабе. Женщина осторожно вытянула шею, посмотрела вниз. Ее щеки побледнели, но взор не отвела. Томас начал смотреть на женщину новыми глазами. Когда он впервые поднялся на такую высоту, его кости тряслись так, что стук был слышен за Рипейскими горами, а кровь превратилась в мелкие льдинки и шуршала в жилах, как будто раки терлись панцирями, выбираясь из кор-

зины.

Она бросила на него взгляд искоса:

– Так отец нарек… Но потом проезжал черный человек, он что-то пел на чужом языке и махал крестом. Нам сказали, что теперь мы крещеные.

Томас шумно выдохнул воздух. Все-таки легче. Двое язычников на одном ковре было бы многовато, а так они двое против одного. Правда, упорного в своем безверии как медведь в родной берлоге.

– А как тебя назвали в новой вере?

– Не знаю, – ответила она просто. – Больше мы того человека не видели.

Олег хохотнул:

– Хороша твоя вера… Держись крепче!

Их подбросило, затем ковер накренился и понесся, как санки с крутой горки. Ветер засвистел в ушах, Томас сжал в кулаках мохнатую складку с такой силой, что потом все умельцы мира не разгладят. Хотел сказать женщине, чтобы сделала то же самое, но она уже сама вцепилась, как клещ. На этот раз побледнела, лиловые глаза расширились.

– Ничего, – утешил он неуверенно, – все равно теперь ты спасена. От половцев.

Олег услышал, крикнул сквозь свист ветра:

– Конечно! Брякнуться всего с пары верст!.. Сэр Томас, ты расскажи, как летел вверх тормашками с башни Давида… Сажен сто, поди, была в высоту? А ты, никак, в полном ры-

царском доспехе?

Женщина обратила к рыцарю неверящие глаза. Томас отмахнулся, едва не сорвался с ковра.

– Ну, было, упал. Я ж говорил, мне повезло. Я успел взобраться только на первую ступеньку…

Ковер опустился до белого слоя облаков. Врезался под углом. Холодный туман забивал дыхание. Ковер скоро промок, скользил под пальцами. Томас держался изо всех сил, а когда наконец вынырнули из белой мглы, чуть не застонал от злости.

Они были еще высоко, ковер все так же быстро снижался, а летел над унылым болотистым краем, словно уже попал в родную Британию. Деревья торчали редкие, каргалистые, а чем дальше, тем их было меньше, а водяных проплешин больше.

– Сэр калика, – сказал Томас напряженно, – ты бы сделал что-нибудь?

– Что?

– Ну что-нибудь свое, нечестивое. Пошепчи, поплюй… Так не хочется с высоты в такое… благоуханное, как портянки МакОгона, болото!

Олег буркнул:

– Колдовать – богопротивное дело. А ты – воин креста.

– Да, но… ежели язычник поможет христианину, то уже богоугодное.

– А ежели и язычник при этом спасется?

Томас подумал:

– Ну… тогда ничья. Опять же на мне греха не будет.

Женщина слушала, раскрыв рот. На непонятные речи железного человека еще непонятнее ответил странный человек в волчьей шкуре:

– Я так долго старался это забыть, что теперь вовек не вспомню.

– Даже болото не освежит память?

– А что болото? – ответил Олег равнодушно. – Человек всю жизнь в болоте, еще худшем, а привык и не замечает. Даже квесты, драконы, прынцессы, сундуки злата, башни Давида – болото…

Ковер немного выровняло, он понесся над болотом почти ровно, только подпрыгивал на невидимых кочках. Гнилостные испарения ударили в нос. Томас застонал, почти с ненавистью посмотрел на калику.

Ковер на скорости коснулся затхлой воды. Его подбросило, пронесся по воздуху и снова тяжело шлепнулся, распугав лягушек. Так его и протащило еще несколько саженей, подкидывая на волнах, сшибая мелкие болотные кочки.

Их залепило грязью, на ковре была грязь, ошалевшие лягушки, тина, сорванные болотные растения, пиявки. Томас не успел захлопнуть забрало, в лицо плеснуло такой гадостью, что невольно опустил руки.

Он ощутил, что его сбрасывает встречным ветром, нечто тяжелое обрушилось на спину, вмяло в залепленный грязью

ковер. Дальше не ощущал, что с ним и где он, пока ветер не утих, а вокруг не забулькала грязь.

Над ухом проревело:

– Никак, в отшельники метишь?.. Размечтался!

Томас судорожно ухватился за стебли, вскинул подбородок. Жидкая и густая, как сметана, грязь колыхалась. Томас выпятил губу, не давая перехлестнуться через край. Поблизости торчали две грязные, дурно пахнущие кочки. Обе медленно начинали шевелиться. Возле ближайшей из воды поднялась рука, неспешно отерла грязь с листьями болотных трав. Появились блеснувшие, как два чистых изумруда, глаза, а знакомый голос со взбесившим Томаса благодушием сказал:

– Черт смолоду в болоте сидит и – ничего!

Вторая кочка, оказавшаяся головой женщины с таким странным именем, стала медленно отодвигаться. Олег наблюдал одобрительно.

– Чутье есть. Там дальше сухо. Верст через двадцать.

– Сэр калика, – простонал Томас, – а поближе не можешь сделать?

– Я ж не бог.

– А жаль, – простонал замученно рыцарь, его тянуло на дно так, будто на нем, кроме доспехов, были еще жена, ее мать и вся ее родня. – Ты хоть и богопротивный язычник…

Олег молча шел через темную воду. Ощущение было та-

ким, будто продавливался через теплое масло, вода, если не считать мути, что они подняли, выглядела на удивление чистой. Он зачерпнул в горсти воду, подул. Томас смотрел подозрительно, а когда калика плеснул себе в лицо и засиял, как очищенное яичко, чертыхнулся, перекрестился благочестиво, хотел было идти дальше, но уловил краем глаза движения спасенной женщины. Она даже опустилась с головой, видны были частые движения рук под водой, а когда поднялась, Томас ахнул и остановился.

Разводы сажи и копоти исчезли, лицо женщины сияло молодостью и чистотой. Серые седые волосы обрели цвет спелой пшеницы. Томас поспешил сказать себе так, чтобы не сравнить с расплавленным золотом, которого простолюдины не знают. Теперь он видел, что ее морщины, как и серая кожа, были только разводами грязи и копоти.

– Ладно, – сказал он с недоверием, – эта колдовская вода не для христианских душ… Сэр калика, а что насчет ковра?

– А ты сможешь им пользоваться, ежели достанешь?

– Да нет, вернуть бы хозяину… Вещь ценная.

– Или продать по дороге, – сказал Олег ему в тон, – ибо идем в другую сторону… Ишь, как в тебе живет грабитель-крестоносец! Сможешь достать, ищи. Только и нести тебе.

Томас безропотно двинулся вслед за Олегом. По шлему легонько стукнуло. Он машинально поднял руку, ощутил слабый толчок. В стороне плеснуло, храбрая жаба поплыла

хвастаться своим подвигом.

Олег украдкой наблюдал за рыцарем. Крепкий и отважный, он обладал, оказывается, и редкостной силой духа. Другой бы уже расплакался, проклинал бы всех и вся, от чаши бы отказался – и без того труден обратный путь крестоносца на родину, а этот прет еще и кучу железа, как еще коня не умудрился затащить на ковер! Правда, конь уже запалился в скачке, такой для боя непригоден, только на работах в селе… И совершенно чужую бабу спас, рискуя и жизнью, и чашей, и Крижиной. Неужто в мир наконец-то приходят другие ценности, которые он так долго готовил?

– А где мы оставим женщину? – спросил Томас.

Калика равнодушно пожал плечами:

– Лучше всего здесь.

– В болоте?

– А что? И в болоте люди живут.

Томас огляделся:

– Люди? Не вижу людей. Нет, сэр калика, в болоте как-то нехорошо. Утопнет, так это будет на моей христианской совести. Тебе что, ты язычник. Ты можешь сказать даже, что жертвуешь болотным богам…

– Это мысль, – оживился калика. – Боги сразу помогли бы выбраться. Как ты находишь?

Томас оглянулся на женщину. Она шла за ними шаг в шаг, тонкое платье облепило сильную развитую фигуру. Глаза ее были грозово-лиловыми. Томас заколебался:

– Сэр калика… Я понимаю, в трудных условиях надо идти на компромиссы… Но ты уверен, что болотные боги такую возьмут?

– Сэр Томас, да они все такие же, как она, грязные и страшные. А она достаточно молода, здорова. И все зубы целы. Как ты думаешь?

– Не знаю, не проверял. Меня она только исцарапала.

– Я бы все-таки отдал. И нам хорошо без обузы, и боги довольны…

– Демоны, – поправил Томас строго. – Бог есть один, остальные – демоны. Ежели демоны ее возьмут, а нас мигом доставят на берег… да не в топь какую, а на сухое, да чтоб еще там и пара коней ждала…

– Со всадниками, чьи копья упрутся нам в глотки, пока будем вылезать на берег? Нет, лучше уж просто на берег.

Женщина, которая шла дотоле молча, внезапно подала голос:

– Ежели доставите меня к моему жениху, он заплатит вам золотом.

Томас оглянулся:

– Золотом? А твой жених хоть знает, что это?

Ее глаза были строгими.

– Он знает. И давно меня ждет.

– Кто он? – спросил Томас. – И где это?

– Он живет в северных землях. Тебе все равно их не обойти, если идешь в Британию. Придется идти через его земли.

А владения его таковы, что за три дня не объедешь!

– Понимаю, – сказал Томас сочувствующе. – Мне тоже однажды пытались всучить такую же клячу.

Он внимательно посмотрел в лицо калики. Тот удивленно качал головой, рассматривал Ярославу с новым интересом.

– Сэр калика… Кто ее жених?

– Знатный человек.

– Боярин? Князь?

– Нет, – медленно ответил калика. – Но через его руки золота прошло больше, чем было у киевского князя.

– Он ростовщик? Купец?

– И купец тоже.

Томас смотрел ошарашенно, потом кивнул, понимая. Странствующие рыцари тоже приторговывали, когда натыкались на богатства, равные королевским. Надо было одолеть лишь великана или дракона, а то и разогнать лютых разбойников, наводящих ужас даже на королей. Бывали сокровища у магов, колдунов, рассказывали даже о Гамейне, одолевшем чудовищного паука, у того зачем-то в норе были сундуки с золотыми монетами Александра Македонского.

Калика сказал сокрушенно:

– Вот так всю жизнь. Только придешь к какому-то ясному и справедливому решению, как судьба предлагает мучительный выбор. Решай ты, сэр Томас!

Рыцарь задумался. Он возвращался из Святой земли беднее, чем ушел туда. Это он знает, что война была за Гроб

Господень, но соседи будут насмехаться над его бедностью. Если вернулся без богатой добычи, то с их замков он выглядит побежденным. Честно говоря, его самого нередко посещала эта мысль. Ведь чем громче заявляешь, что тебя не интересует мнение соседей, тем больше от него зависишь, тем больше прислушиваешься. И если бы вернуться с тугим кошелем, а лучше с двумя, то и спина будет прямее, и взгляд тверже. А злые языки недругов втянет в задницы, где им и надлежит пребывать.

Калика подмигнул:

– Трудная задачка?

– Да почему трудная? – оскорбился Томас. – Рыцари издавна спасали прекрасных дам и отвозили на крупе своего коня их избранникам… А если те не принимали, то родителям.

– И часто не принимали?

Томас пожал плечами:

– Это зависит, сколь дорога длинная. Да где едут: через лес ли, через поле… Эта женщина хоть и не прекрасная дама, но за нее дают выкуп… А выкуп для рыцаря – привычное дело.

Калика поинтересовался:

– А как делишь на прекрасных дам и просто баб? Для меня это такая загадка, что всю жизнь… а она долгая… не разберусь.

– Разве не видно? – удивился Томас.

Калика оглянулся на женщину. Она шла злая, брови сдвинуты так, что только не сыплются искры. Но спину держала ровно, с силой бороздила болотную воду. В ней чувствовались жизненная сила и достоинство.

– Нет, – сказал он искренне.

Томас сказал с чувством превосходства и жалости:

– Сэр калика, это ж так очевидно! Даже не нуждается в объяснениях.

Олег покачал головой. Для него нужны были объяснения. Очевидные вещи на поверку нередко оказываются далеко не очевидными. А чувства подводили и более мудрых и осторожных.

– Ладно, – предложил Олег. – Сейчас не решим, жабы мешают. Отложим, на берегу придумаем.

– Похоже, – проговорил Томас задушенно, – мы уже идем по кругу…

Он едва успел закрыть рот от хлынувшей воды. Пока вытирал лицо и отплевывался, в двух шагах из болота высунулся по плечи желтый, как мертвяк, человек. Голова была голая, как колено, уши торчали остро, а круглые глаза смотрели не мигая.

– Допер, – сказал болотный человек удовлетворенно, – да не по первому… Что же мне с вами делать? Сразу утопить аль потешиться сперва?

Рыцарь, стоя по шею, безуспешно пытался достать меч.

Олег сказал угрюмо:

– Дурень, мы ж тебе такой подарок тащили… Надо было на берегу выбросить.

Болотник оживился:

– Какой? Где? Что?

– Ковер-самолет. В другие болота к бабам летать будешь.

Болотник смотрел недоверчиво.

– Врешь?

– Пройди по нашему следу. Там спрятали, чтобы никто не спер. Еще и ногами в ил втоптали.

– Ну да, не сопрут, – встревожился болотник, – не знаешь ты наших! Где, говоришь?

– Как выйти из болота?

– Да, почитай, уже вышел. Ты правильно шел, будто тут и родился. То я так, пошутил…

И болотник исчез под водой. Видно было, как мелькнуло желтое, словно под водой размазали молнию. Олег покачал головой.

Туман расступился, они выбрались, цепляясь за осоку, на твердь, а чуть дальше пошла земля совсем сухая. Трава росла сочная, налитая болотной водой. Под ногами Томаса стебли с мокрым хрустом обламывались, вжикала мутная гнилая вода.

Олег отыскал подъем, пошел кустарник, встретились первые корявые деревца. Томас со стоном упал на землю и остался лежать, разбросав руки. Женщина вышла медленно,

словно вырастала из воды. Когда она попала в поле зрения Томаса, у того перехватило дыхание.

Мокрое платье плотно облепило фигуру. У нее была крупная, но высокая и очень четко очерченная грудь. Вместо пояса ей сгодился бы браслет Томаса, но в бедрах она была хоть сейчас рожать без труда и мук, а длинные и сильные ноги с умело вылепленными мускулами годились как для долгого и быстрого бега, так и для богопротивных языческих плясок.

– Афродита, – прохрипел он. – Только почему… Неужто море так обмелело?

Она перекинула волосы на грудь, отжала сильными руками. В запястье руки были тонкими, но когда вода брызнула струями, Томас невольно подумал, что такая из ветки дерева выжмет сок с такой же легкостью.

– Э-э… Артемида…

Ее странные лиловые глаза изучающе смотрели на рыцаря.

– Заморился? Уже заговариваться начал.

– Нет, – огрызнулся Томас, – с чего бы? Сейчас насмотрюсь на облака и вскачь побегу.

Она кивнула:

– Только почистись. Водяных распугаешь.

Томас сам чувствовал, воняет от него гадостно. С проклятиями воздел себя на колени. Больше сил не было, сбросил шлем, кое-как расстегнул доспехи. Стыдясь своей белой, как у женщины, кожи, разделся почти донага, прополоскал до-

спехи и одежду. Темная вода сразу замутилась серым, любопытные рыбешки брезгливо прыснули прочь.

Когда он вошел в воду по колени, в зарослях кувшинок нечто дернулось, появилось зеленое пятно, белые цветы заколыхались, будто снизу дергали за стебли. Вынырнула тупая жабья морда, уставилась на Томаса выпуклыми глазами. Томас торопливо стирал одежду, выполаскивал, слыша за спиной шаги женщины. Похоже, она рассматривала его критически, пофыркивала. Он злился, не зная, что ей не так. Спина у него широкая, в буграх мышц, есть и шрамы, которыми мужчины хвастаются.

Жабе наконец надоело смотреть на полуголого мужика, взобралась на лист кувшинки. Тот, широкий как плот, прогнулся под ее весом, закачался. Жаба долго умащивалась, словно пес перед сном, укладывала белесое брюхо то так, то эдак, наконец застыла, по-прежнему не сводя с рыцаря недвижимого взгляда.

Томасу надоело быть под пристальным взглядом мерзкой твари, смотрит, как будто что-то пакостное замышляет, как вдруг жаба проговорила скрипучим голосом:

– Исполать тебе, добрый молодец…

Глава 7

Томас от неожиданности выронил рубашку. Вода вроде стоячая, но ее начало относить от берега. Ругаясь последними словами, он догнал, пришлось залезть в топь по самые… и глубже, переспросил, уже вернувшись:

– Ты мне?

– А больше тут… бре-ке-ке… молодцев нету… Ты можешь поцеловать меня…

Томас отшатнулся:

– Тебя? Жабу?

– Я не жаба… бре-ке-ке… я лягушка…

Томас ощутил, как от злости надувается жила на шее.

– Ах ты, тварь!.. Да я не всякую девку в Иерусалиме хватал!.. А уж целовать так и вовсе не приходилось!.. Чтоб тебя, жаба мерзкая…

Жаба переступила с лапы на лапу. Лист кувшинки начал угрожающе раскачиваться. На тупой морде проступило нечто вроде удивления.

– Я лягушка, не жаба… бре-ке-ке… не понимаешь… Я та самая лягушка…

– Что за та самая?

Жаба начала раскрывать рот, когда за Томасом послышались шаги. Сэр калика взглянул коротко, ничуть не удивился – он вообще ничему не удивлялся, как ревниво заметил

Томас, – и спросил равнодушно:

– Тебе мало забот с одной?

Томас не понял, указал трясущимся от злости пальцем:

– Посмотри на ее гнусную рожу! Ты знаешь, что она мне сказала?

– Догадываюсь, – бросил калика и оглянулся. – Яра! Поди-ка сюда, детка.

Пришлепали быстрые босые ноги. Томас удивился злой решимости на лице женщины. Впервые видел ее такой рассерженной. На бегу подхватила увесистый сук, швырнула умело и метко.

Сук просвистел над головой Томаса, ударил жабу по голове с такой силой, что едва не сбросил с листа. Тот закачался, как в бурю, мелькнули растопыренные лапы и белое брюхо. Брызги долетели до рыцаря.

Злой и униженный, он выбрался на берег. Женщина смерила его презрительно-встревоженным взглядом, отошла к своей одежде, та сохла на растопыренных ветках. Олег, неизвестно чему скаля зубы, помалкивал.

– Сэр калика, – не выдержал Томас, – я же вижу, ты насмехаешься надо мной!

Олег покачал головой:

– Не над тобой. Так, вообще.

– Вообще?.. Ты что-то знаешь? Почему эта жаба разговаривала, как человек? Я только сейчас сообразил!

– Как человек… Гм, по-моему, она больше квакала. Прав-

да, знавал я одно племя, где тоже переговаривались почти кваканьем. Жили в болоте, понимаешь, а место всегда влияет… Да многое влияет. Вот, скажем, есть язык сильба гомеро, это когда свистуны переговариваются, а есть стукачи по дереву…

– Сэр калика!

– Понимаешь, заклятия во всем мире одни, но местные колдуны ищут вслепую, потому в одних землях умеют одно, в других – другое, в-третьих – третье… В этих землях освоили одно очень простое, но мощное заклятие. Превращают виновного в лягушку. Снять заклятие тоже просто, но опять же – надо знать как.

– Ты знаешь?

– Да стоит одному узнать, как вскоре знают все. В нашем случае нужно только поцеловать такую лягушку.

Женщина с силой терла камнем по своему платью, отскребывала остатки грязи. Ее странные глаза украдкой следили за рыцарем. Томас задумался, помрачнел:

– Тогда мы сделали злое дело…

– Почему?

– Надо было поцеловать. Зажмуриться и поцеловать. Пусть даже бородавки, но на Страшном Суде мне зачтется доброе деяние.

Глаза женщины стали злыми. Олег посмотрел на нее, потом на Томаса:

– Гм… но она девица…

У Томаса глаза стали круглыми.

– Да? По виду не похожа… Но тем более я мог бы!

Олег хитро улыбался, голос стал сладким, как мед:

– Она еще и красивая девка. Я могу видеть сквозь жабью шкуру.

– В самом деле? – спросил Томас с живейшим интересом.

– Очень. Молодая и очень красивая… Но здесь нравы строгие… Поцеловать и не жениться – опозорить девку. Дегтем ворота вымажут, то да се… Ей снова в болото, только уже топиться от стыда и злой молвы людской. Что скажешь?

Томас сказал со вздохом:

– Ты жестокий человек, но ты прав.

Олег уже стоял, приложив ладонь козырьком к глазам, всматривался в истончающуюся стену тумана. Там едва слышно хлюпало, булькало, кто-то тяжелый ломился через болото, подминая пучки осоки и камыша.

– Не страдай, – сказал он равнодушно, – сейчас половина княжества ее ищет. Все ведают, как и что… В первый день бы отыскали, как бывало поначалу. Но так не наказание, одно баловство. Теперь колдуны наловчились забрасывать их в дальние болота…

Шаги стихли, а вскоре с другой стороны послышался легкий плеск. Болотник вынырнул тяжело, с трудом выволок намокший ковер. Олегу помахал лапой с перепонками между пальцами:

– Ладно, теперь топить вас не буду. Ковер староват, но

сгодится.

– И все? – удивился Олег. – Раз уж мы здесь, отведи к Хозяину.

Болотник покачал головой:

– Какой хозяин? О чем глаголешь?

– Везде есть хозяин, – сказал Олег. Он впервые за долгое время улыбнулся. – На Руси без твердого хозяина нельзя, пропадут.

– Тут болото, а не Русь.

– К этому шли. Порядок и хозяин, что отвечает за порядок.

– Не доросли лицезреть его лик.

– Как хошь, – сказал Олег равнодушно. – Сами придем. Только тебя выдерут, что через твое болото прошли, а ты знать не знаешь.

Болотник подпрыгнул, вгляделся в суровое лицо волхва:

– Ишь… Да, ты такой, что сам доберешься. Я уж думал, таких не осталось. Только ждите до вечера, сейчас он занят.

С прижатым к груди ковром без плеска ушел под воду. На этот раз оранжевая молния, отягощенная ковром, скользнула много медленнее.

Сидя у костра, Томас сказал с проникновенным удивлением:

– Сэр калика, я бы никогда не поверил, что у вас здесь живут самые ревностные христиане, если бы своими глазами

не узрел!

– Что за чушь? – нахмурился Олег. – Такая отвратительная клевета…

– А как же? Полкняжества, как ты сам сказал, вышли искать бедную девушку. Разве это не пример сострадания?

Яра презрительно фыркнула. Томас сердито выгнул бровь, швырнуть бы в нее чем-нибудь, да под руками пусто, а Олег сказал с непередаваемым презрением:

– Ничего себе сострадание! В придачу к этой девке, а она сама по себе такова, что за обрезок ее ногтя будут биться три княжества, хоть и норовистая, правда, дают еще и полкняжества! Тут кто угодно в болото полезет. Сейчас дома опустели, все молодые мужики пиявок кормят по болотам, всех жаб целуют.

Томас спросил озадаченно:

– Полкняжества? Зачем?

– В приданое, понятно.

Томас повернул голову, долго смотрел на болото, спросил осторожно:

– А велико ли княжество?

Олег отмахнулся:

– Да так себе. Чуть поболе Британии. Ну, раза в два-три. Народу, правда, раз в десять – земли больно богатые. Чернозем хоть на хлеб мажь, а сено такое накашивают, хоть попа корми. Да ты сам видел, через какие края едем… С местным князем в родстве короли шведские, норвежские, император

германский, а еще и шахи и падишахи Востока. Разве что с королем англским еще нет, что чудно… Тьфу, дочь последнего короля Британии, Гарольда II, Гита, вышла за Владимира Мономаха и завела кучу детворы…

Томас потемнел, в глазах было жестокое разочарование. Он с тоской посмотрел на ровную гладь болота, где застыли, как вклеенные в смолу, широкие листья, потом с ненавистью покосился на Яру. Женщина, повернувшись спиной, усердно терла платье. Со спины она выглядела виноватой.

Спали, как коней продавши. Или без задних ног, как говорил Томас. Ночью квакало, хлюпало, по ним прыгало что-то мокрое и склизкое, у Томаса пытались утащить мешок с чашей, так ему показалось. Не просыпаясь, он подмял что-то, придушил, а мешок снова подгреб под себя. Он всегда спал, чувствуя чашу щекой и обеими ладонями.

Утром он очнулся от ощущения внезапной перемены. Раздался звук, словно кто-то незримый тронул басовую струну, но откуда она здесь? Разве что шмель сердито гуднул возле уха, но шмели на ночь замирают полуживыми комочками…

Темное небо меняло оттенки. Нет, даже цвета. Чернота сменилась лиловостью, на глазах налилась грозным фиолетовым. Томас настолько сжился с этим миром, даже болотным, что все чувства насторожились еще до того, как проснулся, а сердце стукнуло сперва вопросительно, потом, уверившись, что не ошиблось, пошло стучать сильнее и ча-

ще, нагнетая горячую кровь в мышцы, готовя к неожиданностям безжалостной жизни.

Над болотом небо стало цвета побежалости металла, какая бывает на лезвии перекаленного меча у нерадивого кузнеца. Казалось, вот-вот оттуда посыплются искры из-под колес боевой колесницы языческого бога.

Шагах в пяти от Томаса сухо, словно лопались переспелые арбузы, крякнули камни. Он вжался в землю, даже пальцы вогнал.

В неподвижном темном воздухе неслышно возник полупрозрачный столб света!

Мир застыл. Умолкли сонные болотные птицы, волны перестали шлепать в берег, но мир, так показалось Томасу, словно бы вздохнул с облегчением. Наконец-то! Вернулся скрепляющий стержень, на котором держится все и вся. Теперь все пойдет на лад.

Столб полыхал, сердце Томаса сжималось от тоски и тревоги. Свет выглядел древним, если такое можно сказать о свете, ведь это единственное, что не изменилось в нашем кровавом мире с момента его сотворения. И все-таки свет был не тот, который он видел ежечасно. В нем гремела торжествующая мощь тех времен, когда мир был молод, беспечен и бесшабашен. Когда по этим местам неслись конные армады киммеров, скифов и других древних народов. А может, и еще более древних, когда по земле ходили только боги, ныне ставшие демонами. И каждый оставлял частичку силы

здесь, в этом свете…

Томас боялся шелохнуться, чтобы видение не исчезло. Яра спала рядом, бледное лицо было изнуренным. А в призрачном свете медленно проступило грозное лицо. Глаза полыхнули, в грозном веселье раздвинулся кроваво-красный рот. Лик был ужасен, но Томас не мог оторвать глаз. Это был демон, огненный демон, однако в нем била ключом та неземная мощь, что заставляет не только восхищаться – мы ведь признаем достоинства врагов, – но и вызывает преклонение.

Страшный голос, сухой треск искр, проревел негромко, но Томас сразу ощутил, как ослабли члены, а во рту стало сухо.

– Кто вы, посмевшие?

Яра попробовала во сне натянуть одеяло, обиженно подогнула колени к подбородку, засопела. Томас судорожно толкал калику, тот сопел, поворачивался на бок. Наконец прохрипел недовольно, не раскрывая глаз:

– Ну чего тебе?

– Проснись! Тут кто-то спрашивает, кто мы!

Калика сонно огрызнулся:

– А ты уже и не знаешь?

Он попытался отвернуться, но Томас вцепился, как клещ, потряс. Голова калики болталась, он наконец открыл глаза. Мгновение смотрел на блистающий столб с ужасным ликом внутри, зевнул и снова попытался улечься.

Остолбеневший Томас выпустил его из рук, лишь потом,

опомнившись, поднял в сидячее положение. Заорал на ухо:

– Сэр калика! Это, наверное, и есть тот Хозяин, о котором говорил болотник!

– Это я говорил, – проворчал калика. Он открыл глаза, зевнул, глядя в страшное лицо. – Доброе утро!.. Хотя какое, к черту, утро, эти рыцари хуже петухов. Ты и есть здесь Хозяин?

Лицо в столбе исказилось в страшной гримасе. Словно в огненную воду бросили камень, так лицо раздробилось и пропало, но мурашки по спине Томаса побежали еще гуще. Из блистающего пламени за ним наблюдали, он чувствовал, нещадные глаза демона.

Голос был едва слышен из-за хрипа, треска, щелканья, будто лопались мелкие угольки:

– Кто ты, посмевший не пасть на колени, не просящий пощадить жалкую жизнь?

Калика двинул плечами:

– А нам жисть не дорога. Что в ней? Одни неприятности. Да и надо же знать, кому кланяться. Вот сэр Томас, вишь, какой красивый да статный, не кланяется даже королю германскому, как и султану сарацинскому, потому что не положено: свои хозяева обидятся. Еще высекут.

Томас поморщился:

– Сэр калика, благородных рыцарей не секут. Им секут головы, а не то место, которым некоторые… Позволь узнать, могучий дух, ты и есть тот Хозяин, о котором нам взахлеб

говорил почтенный болотник?

Голос из пламени протрещал громче:

– Так меня называют местные племена.

Все-таки от Томаса не ускользнула уклончивость ответа. Олег сказал подозрительно:

– Мне показалось, что мы могли бы пролететь… без помех.

Томас замер. Столб стал намного ярче, слепил глаза.

– Да. Но не очень далеко.

После тяжелого, как гора, молчания Олег сказал осторожно:

– Нас ждут?

– И очень близко.

– Понятно, – сказал Олег. – Но каков тебе интерес?

А Томас спросил, опустив ладонь на рукоять меча:

– Ты на чьей стороне?

Столб горел ярко не обжигающим огнем. Олег не чувствовал жара, хотя встал совсем близко. Томас чуть пригнулся, всматриваясь в белый огонь.

– Я на своей стороне, – ответило пламя. – У меня есть свой народ… нравится он вам или нет… но он мой, и я о нем забочусь. Когда здесь появляются чужаки, я их, понятно, скармливаю своим.

Томас оглянулся за помощью на волхва, но язычнику такое отношение местного божества было явно привычным. Кивнул, подумал еще:

– Понятно… этих скормить не удалось?

Столб, будто в гневе, стал выше, вспыхнул, но померк и стал даже ниже, чем был.

– Ты опять угадал, кто бы ты ни был. У них есть защита.

– Чья?

– Я знаю все в своем болоте. И могу. Но что дальше… Моя мощь так далеко не простирается.

Томас опять вмешался:

– Ты нам поможешь?

Из огненного столба прозвучал холодный, как лунный свет, ответ:

– Я помогаю только поклоняющимся мне.

Томас перекрестился, сказал громко:

– Я тверд в истинной вере.

– Истинная вера – вера в меня.

Олег прервал уже открывшего рот Томаса:

– Что ты хочешь от нас?

– Только узнать, кто вы и почему против вас брошены такие силы. А потом я вас… отпущу.

Подозрительному Томасу показалось, что столб хотел сказать что-то другое. Или последнее слово подразумевает иной смысл. Например, их принесут в жертву.

Олег посмотрел на столб, как показалось Томасу, с симпатией и некоторым сожалением.

– Новые времена, новые люди… И новые боги.

Снова наступило долгое молчание. Слышно было, как

вдали хлюпала вода. Там толпился болотный народ, не осмеливаясь подойти близко. Наконец огненный столб проговорил с сомнением:

– Опять новые… Разве мир рушится опять?

Проснулась Яра, смотрела на Олега с недоумением. Томас тоже косился на калику, многое в нем оставалось тайной.

– Нужно успеть на этот раз раньше.

– Ты говоришь, – прозвучал голос угрожающе, – словно ты из Старых. Я превращу вас в пепел!

Олег сказал невесело:

– Разуй глаза, Табити. Когда-то правила Великой Степью. Самые могучие народы, потрясавшие миры, поклонялись твоей мощи. Но пришел новый бог… Ты помнишь того синеглазого с дудочкой? Никто его не принимал всерьез. Но он ссадил кочевников на землю, приучил пахать и сеять, а тебя заточил среди этих болот… А ты все еще не веришь в новых богов?

Голос, полный гнева и ярости, упал до шепота:

– Разве время творения еще не ушло?

– Каждое время творит своих богов, – ответил Олег невесело. – Не все они удачны. Как и мы. Теперь богов творят сами люди. А люди слеплены не только из ума и воли, как хотелось бы волхвам… Хватает глины слабости, уныния, суеверий, дурости, лени, невежества, драчливости. Когда эта дрянь в человеке берет верх, тогда на свет появляется такое… Разве Род сотворил Корса – бога обжорства и пьян-

ства? Люди! Дали ему силу, целые племена поклонялись… Их стерли в пыль те, кто создал себе богов потрезвее.

– Кто он, новый бог?

– Ты не поверишь. Бог рабов и для рабов. Но ему охотно кланяются и свободные племена, потому что в каждом человеке слишком много от раба. За свободу надо стоять, а когда кто-то приходит и очень сладко говорит, что рабом быть проще и спокойнее, что надо вручить свою судьбу другому – сильному, который все видит и все знает, который придет и все рассудит… Многие добровольно отдают свою свободу. Сладкая ложь проходит там, где не прошел меч.

– Неужто человек пал так низко?

Олег пожал плечами:

– Я видел сильного и мудрого богатыря Калидара, когда тот оброс грязью и спал вместе со свиньями… Но когда он выздоровел – я думаю, он хворал, хотя телом был крепок и силен все так же, – то снова совершал подвиги. Если у человека бывают болезни, то, наверное, бывают и у всего человеческого племени.

Снова прогремел яростный, но уже полный горя голос Табити:

– Иная болезнь убивает вовсе. Что делаешь среди больных ты, который не болен?

– Я прозевал начало этой болезни. Или слабости, называй как хочешь. Когда началось, я искал Истину в темной пещере. Нас много было, ищущих… В пещерах, лесах, го-

рах… Мы все приходили в мир, провозглашали свою Правду, иных делали верховными жрецами, иных забивали камнями, распинали, бросали в котлы с кипящим маслом… Я создавал правду для сильных и свободных, был опьянен прошлыми победами… Но другой, который искал Правду в пустыне, придумал утешение для слабых и нищих духом, для калек, уродов и рабов… Когда я вышел со своими идеями, оказалось, что я опоздал, страшно опоздал…

– Навеки?

– Шестьсот лет, Табити! Через каждые шестьсот лет в мир приходит пророк с новым учением и становится богом. Первый, Лосиха, пророк охоты, царевич из мелкого царства на юге, плотник из Назарета… Последним был погонщик верблюдов на жарком Востоке. У него учение молодое, сильное, злое, но и учение рабов присобачили короли Запада: объявили войну молодому богу. Так что, не поверишь, но мы с этим молодым рыцарем возвращаемся с первых войн, когда дерутся не за земли, рабов или богатства, а схлестнулись сами боги!

После тяжелого молчания Табити снова подала голос. Теперь в нем были непривычные для яростного огня страх и непонимание:

– Но ты… из Старых? Почему ты здесь?

– Болезнь не сломить, но надо помочь переболеть быстрее. И не остаться роду людскому калекой. Тогда и вернем старые культы и древних богов. Потому нам нужно как мож-

но быстрее дойти и донести. Ты в состоянии задержать их?

Голос Табити снова окреп, в нем слышался треск огня и грохот падающих крыш горящих зданий.

– Тебе никто не помешает в моих владениях!

Томас одел перевязь через плечо, подхватил мешок. Яра взяла мешок побольше, смотрела на Олега выжидательно. Тот поднял кулак в прощании:

– Слава тебе, бессмертная!

– Пусть путь твой будет среди огня.

Олег кивнул, благодарил, а Томас подумал растерянно: они оба с ума сошли! Или думают, что он – саламандра?

Глава 8

К острову быстро плыли, рассекая воду, как утки, круглые блестящие головы. Следом тащился плот из тонких, но сплетенных в несколько рядов прутьев. Томас и Яра молча ступили вслед за волхвом на плот. Тот колыхнулся, но множество лап с перепонками удержали.

Остров быстро оставался позади, а огненный столб слабел быстрее, чем удалялся остров. «Не потому ли, – подумал Олег, – что истощаются болотные газы. Причем на болоте чувствуется близость черной крови земли, что горит ярко и страшно. Так что Табити еще долго может жить на острове…»

Плот несся так, что встречные растения срезало, как бритвой. Стебли и чашечки кувшинок часто падали на плот, Томас брезгливо спихивал ногами. Головы иногда исчезали, их на ходу сменяли другие, Томас уважительно цокал языком. На ходу менять коней всегда трудно, а здесь все без толчков и потери скорости!

Лес был древний и нехоженый. Людская слава населила его чудищами, что пожирают всех и вся, всяк обходил стороной, а тот, кто не всяк, въезжал в полной уверенности, что за ним не подсмотрят и тайного разговора не услышат.

В лесной избушке, ветхой и малозаметной, на крохотном

островке среди тихого лесного озера шел неспешный разговор. Слова ронялись медленно, обдуманно, без гнева или радости, удивления или неожиданности. Все четверо собравшихся были неуловимо похожи: манерой речи, движениями.

В каменном очаге догорали березовые поленья. Сухое тепло выдавливало озерную сырость, в проемах окон злобно звенели комары, но в комнату залетать не решались.

– Я тоже не люблю срываться с места, – говорил Бадри ровным сильным голосом, – но прибыл ведь? Да, пришла нужда вмешаться нам. Семеро не простят, что мы пальцем не шевельнули.

– Какие Семеро? – спросил второй, его звали Мит. – Этот северный рыцарь уничтожил их почти всех… в том числе и Слымака.

– Семерых уничтожить невозможно, – ответил Бадри тем же ровным голосом. – Как говорил тот древний разбойник Конан из Киммерии: казацкому роду нет переводу, так никогда не переведется братство Семерых. Будет убит один, на его место встанет другой, но Семерым – жить! Потому что Семеро – это не люди, а Идея.

Бадри ощутил пристальные взгляды: похоже, долетели слухи, что его прочат в верховную Семерку. Но разве он не заслужил этого долгим упорным трудом на благо всего рода людского?

– Ладно, – сказал Мит, – мы должны действовать, не дожидаясь, пока Семеро восстановятся… Этот рыцарь идет

уже по нашим землям. Чем он так важен?

– Разве Семеро не сказали?

– Тот убит, кому сказали.

– Не лучше ли выждать, – предложил Тивак. – В наших делах поспешность вредна. Семерым виднее.

Бадри придирчиво осмотрел их из-под насупленных бровей. Да, здесь собраны самые мудрые. Из окрестных племен и окрестных земель. Но мудрость редко идет в ногу с решимостью. Эти будут решать да прикидывать до скончания века и всякий раз находить решения все лучше и лучше.

– Цивилизация в опасности, – сказал он с нажимом. – А вы спорите, сколько ангелов уместится на острие иглы? Был ли пуп у Адама?.. Подготовьте людей. Их можно захватить сонными. Ночуют ведь под открытым небом! Помните, промедление с легким делом превращает его в трудное, а промедление с трудным превращает в невозможное!

Он сам почувствовал, что сказал хорошо, но по вытянувшимся лицам увидел, что вызвал у них и растерянность.

– Я пошлю людей, – вызвался Мит.

– У тебя большой отряд?

– Нет, но отъявленные головорезы. Мне самому досаждают. Если даже перебьют малость, такое кровопускание только на пользу.

– Хорошо, – одобрил Бадри. – Их надо было уничтожить еще в Иерусалиме, теперь они обрели кое-какой опыт. Но сейчас дело пока что… нет, не пугайтесь! Еще не трудное.

Разве что для тех, кто любое дело умеет превращать в невыполнимое. А вообще-то дело или занятие, не содержащее трудностей, не требующее полного напряжения ума и воли, недостойно членов нашего братства!

Он обвел их пристальным взглядом. Все смотрели в ответ честно и преданно. Бадри поднимается на ступеньку, это ясно. Помогли эти двое: рыцарь и калика, устроив вакансии. А Бадри кого-то потянет с собой наверх, ему нужны надежные люди.

Тем более что вакансии, об этом говорил их опыт и мудрость, будут еще!

Дважды трое путешественников встречали по дороге через лес широкие места, покрытые серым пеплом. Огонь бушевал такой мощи, что не оставалось даже углей. Сама земля была под серой ноздреватой корой, словно прятала медленно заживающую рану. Такие наросты Олег встречал только на склонах вулканов, где из жерла выливалась красная и жидкая, как масло, земля. Остывая, она превращалась в такую мертвую пористую губку.

– Дракон дохнул, – объяснил Томас женщине. Она следовала за ним неотвязно, хотя вид у нее был самый независимый. – Я видел одного в ночи… Здоровенный гад! Как сарай у бабки.

– Какой бабки? – не поняла Яра.

– Наверное, Олега. Он так всегда говорит.

Олег хмурился, когда под ногами хрустела сожженная земля, помалкивал. Потом встретили выжженное место, где могучие дубы обступали выжженную поляну. Ветви, обращенные к поляне, как срезало ножом, торчали обугленные культяшки. Даже на той стороне листья пожухли и свернулись от страшного жара. Олег потрогал носком сапога оплавленные камни, задумался, но смолчал.

Когда в четвертый раз встретили такое же выгоревшее место, даже Томас удивился:

– Что это? Или дракон летит впереди нас… или кто-то пытается сжечь лес!

– А ты думаешь, что вернее?

Томас озадаченно попытался почесать затылок, железная перчатка скользнула по железному шлему.

– Вот если бы пытался сжечь нас, то все понятно. Сколько раз нас жгли, сдирали кожу, сажали на колья, просто убивали? А это жгут не нас, а зачем-то лес…

– Это как раз понятнее.

Они миновали лощину, когда снова ощутили запах гари. На этот раз к нему примешивался сладковато-горький аромат чего-то тревожно-знакомого.

Пятно пожара было намного меньше. Деревья сгорели не дотла, стояли почерневшие, с обугленными ветвями. В середке было уже привычное черное пятно, но на этот раз было и нечто новое. По краям поляны среди обгорелых ветвей лежали ржавые полоски железа – изогнутые, скрученные

страшным жаром, но совсем недавно они были оружием.

Томас разгреб сапогом, подняв тучу пыли, еще теплые угли. Звякнула почерневшая от жара широкая пластинка, а затем он выругался и отпрянул. Среди пепла лежала обугленная кисть руки!

– Здорово упились, – сказал он с отвращением. – Слава Господу, христианам не велено упиваться, как гнусным язычникам!

Олег поднял с земли и молча протянул рыцарю оплавленный комок желтого металла. Томас отшатнулся. На ладони сэра калики лежал медный крест!

– Гнусные язычники сожгли правоверного христианина, – заявил он с жаром. – Принесли в жертву своим гнусным богам…

Яра посмотрела на волхва с осуждением. Олег кивнул:

– И не одного. Вот за этой валежиной их пряталось четверо.

– От язычников?

– Разве что от одного. А еще от меднолобого с медной же чашей.

Томас еще не понял, спросил растерянно:

– Зачем?

– Ну выскочили бы внезапно, чтобы ты обрадовался. Давно не дрался, поди?

Томас сказал очень медленно:

– Ты хочешь сказать… что на нас сделали засаду?.. А кто-

то могущественный… убил их и сжег?

– Да просто сжег, – сказал Олег хладнокровно, – живьем. В четвертый раз подряд. Благочестивых христиан!

Томас вломился в заросли, там долго хрустел, стонал, ругался. Олег кивнул Яре, вместе вышли на соседнюю поляну, где не так пахло, разложили вещи на отдых. Томас вернулся бледный, с осунувшимся лицом. Сказал обвиняюще:

– Ты ж знал!

– А что, ты бы стал спасать их?

Томас покосился на Яру. Женщина смотрела сожалеюще, точно так смотрела бы на юродивого.

– Нет, – сказал Томас в замешательстве. – Но не стоило тебе все брать на себя…

Теперь Яра смотрела во все глаза на волхва. Тот отмахнулся:

– Я и пальцем не шелохнул. Это все расстаралась Табити.

– Демон! – вскрикнул Томас в отвращении.

– Демонесса, – поправил Олег. – Какой ты грубый, как медведь под дождем. Женщина ведь! Голая. Одинокая. Помогает тебе, бедная… Знала бы, кому помогает!

Томас молчал, дулся, как мышь на крупу. Как все просто в крестовом походе! Здесь друзья, там враги. Вперед за истинную веру, бей язычников. А здесь свои христиане так часто устраивают засады, пытаются убить, а язычники… даже их нечестивые боги, которых вера Христова сразу зачислила в демоны, помогают и спасают… Не придется ли расплачи-

ваться за спасение бренного тела бессмертной душой?

Он похолодел от страшной мысли, с надеждой пощупал чашу. Сквозь грубую ткань мешка пальцы ощутили затейливый узор по ободку. Чаша была прохладная на ощупь. Никакой яростной раскаленности, искр, угрожающего звона.

«Будь что будет, – подумал он решительно. – У человека ничего нет, кроме души. Все остальное – тлен. Только о душе надо заботиться. Если она потеряна, потеряно все…»

Решительно, не давая себе передумать, сунул руку в мешок. Кончики пальцев коснулись прохладного металла. Он замер, ожидая страшного грома, молнии и нечеловеческого гласа, обвиняющего его в смертных грехах.

Чаша… молчала.

Яра, молчавшая большую часть пути, сказала рассудительно:

– Хорошо или плохо, но тот живой огонь… он сжигает всех врагов у нас на пути. Если такова ее мощь.

– Если бы ее гордости… – сказал Олег досадливо. – Это когда-то ее власть не знала границ… Почти не знала. Помню, когда схлестнулись в первый раз… Не признала или прикинулась, что не узнала? Нет, старые боги не умеют прикидываться. Теперь властвует только на этих болотах…

Женщина сказала неожиданно:

– Потому раньше попадался только пепел?

– Угадала. Но ее мощь слабеет с каждой верстой…

Томас смотрел подозрительно на волхва.

– Сэр калика, ты в самом деле намереваешься вернуть в эти земли языческую веру? Клянусь кровью Христа, я просто обязан тебе помешать!

Олег сказал сухо:

– Прогресс – это не новое, как все думают.

– А что же?

– Лучшее, сэр Томас. Лучшее…

Томас положил руку на рукоять меча. Голос был горьким, но полный решимости:

– Сэр калика, я глубоко чту тебя. Но я уже дрался насмерть с противниками, которых почитал.

Он опустил забрало. Сквозь щель блистали синие, как небо, глаза. В них блестели слезы, но взгляд был твердым. Он обнажил меч. Острие направил в грудь Олега:

– Защищайся!

Олег пожал плечами:

– Я могу тебя ранить в драке, ногу перебить… Как донесешь, хромой, чашу? Но ты мог бы меня зарезать во сне. Так надежнее.

– Я не язычник, – ответил Томас гордо. – Мой Господь все зрит. Он не простит мне предательства даже врага. Мне отвечать на Страшном Суде.

– А, вот чего ты боишься, – понял Олег. – А я уж было поверил в эти байки про рыцарскую честь.

– Честь для рыцаря – превыше всего! Сэр калика, ты мне зубы не заговаривай. Защищайся!

Олег покачал головой:

– Не стану. Лучше ты меня зарежь, а я потом буду тебе по ночам являться… Аль у христиан мук совести нету?

Томас повращал глазами в ярости, затем в бессилии опустил меч:

– Сэр калика! Ты поступаешь неблагородно. Ты хитрее меня, изворотливее, как все богопротивные язычники. Я не могу выстоять против твоей сатанинской хитрости!.. Но я поступлю иначе. Я доверюсь тебе. И пусть, если ты меня обманешь, я буду являться к тебе по ночам, терзать твою совесть!

Яра просияла, едва, как ребенок, не захлопала в ладоши. Олег удивился:

– Какая ж у меня может быть совесть, если я все делаю по наущению Сатаны?

Томас удивился еще больше:

– А как же? Сэр Сатана потому и был сброшен с небес, потому что, будучи почти равен Верховному Сюзерену, хотел сместить его и занять его чертоги! Существо такого ранга должно быть наделено всеми высшими рыцарскими доблестями. Как же иначе?

Он говорил убежденно, с полной верой в свою правоту. Олег покачал головой, не переставая удивляться каше в голове молодого рыцаря.

– А-а-а… Тогда понятно. Два медведя в одной берлоге не уживутся. А ты, значит, перебежал на сторону победителя?

Гм… Я думал, ты только храбрый, а ты еще и предусмотрительный!

Томас задохнулся от такой «похвалы». К тому же молодая женщина начала смотреть странно, отодвинулась.

– Я не перебежал! – завизжал он в ярости. – Два небесных войска столкнулись давно!.. Я тогда еще копья в руки не брал!.. И дед мой не брал!.. Еще тогда ангелы и архангелы, что пошли за Сатаной, были сброшены с небес и стали ангелами тьмы…

Олег понимающе вскинул брови:

– Ух ты… Тогда вообще ты выбирал без промаха. А то, не ровен час, загремел бы вверх тормашками. Сейчас бы у тебя рога были – во! А хвост-то, хвост!.. Впрочем, слепней им бить можно, ишь как докучают в дороге… Да и в воинском деле, ежели постараться, можно так приспособить…

Томас безнадежно махнул рукой, ничего сэр калика не понимает. В чем-то не совсем туп, вон как гуся зажарил, а самых простых истин не понимает. Да и что ждать от язычников?

Утро выдалось холодное, неласковое. За ночь их накрыло росой, хорошо – не инеем. Когда Томас раскрыл глаза, калика уже сидел на пне. Глаза закрыты, пальцы перебирают обереги. На лице отрешенное выражение, ну прямо божий угодник просветленный! Умеет Сатана менять личины, умеет.

Чувствуя себя, однако, смущенным – рыцарю не пристало

выказывать слабости, – кое-как вскочил, огляделся:

– А где наша женщина?

– Твоя-то? Пошла к ручью. Не понимаю, зачем баб так к воде тянет? Из уток их боги лепили, что ли?

Томас, не слушая неспешные разглагольствования, побрел к ручью. Из-за широких и густых кустов слышался слабый плеск. Негромкий сильный голос напевал что-то грустное, протяжное.

Он остановился, не решаясь ступить дальше. Хрустнет сучок или ветка спугнет, а дура женщина решит, что за нею подглядывают!

Она стояла, обнаженная по пояс, в воде, неторопливо намыливала руки глиной. Томас затаил дыхание. Богиня леса и охоты! Тело было покрыто легким загаром, словно эта язычница после купаний бегала голышом под солнцем!

«А может, и бегала, – сказал Томас себе в смятении. – Язычники, им божеские заповеди нипочем».

Постепенно он высунулся настолько, что проклятый сучок все-таки хрустнул с такой силой, что Томас сам подпрыгнул от неожиданности.

Яра оглянулась, ее брови приподнялись, а губы чуть раздвинулись в усмешке.

– А, сэр Томас… Искупаться решил? А я уж было решила, что ты, как ваши угодники, всю жизнь не моешься и вообще воды боишься. Да и панцирь тебе сполоснуть изнутри не мешает…

– Да я… – промямлил Томас. Густая кровь прилила к ушам с такой силой, что он отодвинулся от веток, чтобы не поджечь их. – Я только…

Она нырнула, на поверхность всплыло мутное пятно, что тут же пошло растягиваться длинной лентой вниз по течению. Вынырнула она уже чистенькая, как облупленное яичко. Улыбнулась:

– Да ты, никак, в самом деле воды боишься?

Томас стиснул зубы. Был один в войске, воды избегал, даже от дождя прятался. Оказалось, как дознался отец Квинтий, войсковой прелат, был в сговоре с дьяволом, посещал сатанинские гульбища и лежбища, имел тайные знаки на теле, подтверждающие кровный союз с врагом рода человеческого.

– Я христианин, – сказал он с вызовом.

– Христиане тоже, бывает, моются, – возразила она.

Томас с проклятиями, но сильно бьющимся сердцем, начал снимать доспехи. Яра легла на воду и поплыла. В темной воде ее тело поблескивало в струях, как серебряная рыбка.

Зайдя с той стороны кустов, Томас поспешно вбежал в воду. Когда он был уже по горло и достаточно взбаламутил илистое дно, Яра повернула обратно.

– Как хорошо, – выдохнула она, – как будто нет в мире войн, ссор.

Томас пытался отводить глаза, но их, как колдовством, притягивало к женщине. Она подплыла, встала на ноги. У

Томаса перехватило дыхание, и он сам едва не ушел под воду, такими слабыми стали ноги.

Вода бриллиантовыми каплями сползала по ее изумительно ровной и чистой коже. В ключицах колыхались небольшие озера, и Томас тратил нечеловеческие усилия, пытаясь оторвать взгляд от ее высокой сильной груди. Она дышала ровно, грудь то наполовину вздымалась над водой, то погружалась, но вода была настолько прозрачная, что Томас мог видеть даже ее ступни с розовыми ногтями. Мог и, гореть ему в аду, видел…

– Что случилось, сэр Томас? – спросила она тихо. – Ты смотришь так, будто женщин не видел вовсе.

– Гм… – выдавил он сквозь перехваченное горло, – теперь мне кажется, что я их в самом деле не видел.

Ему показалось, что в странных лиловых глазах метнулось и спряталось смущение. Но ответила она с некоторым вызовом:

– Может быть, мне повернуться, чтобы ты рассмотрел меня и сзади?.. На, заодно потри мне спину.

Она сунула ему в ладонь пук травы.

Чувствуя себя окончательно погибшим, он пытался вспомнить хоть одну молитву, но в голове стоял красный туман, и кровь шумела в ушах.

Ее спина была прямая, а чтобы не столкнуть с места, другой рукой пришлось взять за плечо. Взял так осторожно, словно коснулся только что вылупившегося цыпленка, она

даже удивленно покосилась через плечо:

– Ты что, никогда своего коня не купал?.. Три сильнее!

Он провел пучком по коже, та сразу порозовела. «Ничего себе, – подумал он смятенно. – Такого коня купать не приходилось даже королям Христова воинства, даже императору германскому. Да и сарацинским монархам, а они в таких делах знатоки и умельцы, вряд ли…»

Все еще придерживая, осторожненько водил травой по лопаткам, опустился по хребту, тер тихо, боясь повредить нежную кожу без единого пятнышка. Женщина тоже затихла, не двигалась. Ее шея порозовела, хотя Томас к ней не прикасался. Он чувствовал, что его движения замедляются, пальцы слабеют, а дыхание, напротив, учащается.

«Господи, помоги мне, – взмолился он в отчаянии. – Какая ж она христианка, язычница самая что ни есть. Эх, пропадай моя душа бессмертная! Зато потом, сидя в котле с кипящей смолой, буду видеть перед глазами…»

Ее хрипловатый, чуть изменившийся голос внезапно прервал его суматошные мысли:

– Спасибо, Томас. Погоди малость, я выйду на берег.

Она отстранилась, как ему показалось, с некоторым усилием, пошла к берегу, с великим трудом расталкивая плотную, как смола, воду.

Томас отводил глаза, но все равно видел, как она вышла на берег, – грациозная, сильная, тонкая в поясе и с широкими бедрами, что удивительно точно переходили в длинные

ноги, приспособленные для долгого и умелого бега. Ложбинка вдоль спины, как змея, изгибалась при каждом шаге, и от этого движения у Томаса сердце едва вовсе не остановилось.

Все-таки увидел ее и сзади, как она сказала, мелькнула суматошная мысль. А женщина вышла на берег, кусты сомкнулись за ее спиной. Томас отвернулся, чувствуя, как сразу потемнело в глазах, вода стала теплой, как похлебка, а его толстым слоем покрывает корка соленого пота и грязи.

Когда он надраил себя до блеска, трижды окунувшись и смыв не только грязь, но и клочья кожи, и наконец решился выйти на берег, его одежда, разительно изменившая цвет, была разложена на камнях. Солнце жгло с такой силой, что над тканью дрожал, вздымаясь, сильно прогретый воздух.

Томас торопливо натянул еще сырое, на нем высохнет быстрее, осторожно зашел за кусты. Яра, уже одетая, сидя на валежине, чистила ему панцирь. В ее руках он уже блестел, а поворачивала его с такой легкостью, словно он был из легкой кожи.

Она подняла голову. Томас возвышался над ней, широкоплечий и могучий, золотые волосы торчали во все стороны, в синих глазах было смятение. Он с неловкостью развел огромными руками:

– Тебе не обязательно это делать.

Она встала, их глаза встретились. Тихо она сказала:

– Давай я тебя причешу.

В ее руке появился гребешок. Томас выдавил с растущей

неловкостью:

– Откуда он у тебя? Было такое время…

– Женщина, – ответила она тихо, почти шепотом, – при пожаре… гребешок хватает с собой первым…

Томас наклонился, к голове снова прилила жаркая кровь. Он боялся, что Яра обожжет о его уши руки.

Гребешок коснулся волос, и Томас вздрогнул, но тело, повинуясь неведомой воле, начало расслабляться, словно плавало в теплой ласковой воде. Зубья замедленно перебирали его волосы, раскладывали на пряди, проходили снова, укладывая по-другому. Кожа на голове стонала от сладкой истомы, волосы льнули к ее пальцам.

Глава 9

Могучий голос калики вторгся в их мир, словно брошенный с размаху топор на стол с дорогой посудой:

– А где это мой посох? Сэр Томас, ты никуда его не задевал?

Хрупкие черепки со звоном падали на землю, исчезали, как легкий дымок. Яра со вздохом отступила на шаг. Они находились на берегу речушки, солнце нагревало головы. Волосы Томаса уже почти просохли.

Кусты затрещали, за ветвями показалась отвратительная фигура. Неприятный голос проревел:

– Напились? А позавтракаем, если удастся, по дороге.

Томас отступил на шаг, споткнулся о доспех. Яра обогнула кусты с другой стороны, исчезла. Калика продрался сквозь кусты, через плечо уже повесил мешок с жалкими пожитками. Зеленые глаза подозрительно обшарили лицо молодого рыцаря.

– Спишь стоя, как конь? Одевай свое железо. Надо идти.

– Мне нужен конь, – сказал Томас с усилием. – В таких доспехах пешими не ходят.

– Зазорно бла-а-а-агородному?

– Просто тяжело, сэр калика.

В зеленых глазах промелькнула искорка сочувствия, но голос оставался холодным и неприятным:

– У каждого своя ноша.

Олег прошел вдоль берега, остановился на пригорке, обозревая окрестности. Томас торопливо оделся, догнал. Он чувствовал себя так, будто его окунули в прорубь.

Яра появилась с заплечным мешком, быстрая и решительная. С Томасом избегала встречаться взглядом, быстро пошла вперед.

– Я здесь бывала однажды…

Олег покачал головой:

– Во сне?

– Охотилась.

Теперь Томас смотрел недоверчиво. Олег заметил, усмехнулся:

– Когда Топтыга расхвастался на пиру у князя киевского, что он-де всех купит, такой богатый, князь разгневался и велел запереть его в погреб. Пришлось его женке, Моряне Путятичне, переодевшись мужиком, ехать выручать своего дурня. Ну, побила княжеских дружинников в борьбе, в стрельбе из лука, конной скачке. А вместо дани взяла пленника из погреба, чтобы, значит, развлекал ее и тешил в дороге… Есть женщины в русских селениях, Томас!..

– Наверное, есть, – согласился Томас, посмотрел на Яру. – Жаль, не встречал еще.

Калика спросил Яру:

– Эта Моряна Путятична не в этих краях охотилась?

Яра ответила неприязненно:

– С ума сдвинулся, отшельник. Пустили бы ту бабищу! Там земли князя тьмутараканского.

– Грубые люди, – посетовал Олег. – Поохотиться – разве дичи убудет?

– Дичи не жаль, а лазутчиков да разведчиков здесь не жалуют.

– Их нигде не жалуют, – пробормотал Олег. – А зря… Как бы еще узнавали, где что деется?

В затерянной среди дремучего леса избушке трое мужчин сидели у очага. Смотрели не в пляшущие языки пламени, как часто сидят подле огня мужчины, а в огромное блюдо, что лежало на полу. Расписные цветы по ободу, диковинные птицы – рисунок прост, трое собравшихся лишь одаривали пренебрежительным взглядом, видали работы мастеров, не простого люда, – а вот странная матовая поверхность заставляла морщины на лбу взбираться одна на другую.

Простой мужик сделал! И в то же время уже не простой.

Как же просыпается в человеке эта искра, о которой упорно говорил Великий Изгой, эта капля огненной крови их древнего бога Рода? Творитель один, а тот, кто в состоянии придумать что-то еще, по словам Изгоя, становится вровень с самим Родом, богом богов, творцом всего сущего, и его по праву называют сотворителем. Самая опасная ересь, ибо человек – всего лишь раб, это надо вдалбливать в мозги и души.

– Ладно, – сказал наконец Старший, – мы сами творцы целого мира. Цивилизацию творим, целые народы из грязи да дикости тащим! А что где-то в глуши придумало нечто новое по мелочи…

– Да, но как придумано, – вздохнул другой. – Просто. Наши умельцы, если бы такое и удалось им, то это была бы целая гора из дорогих зеркал, старой бронзы, золота и редких камней.

Третий покачал головой:

– А как отдал? За ковш хмельного вина. Упьется и сгинет, как пес подзаборный. Что за народ, что за народ… Русичи, говоришь?

Старший потемнел. Он был молодым послушником, когда на Совете решалось: быть или не быть новому народу. Тогда они проиграли, из Тайной Семерки кто-то вовсе погиб, такие ходили слухи. Новый народ теперь топчет землю, строит города, но еще больше пьет, дерется, спит да чешется, а ежели и сотворит что невиданное, то тут же и загубит так гадко, что и придумать трудно.

– Показывай, – сказал он резко. – Как работает?

Второй достал из сумки крупное красное яблоко, поднес ко рту, затем, словно опомнившись, с озорной усмешкой положил на блюдо. Яблоко покатилось, стукнулось, должно бы замереть, но покатилось по кругу, за ним оставался бледный размытый след. Мелькнули красные искры, вроде бы что-то пробежало…

Двое всматривались пристально, сдвинули головы, пытаясь рассмотреть в дымной быстро исчезающей дорожке изображение, третий наблюдал с озорной усмешкой. Когда двое старших уже утомились, легонько толкнул яблоко. Оно пошло поперек, оставляя все ту же дорожку. Несколько раз пробежало по блюду, заполнило серебристым туманом. В глубине начало проступать четкое изображение.

Старший метнул на младшего огненный взгляд:

– Все забавы тебе! А управлять им как-то можно?

– Нет ничего проще.

Он наклонился, всматриваясь в блюдо. Пробежали синие полосы, медленно проступило зеленое. Вырисовался лес. На поляне сидели у костра трое: крепкий молодой мужчина с красивым мужественным лицом, сгорбленный, словно в печали, мужик средних лет, а по ту сторону костра штопала платье молодая женщина. За их спинами блестели разобранные доспехи, меч, небольшой щит, вспучивались два мешка.

На огне жарился на вертеле заяц. Молодой мужчина время от времени переворачивал добычу, можно было рассмотреть могучие мускулы. Двигался он с ленивой грацией, синие глаза смотрели остро. Старший ощутил холодок: он не любил таких людей. Говорят мало, поступают быстро и круто, нетерпимы к себе и к другим. С ними не договоришься, нельзя пойти на компромисс, сделку.

– Они?

– Да. Этот, что истекает слюной, и есть тот рыцарь, кото-

рого велено остановить.

– А простолюдин и женщина?

Младший отмахнулся:

– Калика пристал по дороге. Знает местные дороги, потому его терпят. Женщину спасли от половцев… Постараются избавиться побыстрее, понятно. Калика отстанет, когда доберутся до его мест… Да разве он или женщина помеха?

– Я просто все хочу знать, – оборвал Старший раздраженно. – Почему не могли их просто устранить?

– Пробовали.

– И что же?

– От наших отрядов, посланных наперехват, остались только пятна.

– Мокрые?

– Наоборот, сухие и горячие. Кто-то или что-то уничтожало их раньше, чем эти трое замечали засады. Они и сейчас, похоже, не ведают, что за ними охотятся.

Второй нахмурился, сказал предостерегающе:

– У них пытались отнять то, что они несут, еще в Константинополе, а они все еще не ведают?

– Они полагают, что уже расправились со всеми.

– Тогда они должны знать, что поразили самих Тайных. А могут ли они знать такое?

Младший развел руками:

– Слишком многое мы не знаем. Похоже, им просто повезло.

– Я бы на это не ставил. Я бы вел себя так, будто передо мною самые серьезные противники.

Полянка приблизилась. Рыцарь снял зайца, разломил. Облачко душистого пара на миг затуманило изображение, трое словно ощутили аромат душистого мяса. А у костра уже ели быстро и весело, как едят здоровые люди после целого дня трудной работы. Донесся удивленный голос рыцаря:

– Вроде у нас соли не было… Как ты сделал, сэр калика?

– Золой посыпал.

– Гм… запомню.

– В следующем походе против сарацин применишь.

Было видно, как на чистое лицо рыцаря набежала тень. Он задумался, в зубах застыл крупный кусок мяса. Проглотил, наконец сказал:

– Я бы пошел… Святое дело! Но и брак освящается церковью. А меня он как раз и ждет.

– Чистая дева на балконе?

– Сэр калика, если я донесу чашу, а я ее все-таки донесу, то я могу сказать с чистой совестью: Господи, я сделал все, что в моих силах! Кто может, пусть сделает больше, а мне предстоит трудный путь в семью.

Старший сказал вполголоса, глаза не отрывались от чистого лица рыцаря:

– О какой чаше он говорит?.. Почему так важно ее донести?

– Мастер, он несет эту чашу из Иерусалима.

– Тихо!

На поляне у костра видно было, как женщина метнула острый, как нож, взгляд в спину рыцаря. Калика снял языком капли жира с ладони:

– Ладно, утро вечера мудренее. Завтра выйдем к реке, а как на ту сторону, еще не знаю. Переправа далеко справа, а слева – вовсе за сотню верст…

Свет постепенно темнел, видно было только яркое пятно костра. Старший кивнул с мрачным удовлетворением:

– Переправа? Хорошо, поможем.

Младший снял яблоко, сунул блюдо в мешок. Они сели за стол, когда второй сказал задумчиво:

– Что-то странное с этим каликой… Я наблюдаю за этими местами давно. Переправа была уничтожена лет сто тому. Еще печенегами… С тех пор никто о ней не слыхивал.

– Давно он в этих краях не бывал… – сказал младший безучастно.

Затем умолк на полуслове. Глаза его полезли на лоб.

В полночь калика толкнул рыцаря, тот вскочил – настороженный, ладонь на рукояти меча, сразу вперил взгляд во тьму, будто и не спал.

– Все тихо, – успокоил Олег. – Не забывай подбрасывать хворост. Мелкий, прогорает быстро.

Он улегся, накрыл голову волчьей шкурой. Женщина мирно спала по ту сторону костра. Ее пухлые губы чуть при-

открылись, на лице было удивленно-обиженное выражение. Томас отвернулся поспешно, показалось, что подглядывает, а это недостойно добродетельным воинам Христовым.

Томас сел спиной к огню – только безумец садится на страже к огню лицом, – всматривался и вслушивался. Ночь на редкость тихая, звезды по-северному мелкие, но острые, как осколки стекла, а на востоке уже светлеет полоска. Нелегкий крест возложила на него судьба.

Волосы на затылке шевельнулись. В теплой и тихой ночи словно невидимое крыло холода коснулось его с головы до ног. Коснулось и пропало, но ощущение тревоги осталось. А он привык доверять своим ощущениям. Кто не доверял, уже не вернутся из великого похода за освобождение Гроба Господня…

В небе пронеслась хвостатая искорка. Томас перекрестился, проводил настороженным взглядом. Когда звездочка падает, кто-то умер, как говорят, но сейчас отдал богу душу не меньше чем король. А то даже император.

Хвостатая звезда пронеслась через полнеба, разрослась, за ней потянулся сноп искр. Томас углядел даже черное тело с растопыренными крыльями.

Земля дрогнула от тяжкого удара. В сотне шагов взметнулся сноп пламени, прогремел натужный рев. Ревел могучий зверь, немолодой, раздраженный. В реве слышалась угрюмая мощь и беспощадность.

Томас положил обнаженный меч на колени. Калика пере-

вернулся на спину, сказал сонно:

– Не спишь?

– Заснешь тут…

– Добро…

Он засопел, повернулся на бок и попытался натянуть несуществующее одеяло. Женщина спала беспробудно, лицо выглядело очень юным и беззащитным. За лесом снова полыхнуло огнем, багровые отблески упали на ее лицо. Томас осторожно накрыл ее своим плащом.

Дракон взлетел, видно было, как распростер крылья над лесом. Сноп огня вырвался из пасти. Томас наконец рассмотрел, что навстречу дракону стремительно двигается розовое пятно. Дракон был на половине пути к нему, когда оно превратилось в блистающее облако.

– Пресвятая Дева! – взмолился Томас. – Кто с кем дерется?

Облако приняло форму гигантского раскаленного копья. Дракон в последний миг метнулся в сторону, но дохнул жаром, вывернув шею. Хвост копья заискрился и рассыпался. Тут же копье обратилось в огромного зверя из огня и молний, метнулись один к другому навстречу, сшиблись в треске молний и грохоте, от которого задрожала земля.

– Сэр калика, сэр калика!

Волхв с неудовольствием приоткрыл один глаз:

– Опять не спится?

– Сэр калика, посмотри, как дерутся!

– Эка невидаль… Все время кто-то с кем-то бьется. Радуйся, что бьют не тебя.

– То-то и странно. Мы рядом, а кидаются друг на друга.

– Вот и смотри, зато не заснешь.

Дракон ревел и рвал когтями волшебного зверя, тот неустанно менял форму, однако дракон как-то удерживал, хватал пастью. Молнии полыхали так часто, что видно было только непрерывный трепещущий, как крылья бабочки, свет.

Женщина наконец проснулась, глаза были как два блюдца.

– Что это?

– Морды друг другу бьют.

– За что?

– Сэр калика считает, наши мешки делят.

Она смотрела непонимающе. Одна огненная стрела вонзилась в землю уже в десятке шагов. Противники взмыли выше, на миг исчезли за невидимыми в ночи тучами. Грохот стал глуше, молнии блистали темно-багровые, раскаляя и поджигая облака. Сверху накатила теплая волна, их обдало запахом паленой шерсти.

Томас с завистью покосился на калику:

– Никогда не понять мне отшельников… Страшатся нарушить какой-либо ритуал, а на такую драку даже не повел глазом!

– Может быть, ему грешно?

– Смотреть?

– Смотреть и не вмешаться – это нехорошо. Так нас учили в детстве.

Томас с удивлением покосился на девушку:

– Вас что, тоже в пещерах учили? У нас в просвещенной Европе даже короли не умеют читать и писать.

– Просвещенной?

– Ну, верой просвещенной. Это важнее, чем уметь складывать закорючки в слова. А сэр калика… Я думаю, не просыпается нарочно. По твоим словам, ему надо быть на чьей-то стороне… А он, судя по всему, и сам не знает, кто и за что дерется.

Лунный свет падал на ее лицо. Глаза казались темными впадинами, кожа неестественно бледной. Вся она показалась рыцарю непривычно тонкой, совсем не той сильной и уверенной поляницей, какой видел ее всегда.

– Я вообще боюсь темноты, – призналась она, вздрогнув.

– Такой, – ответил он искренне, – я тоже.

Из туч падали с ревом, скрежетом и в сполохах молний дракон и его противник, что начал расплываться туманом, исчезать… Уже едва заметной светящейся дымкой опустился за лесом, и вдруг там возникла темная мрачная гора, а на горе вырисовывался на все более светлеющем небе замок – с зубчатыми башнями, перекидными мостами, окруженный высокой стеной.

Дракон поднялся в воздух выше, кинулся на замок, как падающая лавина. Томас зажмурился и сжался в комок, ко-

гда дракон ударился грудью о замок. Земля затряслась, позже донесся густой гул, будто ударили в гигантский колокол. Томас видел, как дракон, будучи почти вровень с замком, перегнулся через стену, хватал страшной пастью башню.

Вдруг замок озарился светом, будто там лишь сейчас проснулись. Дракон яростно взревел, сшиб вторую башню, но свет слепил и жег, дракон ревел от боли и ярости.

Земля тряслась, воздух стал сухим и горячим. Томас смотрел на битву исполинов остановившимися глазами. Костер угасал, женщина бросила на багровые угли ветку. Томас опомнился, калика велел огонь поддерживать, швырнул остаток хвороста. Не занялось, женщина поспешно встала на четвереньки, дула на угли, смешно раздувая щеки. Багровый свет освещал ее лицо снизу, оно показалось Томасу чужим и страшноватым.

Костер наконец разгорелся, но рассвет явственно теснил тьму. Томас начал поглядывать на калику: будить, не будить? Заодно можно расспросить о странных противниках. Томас начал догадываться, почему калика спит. Дракон и волшебство могут драться всю ночь и весь день. Не лишать же себя сна или обеда.

Женщина решила за него: калика открыл от толчка один глаз, другой, сел, сладко потягиваясь.

– Черт-те что снится ночью.

– Да уж, – сказал рыцарь ядовито. Тяжелый удар потряс землю, подернутые серым пеплом угли подпрыгнули, запы-

лали коротким ярким огнем. – Взгляни-ка туда.

Волхв почесался, зевнул, глаза были еще сонными.

– А, вот почему мерещилось всякое… Ты бы испек зайчика или хотя бы пару рябчиков. Дорога длинная!

Томас сказал обидчиво:

– Испечешь! Все зверье от страха попряталось под листья, дрожмя дрожит.

– Вот и бери голыми руками. А-а, ты ж умеешь только порыцарски, когда сотня загонщиков прямо на тебя выгонят оленя. Да еще и привяжут!

– Сэр калика, – сказал Томас дрожащим от негодования голосом, – я понимаю, что ты спал плохо, снилось что-то гадкое, но нехорошо все вымещать на мне!

– Нехорошо, – признал Олег сокрушенно. – Винюсь, сэр Томас. Как ты думаешь, если снится коза на веревке – к добру ли?

Томас указал пальцем через плечо, где противники метали друг в друга целые реки молний.

– Если такая коза, то явно к добру. К добру и радости. Подойди поближе, от радости запоешь и даже затанцуешь.

Калика достал из мешка краюху хлеба, разломил. На дракона и сверкающий замок даже не повел бровью. Глаза у него были грустные и усталые.

Из замка били непрерывные струи света. Дракон корчился, отступал, бросался сбоку, бил лапами. Его черные крылья полностью накрывали замок, но струи света прожигали

рваные дыры, наконец крылья вовсе превратились в лохмотья. С отступлением ночи замок и дракон бледнели, а молнии становились все слабее. Гром уже не сотрясал землю, ревел измученно, как старый больной зверь.

Калика отряхнул крошки, сунул остатки хлеба в мешок и поднялся. Из-за виднокрая полыхнул яркий луч, поджег первое облачко. Оно заполыхало оранжевым огнем, озарило и землю. Замок стал вовсе призрачным, заколыхался, как утренний туман. Дракон рос, гигантские крылья отделились от грузного тела, поднялись выше и рассеялись в небе. Туловище дракона превратилось в клочья тумана, те унесло свежим ветерком.

– Ну вот, – сказал Томас с облегчением, – пошел черт по тучу, а из нее и стрельнуло. Не зная броду, поперек батьки в пекло не лезь!

– Пошли, – сказал калика. – Я от твоих поговорок скоро на дерево полезу.

Глава 10

Томас дивился, как умело прятались росские поля в лесу. Степь грозила набегами, от нее отгораживались диким непроходимым лесом. Деревья-великаны, корявые ветви опускаются до земли, не пройти, не проехать. Мало того, деревья валили умело, вершинами крест-накрест, человеку не пробраться, а вся сила степняка во внезапном налете, в скорости.

Не будь калики, Томасу не выбраться бы, сгинуть среди лесных завалов. Тот как-то помнил, а скорее понимал, где свернуть, где сдвинуть поваленное дерево, чтобы сразу открыть дорогу. Извилистые засеки то уводили в колючие заросли малинника, калины, орешника, то хитро заманивали в топкие ручьи.

И уж когда рыцарь совсем отчаивался, мог же и калика заблудиться, неожиданно деревья расступались, впереди открывались зеленые тучные поля. По лугам паслись огромные стада туров. Калика убеждал, что это домашний скот, только в нем много дурьей крови.

Пастухи большей частью были пешие, но плащи растопыривали секиры на длинных рукоятях. Почти у всех за плечами торчали луки и колчаны, а рогатинами загоняли обратно отбившихся от стада животных.

Однажды шли через странный лес, в котором не было ни

оленей, ни лосей, ни кабаньих стад, даже птицы не стрекотали. Земля была голая, мох был только на деревьях, а те возносили к небу такие же голые ветви. За день истратили остатки еды, а к вечеру калика лишь убил палкой большую толстую змею. Когда он взялся сдирать с нее шкуру, Томас спросил неверяще:

– Ты что… собираешься ее съесть?

– Боже упаси, – отшатнулся Олег. – Как мог на меня такое подумать? Смотри, какая здоровенная! Здесь хватит на троих.

Он развел огонь, ибо круто изогнутый свод неба из сверкающе-голубого стал синим, потемнел, на нем зажглись звезды. А разгорелись они во всем блеске на черном, как бархат, небосводе. Луны не было, но Олег видел по звездам, что ночь течет к началу второй четверти. Мог бы сказать и точнее, мог даже очень точно, но в той жизни, которую вел, почти все точные знания были ни к чему. Чаще просто вредили либо ярили душу.

Когда он аккуратно нарезал змею ломтиками и насадил их на прутики, Томас отстранился:

– Не понимаю, как ты ее будешь есть!

Калика подумал, согласился сокрушенно:

– Ты прав. Ее бы с лучком да чесночком.

Яра сказала с отвращением:

– У моего бати как-то свиньи затоптали гадюку, что ползла через скотный двор… Так сами и съели. А люди змей не

едят.

– Человек не свинья, – возразил калика, – он ест все. Это верующие налагают для себя запреты, чтобы отличаться от других. Иудеи не едят свинину, до которой падки англы, англы не едят кузнечиков, которых обожают сарацины, сарацины в пост не едят днем, а до отвала наедаются ночами…

– Все равно, – сказала Яра решительно, – я гадюку есть не буду! Боги наложили запреты на гадов.

– Так на гадов, не на людей же.

– Запрет есть гадов!

– Не знаю… – сказал калика раздумчиво. – Запреты бывают разные. Вот, помню, как-то двое голодных после битвы ходили среди трупов, карманы выворачивали, в сумках шарили… Смотрят, один трупец лежит рылом вверх, живот распорот, а желудок полон… Видать, поел плотно перед битвой, еда не успела перевариться, ну разве что самую малость. Один говорит другому, давай, мол, съедим. Другой подумал-подумал, поколебался и отказался. Холодное все, говорит. Застыло! Труп-то вовсе окоченел. Если бы чуть раньше… А первый взял и выел у того из распоротого желудка остатки полупереваренной еды. Да только в самом конце попался ему волосок. Ну, понятно, стошнило. Любого из нас бы… Тут второй и говорит довольно: ура, в твоем пузе нагрелось! И подобрал с земли, поел…

Томас сидел весь зеленый, даже покрылся пятнами, похожими на трупные. Буравил калику ненавидящим взором.

Яра прижала ладонь ко рту и пропала за кустами. Калика гнусно улыбался:

– Ну, будешь есть змею?

От жареных ломтиков вкусно пахло. Во рту Томаса скопилась слюна. Он шумно сглотнул, сказал хрипло:

– В поле и жук – мясо. Буду. Но если ты действительно маг, а я видел тебя в деле, мог бы спереть кабанчика с чужого стола.

Олег сказал с нерешительностью:

– На пользование магией все больше запретов… Нет, не боги, не демоны – мы сами. Томас, страшная правда в том, что и боги, и демоны – мы сами! Ладно, это для тебя пока слишком сложно. Надо утверждать более простые истины: честь, справедливость, не укради, не убивай… Словом, если вернемся к магии, то мало того, что, если простой человек будет знать о магии, он сложит ручки и будет ждать с неба манны небесной! Он с радостью становится рабом, только бы кормили и чесали. А он будет есть и хрюкать… И придет конец роду человеческому, как пришел конец богам… Тем тоже доставалось все очень легко.

Томас подумал, спросил нерешительно:

– Ладно, верю, хоть и не понимаю… Но для себя? Себя лично? Если никто знать не будет, то другим и не повредит? Хотя бы по мелочи. Кабанчика спереть со стола султана, гуся с яблоками – от шаха…

Олег развел руками, лицо было несчастным.

– Есть такое слово, Томас…

– Какое?

– Безнравственно…

Долго ели молча. Наконец Томас просветлел лицом, сказал с подъемом:

– Без… безндра… дравственно, это что-то вроде бесчестно, да?

– Ну…

– Тогда это соотносится с рыцарским кодексом. Все равно что напасть в полном вооружении на невооруженного. Или нанести удар упавшему рыцарю.

Бабье лето, объяснил Олег рыцарю, – неожиданное тепло. Они шли по залитому солнцем миру под безоблачным небом. Солнце роняло тяжелые накаленные стрелы. От земли поднимался плотный жар, воздух был горячий, но не мертвый, как в начале лета, а настоянный на запахах трав, пахучий.

Томас вдыхал ароматы всей грудью. Скоро войдет в сырой и туманный мир своей самой лучшей на свете страны, сплошь покрытой лесами и болотами. Об этом варварском великолепии будет только рассказывать…

Яра передвигалась неслышно, и Томас вздрагивал всякий раз, когда стройная фигура варварки возникала рядом. Не потому, что уже забыл о ней, наоборот, думал чересчур часто, но воображение почему-то заносило либо на башню Да-

вида, где он ломит и крушит вражью силу, а она смотрит с надеждой из-за решетки, либо на стену Иерусалима, где ее, связанную по рукам и ногам, спешно утаскивают сарацины – ишь, в гарем удумали! – а он, ориентируясь на ее жалобные крики, догоняет и рубит, как сорняки…

Но когда она возникала рядом, гордая и независимая, он чувствовал раздражение. Женщина должна сидеть и ждать своей участи, как овца. Правда, сэр калика говорит, что новая вера превращает всех в овец, даже так и называет людей агнцами, но это он чересчур… Если он, сэр Томас, овца, то почему от него бежали львоподобные сарацины?

Он покосился на нее украдкой. Яра тут же поймала его взгляд, нахмурилась.

Раздражение Томаса достигло верхнего края котла. Как будто бы он ей осточертел или постоянно пристает! Да иди хоть к черту! Угораздило же их спасти ее от половцев… А теперь страдай, ибо раньше с каликой все было просто по-мужски, никаких секретов, а ныне даже по нужде надо искать уединенные места, а когда возвращается, она то ехидно спрашивает, где же цветы, которые так долго собирал, то осведомляется участливо, не проглотил ли за прошлым ужином веревку…

– Сэр калика, – сказал он громко, – а что такое бабье лето?

– Ну, эта неделя.

– Какая?

– В начале осени, – ответил калика, нехотя выныривая из

тяжких дум. – Зачем тебе?

– Да интересно, почему так зовут?

– А потому, что этому лету всего неделя. Ты видел голенастых, как цапки, девчонок-подростков? Приходит зима, они прячутся в теплые одежки, пережидают, а потом приходит весна, и ты видишь чудо… Они, как бабочки из коконов, выходят из теплых шкур – красивые, оформленные, с торчащими грудями и оттопыренными ягодицами! И глаза у них другие, и сами они – лучшие цветы на свете: сочные, нежные, зовущие…

Томас сказал задумчиво:

– Помню, в моем замке была одна такая…

Ему показалось, что рядом фыркнул конь. Яра надменно смотрела вдаль, но ее ухо шевельнулось. Томас сказал злорадно:

– Ты прав, святой отец. Я бы тоже сравнил женщин с бабочками. Столько же ума! Но мой дядя с этим не согласен, он утверждает, что у сверчка в ляжке ума больше…

– Что ум, – сказал калика печально, – женщине ум не всегда… Спинного мозга хватает с избытком. То, что нам удается понять ценой долгих раздумий и горького опыта, она иной раз понимает просто так… А с бабочками схожи по другой причине… Лето проходит, они снова укутываются в теплые одежки, зимуют, а когда приходит весна, мы с горечью замечаем, что они уже не те… Грудь обвисла, спина горбится, лицо подурнело.

Томас довольно хмыкнул. Яра вдруг сказала ледяным тоном:

– Не все, калика перехожая! Не все. Ты бы увидел мою мать!

Калика ответил очень мирно:

– Исключения есть везде. Просто у вас род такой. Что мать, даже твоя бабка все еще на коне по-половецки скачет. Обе твои тетки любого подростка с ума сведут, а у них уже дети женатые… Да где там, скоро внуков женить пора. Я говорю вообще…

Яра со страхом смотрела на калику. Откуда тот знает ее родню? Но калика уже забыл о ней, погруженный в тяжелые думы. Томас тоже не заметил оговорки калики, а она подарила Томасу надменный взгляд, словно вытерла о него ноги.

«Зверюка, – подумал он мстительно. – Только звери хранят молодость до старости». У его отца была гончая, которая от своего праправнука дала лучший помет во всей Британии, всю округу снабдила охотничьими псами! А людям Господь велит стариться быстро, чтобы добрых побыстрее взять к себе, а злых тут же ввергнуть в адское пламя…

Они вышли из леса к крохотной веси, купили коня для Томаса. К вечеру вошли в Чернигов. Олег отыскал постоялый двор, устроил Томаса и Яру, сам исчез, вернулся уже к ночи, в поводу вел троих коней.

– Одного в запас, – сказал он хмуро. – Раз уж с нами жен-

щина, то будет очень много тряпок, барахла…

Яра ответила слабой улыбкой. Похоже, устала настолько, что не было сил огрызаться. Томас пристально оглядел ее с головы до ног:

– На Востоке женщина вообще должна идти пешком вслед за конем. В этом сарацины правы… И поят у колодцев сперва коней, потом женщин.

– А потом мужчин? – спросила она тихо, но достаточно ядовито.

– Сперва благородных, – объяснил Томас высокомерно, – потом неблагородных, потом коней…

– И как ваш бог отличает благородных от неблагородных? – спросила она еще ядовитей. – Знатных и незнатных? Если мы все его дети?

Томас заметил, что калика спрятал усмешку.

– Ну, – сказал он с осторожностью, чувствуя, что вступает на скользкую почву богословия, – если он различает красивых и… гм… умных, то и знатность не должна ускользать от всевидящего Божьего ока. Впрочем, не наше дело подавать сэру Богу советы. У него для этого есть херувимы, серафимы, иблисы… или не иблисы?.. И другие знатные ангелы!

Томас выбрал себе крупного жеребца, оглядел других. Что-то высчитывал, морщил лоб. Неожиданно обратился к Яре:

– Ты когда-нибудь ездила на коне?

– Нет.

– Гм… Тогда бери вот этого коня. Говорят, на нем тоже никто никогда не ездил. Так будет по-честному.

Остановившись у богатой лавки, купили седла. Олег удивился, почему так дорого, хозяин с виноватой улыбкой объяснил, что он на самом деле не купец, а старший княжеский сын из Артании. Вынужден скрываться здесь, потому что младшие братья хотят его убить, чтобы захватить престол после отцовской смерти. Вот он и копит деньги, чтобы нанять варягов для охраны. Калика кивал, но торговался, сбил цену вдвое, но седла в самом деле были стоящие.

– И здесь у вас драки за трон, – посочувствовал Томас калике.

– Где их нет, – согласился Олег, – только насчет княжества брешет, как попова собака! Он боярского, а не княжеского рода. Это, конечно, не простолюдин, он владеет землями, угодьями, многими селами и богатствами, кораблями, но не может держать большого войска, у него нет своего прапора, а только прапорец.

– Сэр калика!.. Ты, кроме седла, ни о чем с ним не общался!

– А зачем? – Голос Олега был хладнокровным. – Его зовут Бранко.

– Я слышал. Ну и что?

– По имени видно.

– Как?

– В именах своя иерархия. Есть сеньоры, есть короли, есть купцы, а есть и простолюдины. Ни один смерд, по-вашему – йомен, не станет именовать себя Браньком, Звеньком – язык вырвут. Но и простому боярину, хоть и очень знатному и богатому, нельзя брать для своего отпрыска княжеское имя вроде Владимира, Брячислава, Ярослава, Будислава… Земли отберут, жен и коров лишат, в черные холопья загонят. Словом, на Руси по одному имени можно сказать очень многое. Откуда человек, каков он, кто он. А если у него еще и прозвище, то тогда вовсе ложись и помирай. От прозвища не открестишься, не отплюешься, прилипнет навеки, с тобой и в могилу уйдет, а на Страшном Суде его выкрикнут, а имя забудут…

Томас задумчиво почесал лоб:

– Как у вас все сложно… А у нас и король – Джон, и простолюдин – Джон. Гм, а то еще и соседский пес!

Глава 11

Снова над головами вместо синего неба проплывала многоэтажная зелень веток. Наверху скреблось, сухо стучали коготки белок, куниц, на головы сыпались чешуйки древесной коры. Воздух был не влажный, как на море, но и не обжигающе сухой, как в степи, грудь дышала легко, без усилий приподнимала тяжелые латы, раздвигала пластины доспеха.

Деревья обступили приземистые, с растопыренными толстыми ветвями. Протоптанная дорога почтительно обходила могучих исполинов, самые древние могли видеть еще Славена или Вандала, а то и Скифа…

«Нет, – напомнил себе Олег с горечью. – Слишком много веков прошло. Не осталось тех деревьев, что помнят Скифа, Агафирса, Гелона… Рассыпались от старости даже внуки тех дубов, что в молодости видели скачущего по этим местам Колоксая…

И только горы, уже изрядно постаревшие, еще могут вспомнить троих диких невров, что однажды вышли из Леса! И которые изменили мир».

Томас любовно потрепал коня по шее:

– Крепкие кони в этом королевстве! Как, говоришь, называется?

– Все равно не запомнишь, – буркнул Олег, недовольный, что выдернули из глубоких воспоминаний. – Что за память

у тебя? Видать, часто по голове били. И крепко.

– Ничего, – сказал Томас неунывающе, – у меня голова крепкая, как старый английский дуб. А кони здесь добротные. Не коротконогие лошадки степняков, даже не быстрые и горячие кони сарацин, которые умрут, если на них сядет достойный рыцарь в полном доспехе…

Он пустил коня в обход целой семьи ежей. Те топали через поляну по-хозяйски, домовито. У каждого на спине были наколоты грибы, лесные груши, даже самый маленький гордо тащил большой желтый лист. Пусть бесполезный в хозяйстве, но вряд ли старшие об этом скажут – пусть малыш приучается к труду.

Дорожка в лесу петляла узкая, приходилось ехать цепочкой, оружие держать близко от ладоней. Рыцарь ехал впереди, забрало было поднято, но синие глаза холодно и прицельно осматривали дорогу впереди, а уши, даже закрытые шлемом, ловили шорохи по обе стороны дороги. Яра ехала следом, он чувствовал ее взгляд. Его спину то окатывало холодом, то он чувствовал такое внезапное тепло, что потел, под мышками взмокало. Иногда железо начинало жечь, словно на спину высыпали горсть углей.

Калика ехал, чуть поотстав. Его лицо было сумрачно, он мыслями был где-то далеко, но, как заметил Томас, руки были близко к швыряльным ножам, он даже в глубокой задумчивости выглядел опасно, как шаровая молния.

Томас с легкой насмешкой поглядывал на мелкие села, мимо которых проезжали:

– Чем ближе к Северу, тем проще города. Деревянные частоколы! Не Рим, не Константинополь…

– Что Рим, – ответил Олег нехотя. – Отечество сильно людьми, а не крепостными стенами. Вон Спарта нарочито не ставила городской стены! Мол, нет лучше защиты, чем доблесть свободных жителей. А Рим блистал, пока был свободен, пока не принял рабскую веру. А какие из рабов защитники? Они тут же передоверили охрану своей страны диким варварам.

Томас нахмурился:

– Не таким уж варварам…

– Всяким там англам да славянам, – сказал Олег язвительно. – Славяне Юстин да Юстиниан строили и писали законы, даже юстиция пошла от Юстиниана, Доброгост создавал новый флот и новую армию, англы…

– Ну не такими уж мои пращуры были варварами, – прервал Томас недовольно. – Я не силен в искусстве, даже читать меня не обучили, но насчет воинской науки я кое-что знаю!.. Вся римская армия была перекроена варварами по нашим варварским законам, отчего стала много сильнее. Сэр калика, ты не военный человек, не знаешь, что когда мои и твои предки явились на службу к римлянам, то их дурацкие мечи, больше похожие на кухонные ножи, пришлось убрать – заменили нашими длинными мечами из добротной стали,

ведь римские были из низкосортного железа, а доспехи – стыд какой! – медные, которые пальцем проткнешь.

– Медные?

– Ну сперва были медными! Когда только захватили альпийские рудники, то освоили выплавку стали… Это наши предки заменили римский дротик длинным копьем, они создали конницу, учили атаковать в строю, управлять конем…

– А сами римляне не умели?

Олег с интересом смотрел на раскрасневшегося от возбуждения рыцаря. Ладно, в изящной словесности не силен, историю не знает, но все, что касается воинской науки, впитывает как губка.

– У римлян вообще не было конницы! В битве при Каррах тяжелая конница моих предков наголову разгромила римскую армию, хотя тех было пятьдесят тысяч отборных воинов, то есть втрое больше.

– Потому Рим и стал набирать вас на службу?

Томас отмахнулся с пренебрежением:

– Рим зажрался! Граждане уклонялись от воинской службы, она казалась занятием тяжелым и малопочтенным. А у наших отцов все иначе! Оружие – символ свободы. Быть при оружии – пользоваться почетом. Для любого молодого англа быть на службе у славного вождя – предел мечтаний. А кто самый-самый великий вождь? Конечно, владыка Римской империи. К нему массами стекались молодые англы, саксы, алеманы, которых римляне называли просто германцами. А

те счастливы, что он берет на службу. Римский император тоже был счастлив, и каждый – император и германский варвар – считал, что выгадал при такой сделке. Столетиями лучшие воины шли на службу римскому императору! А потом поступали на службу целыми племенами, народами!

Олег слушал молча, с некоторым удивлением. Томас удивлял, внезапно превращаясь из лихого рубаки в человека, который хоть малость знал прошлое и разбирался в причинах.

– Рим вообще, – говорил Томас горячо, – продержался так долго только благодаря варварам! Без нас вся Римская империя рассыпалась бы на столетия раньше. Но даже в последние дни, последние годы кто выступал на защиту Рима? Римские граждане давно бросили оружие, никто не защищал город, Отчизну. Но как только одно германское племя нападало на Рим, другое тут же вставало на его защиту. Готу Алариху противостоял вандал Стилихон, яростный защитник города. Вестготы верно сражались против Аттилы, защищая Рим, а позднее лангобарды защищали Рим от остготов!

– Здорово! – воскликнул Олег с искренним восхищением. – А кто был Катулл? Может быть, тоже помнишь?

Томас наморщил лоб:

– Кажется, командовал второй римской армией на Тибре… А что?

– Да так, проверка слуха. И памяти. А Овидий, Гораций, Вергилий?

– Гм… Гораций, помнится, герой, который защищал мост за отступающими римлянами, сдерживая натиск врагов. Он еще велел разрушить мост за своей спиной, пока удерживал целое войско. Он жертвовал собой… это была красивая благородная гибель… Но двух других не припоминаю… Кто эти?

Олег отмахнулся:

– Не забивай голову.

Олег подстрелил молодого кабанчика, Томас умело соорудил вертел, сам жарил, не допуская Яру. Не женское дело жарить мясо на углях, их удел – сковороды. Настоящий мужчина побрезгает есть мясо, приготовленное на презренной сковороде.

Олег собрал камни и выстлал из них широкое ложе на сырой земле, которая к утру наверняка покроется инеем. Пока Ярослава занималась конями, они с Томасом натащили сушин, разожгли добротный костер во всю длину будущего ложа. Нагретые камни, с которых ветками смести пепел, сохраняют тепло до утра. На них можно коротать даже длинную зимнюю ночь, а уж сейчас, в бабье лето, не в тягость будет даже женщине.

«Должно быть, не в тягость, – подумал Томас. – Калика поленился положить еще ряд, придется лишь спать навытяжку либо цепляться друг за дружку, чтобы не скатиться на сырую и холодную землю».

После быстрого, но сытного ужина – кабанчика сожрали молниеносно, будто он угодил не трем путешественникам, а в стаю голодных волков, – калика смахнул остатки углей с камней, бросил на них мешки, шкуры.

– Яра, ложись посредине.

– Может, я лучше с краю?

– Придет серенький волчок, схватит за твой нежный бочок. С краю лягу я.

Он и лег первым, подмостил седло под голову, заснул сразу, как упал с дерева. Яра легла вплотную сзади, прижалась щекой к его широкой спине. Слышала, как гремел железом рыцарь, складывал доспехи вблизи костра. Она ощутила его приближение по слабому запаху пота. Странно, он не казался неприятным. Наоборот, в нем чувствовалось нечто надежное, успокаивающее…

Слышала, как он осторожно ложился на теплые камни, сваливался с края, она, желая помочь, сильнее прижималась к калике, давала место. Наконец рыцарь решился обхватить ее руками, она едва сама не предложила это сделать, подгреб ее к себе, вернее, сам подгребся ближе. Она ощутила себя странно защищенной в его руках, словно улитка втянулась в прочную раковину.

Замерев, слышала его горячее дыхание на своей шее. От него пахло потом, кожей и железом, руки обхватывали ее чересчур бережно, словно она была хрупкая, как яичная скорлупа. Она ждала, когда его пальцы скользнут выше или ни-

же, она знает, что сказать зарвавшемуся англу – подумаешь, благородный! – но рыцарь лежал тихий, как мышь, не двигался, и Яра ощутила странное сожаление, что он даже не пытался двинуть ладони к ее высокой груди.

Потом пришло блаженное тепло. Она сама не заметила, как провалилась в счастливый блаженный сон.

Утром проснулись в густом тумане. Тот, как небесное молоко, залил все, не видели далее ближних деревьев. Рассеивался медленно; пока жгли костер, жарили мясо, разредился наполовину. Коней седлали все еще в тумане, выехали осторожно, опасаясь не столько засады, сколько выступающих внезапно из белой мглы веток с острыми сучьями.

Томас ехал беспечно, только глаза чуть посуровели. В тумане могут подкрасться незаметно, но в нем же легко и уйти, самому зайти противнику в затылок. У кого есть уши, тот слышит даже запах немытых тел, хриплое дыхание, сопение.

– Погоди, – сказал Олег неохотно, – все-таки это тебе не Лондон с его туманами.

Томас удивился:

– А ты откуда знаешь про наши туманы?

– Приходилось бывать.

– Где, прямо в Лондоне?

Олег покосился на юное лицо рыцаря, смолчал. Для Томаса на том туманном и болотистом берегу всегда был Лондон, всегда был король. Как ему сказать, что даже Темза тек-

ла там не всегда? А то, что было, совсем не было Темзой?

Он слез с коня, бросив повод Томасу. Тот послушно поймал, покосился на Яру. Заметила ли, что калика в своей рассеянности порой обращается с ним, как с мальчиком-оруженосцем? Оскорбиться бы, одна только спасительная мысль останавливает: а не прячется ли под личиной калики человек более благородного происхождения, чем он, Томас Мальтон из Гисленда? У скифо-руссов тоже могут быть свои герцоги, даже короли.

– Знакомо, – проговорил Олег медленно.

Он трогал руками туман, лепил из него, как из вязкого снега, фигуры, что так и плавали, едва разжимал пальцы. Туман стоял плотный, но хотя дул довольно свежий ветерок, оставался на месте. Над ним пролетали птицы, озадаченно чирикали. Один воробей решился: нырнул вниз, исчез. Послышался прерванный писк. Томасу показалось, что на миг вспыхнул слабый огонек.

– У нас туманы не такие, – заявил Томас хмуро.

– Ты слыхал про тьму египетскую?

– Я-то слыхал, – удивился Томас. – Священник уши прожужжал в походе… Но ты неужто читал Священное Писание?

– Ну, не целиком… Его писали так долго, что мне надоело заглядывать через плечо. А вот тьму подобную встречал. И не только в Египте.

– А чего ж ее зовут египетской?

– А тогда только в Египте было трое-четверо грамотных. Ты бы слез. Скакать через лес в таком тумане – это даже коню шею сломать.

Они пошли пешком, ведя коней в поводу. Яра держалась позади.

Олег наткнулся на валежину, что перегородила дорогу, нырнул под нее и пропал. Томас на всякий случай потыкал в дерево копьем, но оно, к его удивлению, не вцепилось зубами, не ударило хвостом, вообще не ответило. Это оказалось в самом деле простое дерево… или же нечто, что очень хорошо прикидывается деревом.

– Эй, ты скоро там?

– Иду, – сказал Томас твердо. – Только ты знаешь, куда идти?

– Здесь перекресток. Решим.

Сзади ощутил дыхание крупного зверя. Развернулся как ужаленный, молниеносно выдернул меч. Из тумана торчали широко раздутые ноздри коня Яры. Женщина угадывалась рядом. Томас ощутил ее по неуловимому запаху трав.

– Пресвятая Дева! – сказал Томас с сердцем. Подумал зло, что надо в первом же селении оставить женщину с такими лиловыми глазами. Наверняка ведьму. Чачар везли с собой почти до самого Константинополя, натерпелись, могли бы научиться не связываться в дороге с женщинами…

Снова подпрыгнул, когда внезапно из белого клубка высунулись пальцы, цапнули за руку. Голос невидимого калики

проревел прямо над ухом:

– Перекресток… Три дороги перед нами. И еще одна – назад.

– Ну и что? – сказал Томас подозрительно. – У нас одна дорога! На северо-запад. Правда, я здесь его не отыщу.

– Я-то отыщу…

В руке калики блеснула монетка. Он швырнул ее высоко вверх, она пропала в тумане. Томас ждал долго, монета словно растворилась в вязком воздухе. Они с каликой сделали еще два осторожных шага вперед, и тут монета шлепнулась в подставленную ладонь.

– Ловко, – сказал Томас с восторгом. – Я с тобой играть не сяду!

– Налево. – Калика мельком взглянул на монету.

Томас послушно повернул, лишь затем завопил запоздало:

– У тебя и деньги стали языческими оберегами?

Олег хитро сощурился:

– Ага. Что делать будешь? Больше не возьмешь деньги в руки? Ты прав, деньги – зло.

– Зло, – ответил Томас сердито, – когда их мало. Или когда вовсе нет. Но я не поддамся на твои языческие штучки!

– Все равно на деньги будут загадывать.

– Не будут. Христиане – другой народ.

– Ты же сам сказал, что там лучшие умы. Они могут просчитать каждый шаг. Работают по строгой логике.

– Но… могут просчитать, что ты додумаешься подбросить монету!

– Могут. Но чтобы все умы сказали точно, что выпадет…

– Все-таки пятьдесят на пятьдесят.

Олег хмуро улыбнулся:

– А мы вскоре подбросим монету еще. И еще.

Они двигались, облепленные вязким туманом, как в овсяном киселе, прощупывали каждый шаг. Впереди послышались беззаботные крики птиц, даже кони приободрились.

Из тумана вышли внезапно. Томас вздохнул облегченно, глаза были большие. Таких туманов не знавал даже в Лондоне.

Он провел рукой по крупу коня, покрытому крупными каплями влаги:

– Сэр калика, я весь мокрый.

– Остановимся обсушиться? – предложил Олег.

Рыцарь оглянулся на женщину. Мокрое платье так дразняще обрисовывало ее развитую фигуру, что у него пересохло во рту и ослабели колени. Силен Сатана, мелькнуло у него в голове. Но и воины Христовы должны быть сильны. Его желание – желание всего лишь бренного тела. А тело – это ножны для его двуручного… а черт, что лезет в голову… двуручного меча его духа. Покинув ножны, меч может совершить больше дел, чем покоясь в ножнах. Так и дух его, покинув тело, совершит еще больше… Гм… Но и сейчас дух должен владеть телом, обуздывать!

– Еще чего! – выдавил он с трудом. – Не зима… Обсохнем на ходу.

Когда кони добрели до ключа, что бил из-под корней старой-старой сосны, расколотой надвое молнией, Томас все же сдался:

– Привал всему войску! Кони не люди, им передохнуть надо.

Ключевая вода, вызванная ударом стрелы Перуна, грома, как говорили волхвы, вкусно пахла свежей хвоей, травами, от холода ломило зубы.

Олег сбросил шкуру, ополаскивался. Томас уважительно смотрел на могучее тело язычника. Ни капли жира, весь из тугих жил, прокаленный зноем и исхлестанный северными ветрами. Двигается неторопливо, устало, он все время выглядит усталым, словно постоянно держит на плечах целую гору. Сердце щемит от жалости: так хочется помочь – обратить в истинную веру!

– Где, говоришь, – обратился он к Яре, – твоя родня?

– У полабов, – повторила она терпеливо. – Это еще недели две, если ползти так, как мы сейчас.

Томас издал тихий стон. Олег вытерся, крикнул бодро:

– И ни одного замка по дороге! Пропадешь, как свей без масла…

– Без замков худо, – признался Томас. – Я не знал, что отсюда до самой Британии земли покрыты деревьями, как вепрь щетиной. Нас везли к сарацинам морем, по окружной

дороге. Хоть небо видели.

– Потому тут все из бревен, – пояснил Олег. – Даже курятники. А уж терема, сторожевые башни, крепости и крепостицы… Самые укрепленные называются кремлями. Этих кремлей здесь больше, чем муравьиных куч.

– От степняков?

– От них.

Томас покрутил головой:

– Как они вообще не смели все веси мирных земледельцев – ума не приложу.

Олег криво улыбнулся:

– Сэр Томас… Когда-то здесь степняки царствовали безраздельно. Какой потребовался переворот, чтобы ссадить их с коней на землю! Теперь ковыряют землю. И постепенно отодвигают кочевников дальше. К краю земли. Пока не столкнут.

– Понятно, – сказал Томас. – Слезай, мол, с коней – власть переменилась? Молодцы против овец, а против молодца сами рак-рыба!

Глава 12

Лес был тих, ветерок спал. Изредка вскрикивала во сне птичка, Томас слышал, как опал с ветки лист и, задевая за ветки, медленно опускался в темноте, словно плыл в теплой воде.

Он сидел, поставив огромный меч между колен. Не потому, что ожидал нападения, просто оружие всегда придает уверенности. Без оружия чувствует себя голым, так он объяснял, это звучало мужественно-красиво и чуть иронично по отношению к себе. Это всем нравилось, на самом же деле с мечом в руках и в железном панцире он становился вроде бы выше ростом и шире в плечах. А главное, чувство собственного достоинства выпрямлялось, как под дождем увядший цветок.

Над вершинами деревьев поднялась луна. Томас зябко передернул плечами, перекрестился. Луна – солнце мертвецов, вампиров и всякой нечисти. Холодная, злая, светит призрачно, ей поклоняются воры и разбойники.

Лунный свет, тонкий и волшебный, проникал между деревьями, высвечивал кусты. Томас забеспокоился, не освещает ли такая луна и его, а если освещает, то не стоит ли хотя бы пересесть, а то и разбудить калику чуть раньше. Это ему не повредит, он одной ногой еще в том нечестивом, полном тайн и волшебств мире.

Вдруг свет луны стал вроде бы ярче. Томас отодвинулся от костра, всмотрелся, не убирая ладони с рукояти меча.

С неба падали горящие бревна! Беззвучно, неслышно. Ветер раздувал багровые угли, языки огня трепетали, их обрывало встречным ветром. Они казались начиненными багровыми углями, но когда коснулись вершины леса, уже полыхали оранжевым огнем.

Донеслись глухие удары. В ночи видно далеко, Томас заметил взметнувшиеся языки пламени. Гари еще не чуял, воздух стоял, как сметана в погребе епископа.

– Сэр калика!

Яра подхватилась первой, ее глаза смотрели со страхом и надеждой. Томас расправил плечи, хотя сейчас особенно хотелось их сжать и залезть в какую-нибудь раковинку. Калика пробурчал, не раскрывая глаз:

– Сэр Томас… С тобой не соскучишься. Новую историю про свою Пречистую вспомнил?

– Нет, костер увидел, – огрызнулся Томас. – Вы ж, язычники, больно любите прыгать через костры! Беспокоюсь, как бы ты не пропустил свое непотребное и богопротивное бесовско-козлиное…

– Сэр Томас, дай покой.

Глаза его наконец приоткрылись. Мгновение всматривался, вскочил. Лицо его стало серьезным. Глаза не отрывались от горящих верхушек деревьев, а руки уже хватали мешки, посох.

Донесся далекий треск. Испуганно закричали птицы, где-то слева простучали копытца, потом, ломая кусты, пронеслось стадо оленей. Справа за деревьями стоял треск: ломились дикие кабаны, сокрушая все на пути.

В черной, как адская смола, ночи грозно и страшно полыхали багровые огни. Они как бы выходили из тьмы, там были деревья, что еще не вспыхнули, но постепенно огонь опускался ниже, захватывал землю.

Яра быстро, но без спешки снарядила коней. Двигалась она с экономной расчетливостью, ни одного лишнего движения, словно давно знала о пожаре.

– Сэр калика, отступаем прежней дорогой? По крайней мере проверена.

– А как бы ты поступил на месте Тайных?

Томас всмотрелся в стену ночи. Со стороны ровной укатанной дороги пожара еще не было. Он смыкался со всех сторон, но там пока что был выход. Если разогнать коней в галоп, что, правда, опасно по ночной дороге…

– Ладно, – согласился он вынужденно, – я бы как раз там и засел… С арбалетчиками и копейщиками. А что, твои Семеро тоже воевали в Святой земле?

– И в Святой и досвятой. – Голос калики был недобрым. – И в проклятых, и в благословенных… Строить только учатся, но воевать…

Они пустили коней по ручью. Деревья по берегам ручья не загораживали лунный свет, а облачка были редкие, висели на

месте. Томас на этот раз подумал про луну с благодарностью, в темноте бы кони сразу сломали ноги. Впрочем, она светила не ему, а подлунному язычнику. И возможно, этой зверюке, что даже не помнит своего христианского имени.

Подул горячий ветер, полный гари и дыма. Даже не ветер, на них давила плотная стена воздуха. Кони испуганно ржали и ускоряли шаг. Темная вода бурлила, брызги достигали пояса.

Томас натягивал удила, страшась, что конь провалится в яму, каких немало выгрызают ручьи, сломает ноги.

– Сэр калика, в Британии я что-нибудь уже придумал бы!

– Богородицу позвал бы? – огрызнулся калика. – Так ее и здесь можно кликнуть. Вторая вера тоже на весь мир норовит…

– А какая первая? – спросил Томас оскорбленно.

– Гаутамья… ну, буддийская… а третья – ислам. Четвертой нет…

– Уж не ты ли придумаешь? – съязвил Томас.

– А почему бы и…

Треск пожара заглушил его последние слова. Горячий воздух забивал дыхание, высушивал ноздри. Глаза щипало от дыма, в горле першило.

– Вообще-то я бы сделал засаду по ручью! – крикнул Томас, перекрикивая рев и треск приближающегося пожара. – Они знают, что время у нас было, чтобы обдумать все и отказаться от очевидной дороги…

– Откуда они знают?

– Как откуда? Если я был на страже, то я не засну, как пьяный язычник. Воин войска Христова бдит, беду видит загодя…

Калика, не отвечая, пригнулся к гриве, всматривался в слабо освещенные лунным светом камни и валежины в ручье. «Не все из них камни, – подумал он мрачно, – как и не все валежины. Не перед тем прикидываетесь, я ж вас вижу насквозь… Сами сбежали от пожара, так что это не простой пожар. Тот бы вы сами одолели».

Внезапно потемнело. Томас выругался, не стыдясь молча ехавшей рядом Яры. Клубы дыма застлали небо, лунный призрачный свет померк. Черные клубы ползли по небу, гася звезды, заливая тьмой призрачный свет.

В небе раздались крики страха и боли. Стая птиц, пытаясь уйти от лесного пожара, попала в столб взметнувшегося с земли черного дыма, пронизанного искрами. Только две-три птицы выскочили живыми, остальные пылающими комочками рухнули на землю.

Внизу было чуть легче. Горячий воздух стремительно уносил в темное небо жар и дым, даже мелкие угольки, а еще безопаснее было в низине, где кони пробирались по ручью. В темноте они замедлили шаг, да люди и не торопили. Впереди уже по верхушкам деревьев проскакивали искры, потом там занялось багровым чадным огнем. Пламя медленно, словно нехотя, поползло вниз по стволам.

Томас оглянулся. Огонь медленно шел по их следам, зажав ручей в клещи. С деревьев с обеих сторон ручья в темную воду падали горящие ветки. Одно дерево уже лежало, перегородив ручей пылающей стеной. Путь назад был заказан.

– Враг нас окружил! – крикнул он.

– Сдадимся?

Томас оскорбился:

– Воины Христовы не сдаются!

Прикусил язык, вдруг да язычник знает, что сдача в плен для рыцаря – обычное дело, что их выкупают и перевыкупают, обменивают, иной раз рыцаря меняют на коня благородных кровей, но волхв лишь покачал головой:

– Ну ладно… Будем лежать, как два осмоленных кабана. А ты еще испеченный к тому же в железной сковороде… со всех сторон. Чтобы сало не вытекло.

Томас нервно глотнул, закашлялся от дыма, возразил:

– Какие два кабана?.. С нами женщина и три хороших коня! Женщина, ладно, их у вас жгут, как погляжу, и без того на любой праздник, но моего коня за что? Мы ж не степняки, чтобы коней вот так в жертву!

Впереди, перегородив ручей и дорогу, с грохотом рухнуло пылающее дерево. Горел ствол, а ветви полыхали так, что жар заставил всех попятиться назад. Вода кипела, превращалась в пар, а огонь вопреки всему разгорался еще жарче.

Кони жалобно ржали, остановились. Жар наступал со всех

сторон. Обезумевшая рыба выпрыгивала из горячей воды, но воздух был еще жарче. Остались только люди да умирающие рыбы, птицы либо улетели, либо погибли, а уцелевшие из мелких зверей схоронились в глубоких норах.

– Ну что, сэр калика? – вскрикнул Томас громким голосом. – Будем прорываться через огонь?

– У тебя шкура железная, – возразил Олег, – а у нас с конем – простая, тонкая. Да и у Яры, наверное, не очень толстая.

– А что ты предлагаешь?

Калика повертел головой, пощупал обереги:

– Пожалуй, ты прав… хоть и кланяешься какому-то незнатному богу.

Он крепче взялся за поводья. Томас издал боевой клич, кося огненным взглядом на притихшую Яру: видит ли, как он ринется проламывать им путь, со стуком опустил забрало. Лицу чуть стало легче, хотя забрало успело накалиться, обжигало губы и подбородок. Он пустил коня в галоп, спеша опередить калику. В лицо ударило жаром, застучали по шлему и плечам горящие ветви, сучья.

Конь хрипел и пытался свернуть. Томас держал железной рукой, направлял по ручью, хотя в черном дыму уже ручей не видел, а едва угадывал. От жара мутилось в глазах, в голове били молоты. Он знал, что через лесной пожар не прорваться, разве что чудом, но еще страшнее остаться и ждать смерти.

Когда огонь был впереди вокруг, когда он сам был в огне, в голове вспыхнули искры, и он ощутил, что падает с коня.

Томас упал на мягкое, перекатился дважды, остался лежать, хрипя и задыхаясь. Вскоре чьи-то руки подняли забрало. Он закашлялся, слезы текли из воспаленных глаз. Чье-то лицо расплывалось, вытягивалось, хрипловатый голос спросил встревоженно:

– Сэр Томас… цел?

Томас протер глаза. Яра вздохнула с облегчением, исчезла из поля зрения. Томас с трудом повернул голову, охнул от резкой боли в шее. Похоже, он приземлился на полном скаку на макушку. И хотя под ним толстый пружинистый мох, похожий на сарацинский ковер, но все же…

Он вздрогнул, заставил себя сесть. Они все трое были на широкой поляне, кони мирно щипали листья с орешника, калика стоял в тени и смотрел, запрокинув голову вверх. Ровный призрачный свет мирно струился со звездного неба. Луна была резкая и блистающая, словно ее подняли со дна морского. От пожара не было и следа. Воздух был чист, без следа дыма.

На другой стороне поляны, скрытый тенью так, что Томас не сразу рассмотрел, высился огромный утес – серый, изгрызенный морозом и ветром, с оплавленным боком от удара молнии. На нем росли деревца, кусты, из щелей, куда нанесло земли, выглядывала сочная трава. А на уровне груди была поперечная расщелина, откуда едва слышно лилась прозрач-

нейшая вода, какую Томас когда-либо видел. Из земли выступал широкий, как надгробие, камень, вода за долгие столетия выбила в нем подобие широкой чаши, теперь красиво переливалась через край, исчезала в траве.

Через поляну пролетела крупная сова. В когтях извивался крохотный мохнатый зверек. Калика проводил ее внимательным взглядом. Томас попытался подняться, но голова кружилась, наглотался дыма, сел, прислонившись спиной к дереву. Отпрянул, раскаленные доспехи обожгли спину. Однако железо уже остывало, это было единственное напоминание о пожаре.

Нет, не единственное. Яра походит на чертенка, только белки глаз как звезды блистают на черноте неба. Да и калика, отсюда видно, весь в саже, будто из ада вылез. Его волчья душегрейка стала от копоти черной, но не обгорела.

Томас перекрестился:

– Сэр калика… А ты не верил в чудеса!

Калика озирался, словно колом шарахнутый по затылку.

– Какой сегодня день?

Томас пытался вспомнить, но трудно вспомнить то, чего не знаешь. Простонал слабо:

– Меня суком или чем-то еще по голове задело. Не помню.

– Суком? – удивился калика. – Может быть, даже листком?

А Яра мстительно перечислила, загибая пальцы и морща лоб:

– Сперва сосна рухнула на голову, к счастью – железную, потом дуб, затем ты протаранил ею горящий вяз, только щепки разлетелись, как стая вспугнутых чижей. Скажи, ворота башни Давида разбивали твоей головой?

– Башню штурмовали сверху, – сухо возразил Томас. – Сэр калика, а зачем календарь язычнику?

– Да память слабеет. Они собираются в конце весны, в последнюю ночь травня, по-вашему – мая, на первый день липня… У вас эта ночь зовется Вальпургиевой. А второй раз собираются вкупе осенью в день Купы…

Томас смотрел настороженно:

– Кто – они?

Яра сказала с невыразимым презрением:

– Только очень-очень бла-а-ага-а-а-ародный рыцарь может счесть, что он лишь благодаря своей отваге проскакал через такой лесной пожар. В ночи, через буреломы. Да еще одним скоком за десяток верст!

Томас потянул носом. Неизвестно, что такое версты, наверное, что-то амазонье мифическое, но если лесной пожар где-то и бушевал, то в самом деле остался за десятки миль.

– Нет, конечно, – ответил он с достоинством. – Не только.

– А что еще?

– Пречистая Дева бдит за своим верным рыцарем!

Он услышал гнусный смешок калики. Лиловые глаза Яры сразу стали зелеными. Она исчезла, словно ее унесло на метле, а Томас заново осматривал поляну, невольно дивясь ее

нехристианской красе.

Призрачный свет лился сверху на ровную широкую поляну. Огромные дубы, приземистые, с наплывами, дуплами, окружали ее со всех сторон. Между ними можно было разве что протиснуться боком. Томас сразу подумал, как же тогда сюда попали кони, но мысль ушла, растворилась под напором странных чувств. Он был очарован, понимал, что поддается тем силам, которым обязан противостоять, как рыцарь Христова воинства, сердце раскрывается навстречу красоте ночи, хотя известно, что такая краса принадлежит нечистым силам, а те исчезают с первыми лучами божественного солнца.

– Сэр калика…

– Опять недоволен?

– Да нет, но кто нас спас?

– Утопающий хватается за соломинку.

– Утопающий хватается и за острие бритвы, как говорят у англов, или схватился за гадюку, как говорят саксы… Но все-таки мне как-то не по себе.

Калика недовольно фыркнул. Наверное, рыцарю было больше по себе, когда он задыхался в черном дыму, горел вместе с деревьями, выблевывал угар.

Глава 13

Из-за дерева, освещенная красным пламенем, выглянула страшная вытянутая рожа. Томасу показалась человеческой, только уши торчали острые, волчьи, а пасть как у медведя. Томас лапнул обеими руками меч и чашу, начал приподниматься – рыцарю надлежит грудью защищать женщин и отшельников, но поймал ироническую ухмылку волхва, заколебался, сердито сел.

Яра не двигалась, расширенными глазами смотрела то на калику, то на Томаса. Томас гордо выпячивал грудь, но чувствовал, что его большое рыцарское сердце колотится с ее заячьим наперегонки.

– Добро пожаловать к нашему огоньку, – пригласил Олег громко. – Угостить нечем, зато погреться – вволю.

– Сэр калика, – прошептал Томас, – звери боятся огня!

– А люди нет? – удивился калика.

– А это кто?

К огню вышло первое страшилище, а за ним пошли-потянулись лесные жители, страшнее которых Томас ничего не видел. Некоторые, правда, не были страшными, скорее наоборот, но Томас был тверд в вере: мера прекрасного – христианин. Все, что отличается от христианина, к ногтю, будь это Аполлон или Венера Милосская. Все равно это демоны, черти, нечистая сила, ведьмы.

Он уже занес было руку, чтобы перекреститься, а то и перекрестить эту нечисть, но спину осыпало холодом. Это же нечисть вытащила их из пожара! Перекрести, а что стрясется?.. Но, с другой стороны, отсюда уже и без всякой помощи могут найти дорогу. Утра бы только дождаться.

Он потрогал мешок с чашей. Нет, молчит. Пока не испепелила, а ведь он уже запятнан. Может быть, дает время искупить грех?

Они подходили к костру, рассаживались. Без боязни, скорее по-хозяйски, но так, чтобы не тыкать в глаза, что они здесь владыки, а с любыми пришельцами поступят, как изволят.

Напротив Олега сидел Велес, все такой же огромный и мохнатый, каким Олег его помнил всегда. Черные волосы росли даже на лице, только вокруг глаз оставалось место. Глаза были голубые, у всех, как помнил Олег, были голубые, кто пришел в эти места сразу вслед за отступающим Льдом. У Даны, Лели, Овсеня.

На плечах Велеса была мохнатая шкура. «Мог бы и без чужой шкуры, – подумал Томас невольно, – своя не хуже, но, видно, так положено». Справа на поясе Велеса висела дубина с кремневой головкой, крест-накрест прихваченной ремнями. Не дубина, а скорее помесь каменного молота с боевым топором.

– Приветствую, – сказал Олег. – А что слышно о Перуне? Явится?

Голос Велеса был густым и мощным, словно шел из глубокого дупла:

– Эт раньше не приходил… А теперь придет точно.

– Почему? – насторожился Олег.

– В мир явились новые боги. Сперва Перун не замечал, но они вошли в силу быстрее, чем он думал. Начинает тревожиться.

Олег скривился:

– Только сейчас? Самоуверенный дурак. Поражение от Таргитая ничему не научило.

– От Сварога? Тот и не посягал на власть Перуна. Своих халупников защищал, как мог, ничем другим не интересовался. И не интересуется. А эти новые… Они пришли с мечами. И оба неотступно завоевывают новые народы.

Загремел гром в безоблачном небе, блеснула молния. В центре поляны вспыхнул огонь. Из дыма и пламени шагнул рослый старик с седой бородой до пояса, а огонь за его спиной исчез.

Старик был в кольчуге поверх белой рубашки, белых портках, сапоги красные, на двойной подошве и с железными подковками. Седые волосы красиво ниспадали на плечи. На поясе висел короткий меч.

Голубые глаза быстро оглядели всех, вычленили Олега.

– Ты?

Олег развел руками:

– Признал?

Перун сделал было движение то ли обнять волхва, то ли ухватить за горло. Выражение глаз ежесекундно менялось, а лицо дергалось. Голос его был хриплый, полный боли:

– Какие люди были… Какие люди!

– Мы повзрослели, – возразил Олег. – И в самом деле стали людьми. Или… подошли к ним ближе.

Перун безнадежно махнул рукой, отвернулся. Они обнялись с Велесом, затем он хлопал по плечам и обнимался с другими демонами. Томас заставлял себя помнить, что это безобразные и богопротивные демоны, какими бы благообразными стариками ни прикидывались. Еще Перун произносил какие-то грохочущие слова, и в небе блистали ветвистые, как рога оленя, молнии, грохотало, пролетали огненные птицы.

Томас с удивлением и неприязнью поглядывал на Яру. Она сидела на торчащем корне, толстом и покрытом мягким мхом, рядом с нею расположились по кругу демоны в женских личинах. Они хватали с пня, что появился в середке круга, яства и питье, жадно ели, пили, орали песни, хвастались, вцеплялись друг другу в волосы.

Яра тоже, к его ужасу, протянула руку, взяла с пня мелкую жареную птичку. Томас широко шагнул, ухватил за руку:

– Не смей!

Ее огромные лиловые глаза, в полутьме темные, холодно смерили его с головы до ног. Она сделала попытку высвободить руку, но Томас удержал.

– Почему?

– Это нечистое!

Она оглядела еду на столе:

– Да, это пеклось не в печи. Но разве мы уже не ели печеное в углях костра?

– Это другое, – пытался объяснить Томас.

Она снова сделала движение освободить руку, но не слишком настойчивое. Ее глаза встретились с его синими, полыхающими тревогой.

– А… Надо, чтобы чужак в темной хламиде побрызгал на это водой?

– Где его взять, – возразил Томас. – Но если ты будешь есть эту… это, то ты погубишь свою душу.

– Душу? А на что она мне?

Томас отшатнулся, но руки не выпустил:

– На что бессмертная душа?.. Да у нас нет ничего, кроме души! Ты погубишь себя навеки!

На него стали обращать внимание. Велес услышал, подсел к ним ближе:

– Что говоришь? Нельзя есть? Почему?

Томас сказал гордо:

– Я христианин! И она христианка. Я верую в бога Христа!

Он изготовился к мученической смерти, грохоту, вспышкам молний. Эти мерзкие чудища, сбросив благолепные личины, должны напасть, разорвать…

Велес отхлебнул из братины, пробасил:

– Христа?.. Что-то слышал… Новый бог?

– Новый, – заявил Томас, он дрожал от напряжения. – Самый справедливый и добрый!

Велес похлопал ему по плечу:

– Тогда не оставляй его, коли хороший… А чо? Давай и ему столб поставим среди наших. Хороших надо чтить, понял? У них от этого сил прибывает. Чем больше о боге думаешь, говоришь, идешь его путем, тем он сильнее. А нехороший и без помощи на небеса взберется…

Она погубила себя навеки, понял Томас обреченно. Она пьет их зелье, ест их дичь, даже пляшет с ними. А нигде так полно не отдается душа дьяволу, как в бесовских танцах. А танцы – все бесовские… От них кровь становится горячей даже у него, который только смотрит, а ноги сами дергаются, пытаются идти в богозапретный пляс. Угодные богу танцы только те, когда не касаешься в танце женщины, когда двигаешься плавно и величаво, когда все мысли о высоком, аж скулы воротит от зевоты…

С тоской, понимая, что губит себя навек, он взял кубок с вином, залпом опорожнил. Вино было не лучше, чем сарацинское, но не сказать, что хуже. А мясо было как мясо, какое постоянно ел в походах: грубо спеченное на углях и плоских камнях. Правда, на редкость сочное, тает во рту.

На миг встретился взглядом с Ярой. Оба, словно испугавшись чего-то, одновременно отвели взгляды.

Он ощутил чье-то присутствие. Резко оглянулся – к нему

неслышно подходила, словно плыла, женщина неслыханной красоты. У Томаса перехватило дыхание, а во рту сразу стало сухо и горячо. Дьяволица, но теперь понятно, почему многие славные рыцари отдали душу дьяволу.

– Ты пил нашу воду и ел нашу соль, – произнесла она медленно, голос был красивый и низкий. – Почему вдруг?

Томас старался держать голос ровным, полным достоинства:

– Да просто так. А что?

– А не потому ли, что твоя спутница…

– С чего ради? – возмутился Томас очень горячо, даже не дослушав. – Ради нее я не пошевельну пальцем! А уж гореть в геенне огненной вместе… Да если она даже в раю окажется, чего Господь в своей справедливости не допустит, то я, чтобы не встречаться с нею, сам попрошусь в ад!

Глаза женщины были полны симпатии. Слабая улыбка чуть тронула губы. Она оглянулась на калику, тот скалил зубы, смотрел на нее хитро, с тайной насмешкой.

– Мир не меняется, – сказала она негромко. – Он только сбрасывает, как ящерица, старую шкуру. Но сердце все то же. Сильное и горячее!.. Спасибо тебе, боец чужого бога.

Томас не понял:

– За что?

В руках женщины с легким хлопком возник длинный изогнутый рог. По тому, как держала, Томас понял, что рог полон до краев. Он хотел отказаться, христиане пьют-де только

из кубков, но руки приняли языческое питье будто сами по себе.

Женщина повернулась к поляне. Голос ее стал неожиданно сильным:

– Если отказывается Перун, если Велес против… то все же я, Леля, беру их под защиту!

Томас видел, как вскинулся от удивления калика. Глаза его расширились, он непонимающе смотрел то на языческую богиню, то на железного рыцаря. Томас подсел к калике, тот был занят куриной ногой, жевал неторопливо, на друга лишь покосился зеленым глазом.

– Кто эта демонша?

– Леля, – буркнул Олег. – Богиня, дурень… Неужто так боишься?

– Боюсь, – признался Томас. – Не гибели, а искушения. Что тело, оно бренно, а вот душу бы не запятнать.

– Не путай душу с совестью.

– Сэр калика, ты меня не путай. Есть тело, есть душа.

Пока они были заняты богословским диспутом, Леля увела Ярославу, что-то нашептывая ей на ухо. На миг они показались Томасу похожими, как сестры: рослые, статные, уверенные в своей красоте и здоровье.

Томас провожал их взглядом, пока они не скрылись за деревьями. Вздрогнул, услышав сильный голос Перуна:

– Ну-ка, Баба Яга, чем потешишь нас на этот раз?

Баба Яга подобрала беззубый рот, прошамкала:

– Чем вас тешить, когда нового зреть не желаете, а старое уже в печенках?.. Ну разве что наши гости на этот раз помогут?

Олег равнодушно пожал плечами, а Томас вскрикнул с отвращением:

– Я? Тешить то, что противно нашей вере истинной?.. Да я… Да ни за…

Резкий хлопок прервал его жаркую речь. Костер внезапно взметнулся жарким пламенем. Багровый огонь поднялся на высоту в два человеческих роста, вверху с языков сыпались щелкающие искры. Томас отсел от жара, если даже демоны отодвигаются, а им, как известно, адское пламя в самый раз, смотрел на Бабу Ягу с подозрением.

Она подвигала костлявыми руками, воззвала громко и нараспев:

– О благословенная Табити!.. В этот день всеобщего примирения яви нам согласие, дай знак!..

Пламя внезапно упало до самых углей, хотя жар не снизился, тут же взметнулось еще выше, чем раньше. Баба Яга сказала еще громче:

– Вот и лады. В этот час всеобщего примирения, когда мы не враждуем и не делим, внеси свою долю в наше веселье. Яви то место, о каком думают наши гости. А мы поглядим, потешимся!

В жарком пламени возникли сгущения, тени, двигались какие-то фигуры. Наконец на красноватом пламени все уви-

дели раскидистые деревья, поляну, жаркий костер.

Перун недовольно покрутил головой:

– Это все, что ты умеешь? Это мы и так видим.

Баба Яга бросила злой взгляд на волхва:

– А что ж делать, если он на что смотрит, о том и думает?.. Погоди, давай другого гостя поглядим.

В пламени очистилось, некоторое время мелькали смутные тени. Затем пламя словно бы потемнело и так оставалось до тех пор, пока злой голос Перуна не заставил гостей подпрыгнуть:

– Да что ты нам показываешь?.. Ни черта ж не видно!

Баба Яга заторопилась:

– Погодь-погодь! Я ж не виновата, что его мысли блуждают черт-те где! Табити!

Из пламени донесся голос, щелкающий и шипящий:

– Я могу смотреть лишь через пламя.

Олег толкнул Томаса локтем:

– У вас в замках чем теперь светят: масляными светильниками или еще факелами?

– И тем и другим, – ответил Томас, вздрогнув. – Только светильники теперь называют лампадами.

– В твоем замке есть эти… лампады?

Томас представил себе внутренние покои барона Стоуна, где светильники были даже в коридорах. Видение как наяву встало перед глазами, он почти услышал запах подгоревшего масла, увидел высокие своды залов, массивные поперечные

балки… и тут вдруг обратил внимание, что в пламени происходят изменения!

Картинка возникла сперва мутная, потом налилась светом. Похоже, они смотрели через один из светильников в замке барона Стоуна. Томас увидел внутренние покои, коридоры, потом, словно чуя его стремление, их неудержимо повлекло вдоль коридоров наверх, замелькали крутые лестницы, ступени бежали по винту, загибались внутри тесной башни.

А потом возникло бледное лицо молодой женщины, совсем еще ребенка. Она была в дорогом платье, ниспадающем до самого пола, светлые волосы были убраны под чепец, искусно вышитый серебром и жемчугом.

Она держалась гордо выпрямленной, глаза сверкали. Голос был чистый и звонкий:

– Оставьте эти напрасные попытки, любезный брат! Вам это ничего не даст!

Изображение сдвинулось, видно, Табити взглянула через другой светильник или факел. Теперь комнату было видно целиком. Томас застонал и не глядя похлопал по траве, разыскивая свой меч.

В покоях Крижины были еще двое. Сэр Гульд и сэр Фулк, оба заклятые враги Томаса. Он постоянно сбрасывал их с коней на турнирах, и хотя коней и вооружение, по правилам принадлежащие ему, возвращал побежденным, их ненависть к Томасу почему-то только увеличивалась.

– Сними! – проревел Гульд. Он был похож на огромного вепря, которого Томас заколол на прошлой неделе. Даже волосы на голове напоминали щетину. – Сними, не позорь наш род!

Томас наконец увидел, из-за чего Гульд готов ударить младшую сестру. На решетке узкого окошка ветром трепало белый платок. Крижина махала им, когда он ехал мимо замка, потом ее оттащили, но она привязала платок к решетке. Неужели все три года он висит там и ветром его треплет?

– Этот платок останется до возвращения сэра Томаса!

– У тебя свадьба через две недели!

Ее голос был тверд, как камни Стоунхенджа:

– Я дала обет ждать сэра Томаса три года. Я не нарушу. Когда истечет последний день… да, я смирюсь с судьбой. И тогда не думаю, что захочу сказать «да» сэру Мелоуну, но я скажу. Для меня тогда будет уже все равно.

«Уже сэр Мелоун, – подумал Томас с отвращением. – Редкостный трус, что умер бы от ужаса, возьми его в доблестный поход против сарацин. Когда король набирал молодых рыцарей, этот откупился, а соседям объявил, что король оставил его защищать земли от врагов, что могут напасть на Британию. Такие трусы после любой войны объявляют себя героями, твердят о своих подвигах так усердно, что сами начинают верить!»

Фулк, который помалкивал, сказал примирительно:

– Сэр Томас – доблестный рыцарь, кто спорит? Но Госпо-

ду нашему тоже нужны такие рыцари для битв и переворотов там, наверху… Не случайно же герои гибнут быстрее, чем простые воины. А никчемные йомены вовсе живут до глубокой старости. Так что сэр Томас давно уже поглядывает на нашу Британию сверху… Или поглядывал первые год-два… я хотел сказать, день-два.

Голос Крижины был холодным, как лед:

– Объяснитесь, доблестный сэр. Я не поняла ваших намеков.

– Борьба за истинную веру идет как на земле, так и наверху. Небесное воинство Христово, под предводительством доблестных рыцарей архангела Михаила и архангела Гавриила, неустанно бьется с сарацинами и там, наверху. Наши войска вторгаются в их магометанский рай, жгут и грабят, повергают наземь идолов, берут богатую добычу… Но, как бы выразиться поделикатнее… в магометанском раю к каждому праведнику приставлено по десять тысяч гурий. Гурия – эта сладкотелая дева, обученная всем утехам, способная дать мужчине намного больше, чем может даже вообразить земная женщина… да еще из холодной Британии… да еще обученная читать и писать…

Томас задвигался нервно. Мерзавец говорит правду, тем опаснее его речи. Сарацинские женщины в самом деле… Вспомнишь иной раз, спина краснеет от стыда, а чресла переполняет языческая мощь. А уж в их раю должны быть вовсе волшебницы по этой нечестивой, но губительной ча-

сти…

Изображение начало меркнуть, словно в светильнике заканчивалось масло. Баба Яга подвигала руками, Табити что-то пробормотала, потом свет стал ярче.

Покои Крижины были видны с другой стороны. Она стояла теперь слева, Томас хорошо рассмотрел красное от вечного пьянства лицо Гульда, его вздутый живот, короткие заплывшие жиром руки. Фулк посматривал хитро, он всегда умел добиться больше языком, чем мечом.

– Мы все знаем сэра Амальрика, – сказал он вдруг. – Он клялся на Библии, что Томас упал с башни Давида. Он своими глазами видел, как сэр Томас рухнул на каменные плиты у подножия. А ведь башня Давида лишь на три пальца ниже, чем Вавилонская!

– Не верю, – отрезала Крижина. – Разве что сэр Амальрик его сам подтолкнул…

– Упаси Господи!

– Но об этом он клясться не станет, не так ли?

Фулку надоело препираться, отрезал, как отрубил топором:

– Через две недели. К свадьбе начинаем готовиться сейчас. Я не верю в возвращение в последнюю минуту. Если бы мог, он бы вернулся еще год назад. А то и два.

Гульд добавил смиренно:

– А то и не уезжал бы вовсе.

Лицо Крижины было белым, как мел, сердце Томаса раз-

рывалось от горя. Но голос ее был так же резок, как и голос старшего брата:

– Я верю в возвращение сэра Томаса так же, как верую в Христа и Пречистую Деву. Он не бросает слов на ветер. Он вернется вовремя.

Пламя взметнулось выше, взревело, и картины замка погасли. Вокруг костра сидели молча, даже кикиморы притихли, а мавки перестали хихикать, смотрели на печального рыцаря с горячим сочувствием.

Баба Яга молчала, и без того видно – потешила. Ведьмы вытирали слезы, жалостливо хлюпали носами. Одна из мавок, размазывая слезы по всей морде, смотрела на молодого рыцаря покрасневшими глазами.

– Ба-а-атюшка!.. Надо-о-о помочь…

Велес огрызнулся:

– Через неделю смогем. А сейчас – сама знаешь.

– Ему всего две недели осталось!

Велес пожал плечами:

– На одной девке свет клином не сходится. Другую найдет… Ну ладно, ладно, сходится свет! Но мы в неделю примирения не можем вредить другим.

Олег кашлянул, сказал негромко:

– Вы придерживаетесь таких правил. А противник?

Велес сказал грозно:

– А что противник? Разве правила не для всех?

– Правила лишь для равных, – сказал Олег внятно. – А в

мир пришел молодой и очень злой бог… и болезненно ревнивый. Он боится честного поединка. Потому он только себя объявил богом, а всех остальных – грязными и подлыми демонами. А раз так, то какие могут быть правила с демонами, исчадиями тьмы? Их надо просто истреблять всеми средствами. Честными и нечестными. Особенно нечестными, ибо они, то бишь вы, – враги всего рода человеческого!

Велес от удивления раскрыл рот:

– Мы?

– Не нравится?

– Но это ж брехня!

– Зато какая. В большую брехню верят лучше. А грандиозную – сразу принимают. Так вы все просто вне правил, вне законов. Вы все – силы тьмы, так объявлено. И вы еще собираетесь придерживаться каких-то правил в борьбе с таким противником!

Красные сполохи костра играли на его лице. Оно выглядело еще более жестоким, чем их нечеловеческие лица. Красные волосы сами казались пламенем. А зеленые глаза блестели, как два изумруда, всегда холодные, бесчувственные.

Перун двинул плечами, смотрел хмуро:

– Не пойму, в чем твоя сила. То, что я вижу, одни твои поражения… С треском, сокрушительные! Но твоя мощь растет. Когда мы с тобой встретились впервые, я был самый могучий бог на свете. Помнишь? Самый молодой, сильный, красивый. Мне поклонялись все на свете, приносили в жерт-

ву самых красивых женщин, лучших коней… А ты только вышел из Леса, в соплях путался, тени своей пугался, на коня кидался с вилами – за безрогого лося принял… Но вот ты – молод и силен, хотя ты простой смертный, а я, бессмертный бог, уже стар. И силы мои не те.

– Войны становятся все злее, – напомнил Олег.

– Их ведут другие боги. Не понимаю, как получается у тебя? Даже сейчас, когда в мир пришли новые боги, могучие и ревнивые?

Олег подумал, пожал плечами:

– Наверное, потому, что мой бог – разум. Знание. Я это насаждал всегда, всюду. А наш мир, несмотря на все зигзаги, все же умнеет. А я как жрец становлюсь сильнее.

– Не как бог? Или ты как тот с дудочкой… запамятовал, как его звали, теперь он Сварог?

Олег рассмеялся, но в смехе сожаления не было.

– Мой мир вообще без богов. Так что богом я не стану в любом случае. Но ты не тревожься. Это лишь сначала мне казалось легко. Царство разума выстроить во сто крат труднее, чем царство веры. Очень непросто мне даются даже самые крохотные шажки!

Глава 14

Улучив момент, калика шепнул Томасу:

– Ума не приложу, как тебе удалось склонить их на свою сторону. Я уже все способы перепробовал, все доводы привел. Если в самом деле Леля поможет…

– Эта красивая женщина?.. Она в самом деле богиня?

– Богиня любви и красоты.

– А… славянская Афродита?

– Афродита – значит рожденная из пены. Ты думаешь случайно в ее имени корень «род», «родить»?.. Словом, нам даже помощь Лели сгодится. А ежели еще и других склонит помочь?

– Если ты, мудрый, не уболтал, что я могу?

Калика покачал головой.

Томас краем глаза следил за светлеющим небом. Звезды померкли, вершины деревьев видны хорошо. Это здесь, в окружении дубов, темно, а по остальной земле уже победно идет рассвет. Вот-вот из-за Края Земли вырвется божественный луч, подожжет облака, пойдет вниз…

Когда вершины деревьев заблистали оранжевым, он сжался, изготовился к грохоту, вспышкам… словом, нечисть должна исчезать не просто, а с дикими стенаниями, воплями, богохульством. Так обещал их полковой капеллан. А поляну заполонят запахи серы и паленой смолы.

– Томас, – поинтересовался Олег, – ты что надулся, как мышь на крупу? Или живот схватило? Признаться, еда у них грубая, хоть это и боги. Они ничему не учатся, вот их главная беда. Потому их дни сочтены.

– Их дни сочтены не потому, – нашел в себе силы возразить Томас.

Солнечный огонь медленно сползал по стволам. Костер уже догорел. От углей еще несло жаром, но багровый свет подернулся серым пеплом.

Калика говорил еще что-то мудрое, но не очень нужное, но Томас напрягся, остановившимися глазами следил, как яркий луч опустился на уровень человеческой головы…

И тут увидел с ужасом, что из темной чащи вышли языческая богиня Леля и Яра. Они отсутствовали почти всю ночь и сейчас все еще беседовали тихо, шли медленно, касаясь друг друга кончиками пальцев. Но солнечный луч, Томас это видел отчетливо, продырявил зеленую листву как раз у них на пути! В утреннем полумраке этот луч выглядел огненным мечом в руке грозного архангела, который перегородил дорогу нечестивым.

Томас бросился навстречу. И с ужасом увидел, что опаздывает. Им оставалось два шага. Леля на миг запнулась, что-то объясняя, но Яра продолжала двигаться, ее длиннющие, как у цапли, ноги несли ее прямо под карающий и всесжигающий луч…

Томас сцепил зубы, зажмурился. В глазах ослепительно

блеснуло. Он переждал, пока перестанут плавать красно-багровые круги, обреченно раскрыл глаза, в душе было холодно и гадко.

Леля и Яра неспешно шагали уже по залитой солнцем поляне. Их золотые волосы горели, как расплавленное золото, тяжелыми водопадами ниспадали на прямые спины. Искорки прыгали в волосах, похожие на крохотные солнца.

Он испустил вздох облегчения. Значит, это он зажмурился с такой силой, что посыпались искры, а потом потемнело. Но почему с этими женщинами ничего не случилось? Даже Яра должна если не сгинуть под ударом солнечного бича в руке бога, то по крайней мере покрыться в наказание безобразными язвами. А уж языческая демоница… демонесса…

Леля обратила внимание на встревоженный вид рыцаря:

– Сэр витязь, что стряслось?

– Это он о нас беспокоился, – сказала Яра язвительно, – чтобы нас зайцы не задрали. Он зайцев совсем не боится!

Томас вспыхнул:

– Да чтоб я… Да пусть вас хоть медведи…

Яра кивнула на него с пренебрежением:

– Я ж говорила! Языком молотит, как помелом! И прекрасных дев спасает, и зверей не страшится… А теперь видно, каков на самом деле…

Проходя мимо, Леля подарила озверелому от возмущения Томасу понимающую улыбку. За эту улыбку он простил ей даже то, что она самая красивая из собравшихся демо-

нов. Ведь красота – это личина, под которой Сатана помогает прятать мерзкое нутро. А чем красивее, тем в большей чести у врага рода человеческого.

Но когда он отвернулся, Яра была задумчивой, она странно посматривала на молодого рыцаря, опускала взор. В лиловых глазах было смятение. Томас отвернулся, не выказывать же бесчувственной женщине, что беспокоился. Обещали довезти ее жениху в целости и сохранности. Иначе не заплатит!

Небо постепенно светлело. Костер догорал, багровые угли рассыпались, подергивались серым пеплом. Перун пошевелил веткой в золе, словно искал испеченное мясо.

– Если ты прав, то нам надеяться не на что?

Древние боги, а ныне демоны, как неустанно напоминал себе Томас, чтобы душить в зародыше зарождающуюся симпатию к этим созданиям, сидели уже тихо, уставшие от бесовских плясок. Все лица были обращены к калике. Тот выглядел невеселым, глаза запали.

– Это пройдет, – твердил он, – пройдет.

– Когда? – спросил Перун.

Томас ощущал, что вопрос задали все обитатели прошлого мира. Калика поднял голову:

– Это не зима, что приходит, а затем уходит… Что сейчас с нами и со всем миром – это не само пришло, это мы, люди, сотворили… Потому что боги и звери молчали. Как пти-

цы, рыбы, деревья и гады с насекомыми. Только люди меняли мир. Но каким он будет завтра, тоже зависит от людей. Вы знаете, что в последнее свое творение, людей, измученный Род, чувствуя свое бессилие, просто влил свою кровь… Тем самым он отказался больше творить как верховный бог, это было распределено между людьми. Каждому досталось по капле, но когда в жилах течет капля крови самого Творца… Люди стали сотворителями!

Велес покачал головой:

– Да, натворили…

– А что, творят только разумное, доброе, вечное?.. Творят всякое. Но все равно, это лучше, чем ничего не делать. Стоять на месте – это сползать обратно в Хаос. Люди не стоят на месте. Они тянут мир вперед, тянут назад, толкают в сторону, даже на край пропасти, заставляют двигаться быстрее или ползти как черепаха, они бьются между собой уже не только за кусок мяса, но и за то, куда миру идти, каким быть! Такого еще не было. Таким мир стал только теперь. Штиль хуже самой сильной бури!

В наступившей тишине слышно было, как далеко-далеко закричал петух. Томас вздрогнул, напрягся: все должно рассыпаться, развеяться в дым, а исчадия демонов с ужасными криками обратятся в черный дым и устремятся обратно в ад, откуда прибыли. Даже прекрасная ангелоподобная Леля превратится в нечто жуткое, клыкастое, прежде чем рассыпаться в прах.

Петух прокричал снова. Велес нарушил тягостное молчание:

– Надо чаще собираться… Авось будем хоть знать, что с миром делается. Ведь мы его тоже меняли…

Томас спросил шепотом у Яры:

– Но ведь, как я понял калику, эти демоны… эти старые боги, не меняли мир?

– Велес, – ответила она таким жарким шепотом, что у него заполыхало ухо, – если верить калике, первый из людей, кто придумал каменный топор и стал охотиться на зверей. И других приучил. Потом он стал богом охоты. Вообще среди богов, созданных Родом, много богов, которые из людей сами стали богами. Ну, тоже как и Велес. Перун вон весь помешан на воинских подвигах, воинской чести и славе, он был лучшим воином на всем белом свете, он доказывал, что именно война улучшает породу людей, заставляет больше трудиться… Словом, он стал богом войны, как и другие боги из людей, через своих последователей.

Прокричали и третьи петухи. Усталые боги прошлых времен поднимались, исчезали. Кто просто уходил в лес, кто подолгу прощался с другими, обнимался, проливал слезу, а кто и словно растворялся в воздухе. Ни тебе черного дыма, ни запаха серы и смолы. Даже адским пламенем не пахнуло, к немалому облегчению и одновременно разочарованию Томаса.

– Петух прокричал, – сказал Велес угрюмо, – гулянка кон-

чается… наступает время деловых людей.

Последние двое лесных жителей просто нырнули с мест в багровую россыпь углей, словно в родное болото. Томас ощутил жар, словно его душу уже жгли, пронзив вертелом, над костром.

Теперь уже ясно, что все их ночные гости пришли из ада!

Когда трое странников остались одни, калика еще сидел, уронив голову на руки, а Томас насторожился, подбежал к краю поляны.

Их кони, на которых они прибыли сюда, исчезли. Вместо них с кустов обрывали желтые листья трое самых совершенных созданий, каких Томас когда-либо видел. Нет, самым совершенным созданием была его невеста Крижина, но следом за нею стояли эти трое сказочно прекрасных коней. Все трое уже оседланные, с полными седельными сумами. Вороной жеребец, белый конь и гнедая кобыла с хитрыми глазами. У всех были длинные гривы, тонкие мускулистые ноги и у каждого грудь бугрилась сухими мышцами.

– Кони… – прошептал Томас так, словно боялся спугнуть бабочек. – Пресвятая Дева! Это нам?

– Мне и Яре, – буркнул калика, поднимаясь. Он повел плечами, разминая после долгой ночи. – Одного придется взять в запас… Ты ж не примешь в дар от демонов?

Томас оскорбился:

– Думаешь, струшу?.. Я поскачу на таком коне, даже если он на полном скаку может обратиться в дым! Да я на таком

коне… Да я… Если он даже от самого дьявола из рук в руки…

Калика взял себе черного, как ночь, жеребца, Ярослава вскочила в седло гнедого, не дожидаясь помощи благородного рыцаря. Томас медленно подошел к белому, как снег, жеребцу, чувствуя значимость момента. Белого коня всегда отдают вожаку, предводителю. Он, Томас Мальтон, должен вернуться в Британию на белом коне. Да и мешок с чашей демоны приторочили именно к седлу белого жеребца.

Только одно смутно беспокоило.

У всех троих коней глаза были багровые, словно внутри черепов полыхало адское пламя.

Часть II

Глава 1

Дорога сама бросалась под ноги, а встречные деревья летели навстречу, как брошенные рукой великана. Кони мчались, словно северный ветер, люди лишь пригибались под низкими ветками, судорожно задерживали дыхание, когда кони-звери взмывали над мелкими оврагами, перепрыгивали разломы, валежины, пни.

Томас побаивался за своего белого коня, все-таки несет настоящего рыцаря в настоящих доспехах, а они железные, но тот скакал все так же впереди, сухой и неутомимый. Если бы под ним были камни, а не влажная земля, летели бы искры. И Томас не был уверен, что не пахло бы серой и горящей смолой.

Яра в этих местах не бывала, Томас тоже, дорогу указывал калика. Правда, дорог он тоже не знал, но на Руси, как он сказал, дорог нет вовсе и вряд ли будут, зато есть направления. Он и вел маленький отряд в северо-западном направлении, ориентируясь по солнцу.

Когда дорога два дня незаметно спускалась ниже, так же незаметно сырая земля перешла в мокрую, а среди леса все чаще стали попадаться болотца и болота. Огненные кони, го-

товые по твердому нестись, едва касаясь земли, начали увязать, чистая кожа покрылась потеками грязи. Теперь уже калика ехал на расстоянии от Томаса, белоснежный конь забрасывал его комьями грязи, а Яра плелась еще дальше, берегла одежду.

Томас оглядывался, наконец сказал с беспокойством:

– Сэр калика, ты бы поменялся с женщиной!

Олег в задумчивости осмотрел свою звериную, пропахшую потом шкуру:

– Я тоже думаю, что это ей больше к лицу…

– Да нет, местами.

– Беспокоишься?

– Конечно! Если ее что сцапает, какой овощ мы получим от ее жениха?

– От хвоста уши, – согласился Олег. – Жаль будет. Столько везли, кормили…

Яра с подчеркнутой неохотой поменялась с каликой местами, но, как он заметил, вскоре уже держалась к рыцарю ближе, чем раньше он сам. Видимо, ее гнедая кобылка не на шутку заинтересовалась белым красавцем жеребцом.

Когда болота пошли так часто, что приходилось петлять, слезать с седла и вести коней в поводу, Томас бурчал раздосадованно:

– Что за земли! То ли дело в сарацинских песках… Сэр калика, почему здесь, на Руси, столько болот?

– Эт чтоб тебе было привыкшее явиться в Британии. Там

болот еще больше. А здесь болотам пришел конец… Это раньше было Болото Настоящее.

– Настоящее? А это какое?

– Эти болота перед тем что брызги с лап не самой крупной лягушки.

– А как же на нем рос лес?

– Сэр Томас, когда-то по этому самом месту ползла льдина. Так, не самая огромная, всего высотой в две-три версты. Не таяла ни летом, ни зимой. И не было здесь жизни никакой вовсе… Люди? Они тогда жили на том месте, где сейчас сарацинские пески. Там были болота и вот такой же лес… Потом на белом свете потеплело, а здесь и вовсе началось Великое Отступление Льдины. Она таяла, отодвигаясь дальше на Север, где сейчас царство Льда. На том месте, где была Льдина, образовалось исполинское Болото, которое не высыхало ни летом, ни зимой. Но шли годы… какие годы – века!.. и среди пересыхающих болот появились трава, кусты, потом чахлый лесок, а затем уже и такой Лес, что в южных странах не поверят, в глаза плюнут.

– Да уж, – согласился Томас. Он пучком травы попытался обтереть коня от грязи, но отшвырнул: впереди виднелось новое болото, шире прежнего.

– Тогда-то и пришли сюда первые охотники из южных стран, где раньше были цветущие долины, а сейчас – жаркие пески. Они основывали новые племена среди болот, с ними продвигались вслед за отступающим льдом, забирались все

дальше к северу. Среди них были славы, давшие начало славянским народам, германцы, от которых пошли все западные племена, ныне – народы, и… другие. Не все выжили, большая часть сгинула среди болот. Выжили сильнейшие.

– Сэр калика, что-то я не понял… Выходит, когда-то и эти леса переведутся?

– Переведутся, – подтвердил Олег. Подумав, поправился: – Переведут. Это люди истребили леса в ныне мертвых песках. А без лесов, сам понимаешь…Вспомни сарацинские пустыни. Да ты не горюй. Всему когда-то приходит конец. Даже солнце погаснет через каких-нибудь восемь миллиардов лет.

– Сколько-сколько? – переспросил Томас встревоженно. Лицо его побледнело.

– Через восемь миллиардов.

– Уф, чуть сердце не выскочило! Это ж надо так пугать, сэр калика! Мне послышалось, через восемь миллионов. Значит, эти болота так и будут тянуться до самой Британии?

– Ну разве что для разнообразия будут прерываться болотистым лесом. А еще придется преодолеть полоску соленой воды. И очень мокрой. Вся Европа живет в лесу, сэр Томас!

Они выехали на огромную поляну. Ее пересекал широкий ручей, по ту сторону виднелось с десяток домиков, перед каждым был распаханный огород. Томас кивнул в их сторону:

– Даже они? Они землепашцы, а не охотники.

– Халупнику до землепашца, – проворчал Олег, – что

плотнику до столяра… Ты найди на свете землепашца… или халупника, который не охотничал бы, не ловил рыбу, не собирал в лесу хворост, не рубил деревья, не заготавливал ягоды, грибы, уголь, лыко для лаптей и березу для растопки, не ставил капканов и ловушек на зверей, силков на птиц…

Томас поднял руки:

– Сдаюсь. Мы все еще лесные люди.

– Уже лесные!

Яра слушала молча, в спорах не участвовала. Держалась она поблизости, на ее чистом лице иногда возникало загадочное выражение, словно она знала некий секрет.

Олег кивнул на свежепробитую тропку:

– Смело начали ходить.

Томас не понял:

– А что тут смелого?

– Каждое племя огораживается засеками, сам намучился, не забудешь.

– Не забуду, – содрогнулся Томас.

– А здесь, не довольствуясь лазами да скрытыми тропками, шли напрямую. Это раньше мало того, что петляли, да еще и ходили вразбивку, чтобы трава поскорее зарастала на следах. Видно, сильно побили половецкую силу, не скоро их матери вырастят новых бойцов, не скоро отважатся на новый поход…

Яра сняла с седельного крюка баклажку. Это не укрылось от Томаса: он командовал походом, и от его глаз ничто не

укрывалось. Особенно когда это касалось женщины с лиловыми глазами.

– Зачем?

– Я хочу пить.

Калика смолчал, а командующий походом сказал наставительно:

– Если поддаться первому же желанию напиться, то будешь хлебать воду, как свинья, весь день. А день только начался.

Яра заколебалась – надменный англ чересчур грубил, назло ему стоило напиться, даже больше, чем хотелось бы, пусть сам лопнет от злости, но калика громко хмыкнул, а Томас неожиданно закончил:

– И кто много пьет в пути, опухает, как с перепоя.

Яра заткнула баклажку и повесила обратно.

Олег первым вычленил из золотых и красных листьев нечто знакомое:

– Кажется, повезло… Лесная избушка!

– Баба Яга? – оживился Томас.

– Размечтался.

– А что? Может быть хуже?

– Еще как.

– Что?

– А ничо. Простая лесная избушка.

Избушка стояла на широкой естественной поляне. Квад-

ратная клеть с одним окном, крыша односкатная, дверь небольшая и, как заметил Томас, из толстых досок, с деревянными капами, насаженная на березовые же вдолбленные в стену крюки.

Олег снял колышек, которым дверь была закрыта от лесного зверья, шагнул вовнутрь. Томас зашел следом и понял, что избушка попросту наросла из обычного костра, каким пользовались они, а до них тысячи и тысячи безымянных охотников. Вначале костер попросту обкладывали камнями, а ложе для сна выстилали камнями, потом камни поднимали вверх, творили стенки, сводили вместе. Щели придавали тягу.

– Таган, – сказал Олег и кивнул на очаг, сложенный из крупных камней. – Не ложись близко. Огневушка-поскакушка может во сне пригрезиться…

– А что потом?

– Ну… кому что.

Каменка была раскалена. Угар выветрился вместе с угасающими углями. Олег закрыл кляпом дымоход в стене, остаток ночи остались купаться в смоляном запахе, теплом, исцеляющем. За стенами шумел ветер, стучал дождь, а здесь было тепло и уютно.

Яра представила себе, как бы они ночевали там, в лесу, не найди лесную избушку, плечи сами собой передернулись. Тут даже летом спать защищенно от ненавистного гнуса, мошки, комаров, слепней и оводов – дым изничтожит лег-

ко, а потом, судя по тому, как тщательно рубили избу, сюда муравей не заползет, не обломав усиков и не ободрав боков. «Косяки прирублены, – подумала она, клюя носом, – комар носа не подточит…»

– Все, – донесся усталый голос калики, – пора спать… Утром вставать рано.

Томас косился на широкие нары из тесаных плах. В избушках еще мельче, как объяснил калика, спят обычно на лавках, здесь же для ночлега места больше, теплее. Томас ляжет с краю, привык спать чутко, да и вожак должен самое трудное брать на себя. Калику стоит положить к стене, пусть и во сне слушает, что делается за стеной, там, в лесу…

Когда Олег встал на лавку и залез на полати, Томас кивнул Яре:

– Теперь ты.

Она вскинула брови:

– Там троим будет тесновато.

Он хотел ответить, что ему тесно с нею и среди широкой степи, но заставил себя ответить учтиво:

– Рыцари должны охранять сон стариков, увечных, детей, дураков, беременных женщин…

Ее лиловые глаза метнули молнию.

– А я кто, по-твоему?

Томас широко улыбнулся, развел руками:

– Вообще-то я не закончил перечень, но раз уж, как говорил наш полковой капеллан, если свинья перебила Кирие

Элейсон, то пусть же сама Богу молится… Там было что-то еще, но ты можешь закончить сама. Словом, я лягу на лавке возле двери. Я сплю чутко, как сторожевой пес!

Яра кивнула, поднимаясь на полати:

– Тогда тебе лучше ложиться под лавкой. На тряпочке.

Утром жарили на камнях мясо. Яра отлучилась к ручью, Томас покосился ей вслед опасливо:

– Сэр калика, это не женщина.

Калика тоже оглянулся на закрытую дверь:

– Да?.. Гм… А мне показалось, что очень даже женщина… В некоторых местах даже слишком…

Томас вспыхнул:

– Сэр калика, я не об этих местах! Я против них ничего, даже тех, где слишком… Против тех, где слишком, даже очень не против. Еще как не против!.. Но я считаю, что дело женщины – сидеть и ждать.

– Ты считаешь или…

– Моя вера считает! Женщина должна сидеть в каменной башне…

– А у нас во тереме…

– Смотреть вослед отъезжающему рыцарю и махать платочком. А потом ждать его возвращения и блюсти. Можно даже в поясе целомудрия. А с нами едет не женщина, а Сатана в юбке!

Калика оглянулся, с сомнением покачал головой:

– Вряд ли. Ведьма – это точно, можешь не сомневаться, у меня на них нюх, а насчет Сатаны – это слишком… Вообще-то ты прав насчет сидеть и ждать. Да еще чтоб и рта не открывала. С дурами всегда себя орлом чувствуешь. И мудрым вдобавок. Для дур, что в высоком тереме… аль башне, мы всякие хороши. Они ж не различают!.. А с умной да такой, что сама чего-то стоит, вся жизнь как на иголках. Надо еще доказывать, что выше, что умнее, сильнее, что вообще что-то стоишь… И каждый день доказывать, потому что она может умнеть, а тебе ж нельзя тогда топтаться на месте? А то и сползать вниз? Ты прав, мне даже нравится вера Христа. Она сразу женщин ставит где-то между коровами и попугаями. А нас, мужчин, без всяких трудных, хоть и честных турниров, сразу – в победители! Верно, сэр Томас?

Томас неуверенно кивнул. Брови его сдвинулись, взгляд был устремлен вдаль. Калика исподтишка любовался непривычным зрелищем. Рыцарь думал!

Кони шли споро, дорога пошла ровнее, утоптанная, добротная, а болота и топи все чаще были вымощены бревнами. Томас торопил коня, жадно смотрел вперед.

– Впереди – Британия!

Яра спросила у Олега преувеличенно громко:

– О чем это он постоянно бурчит, словно боится забыть?

– Это большое болото за Муромским лесом, – пояснил Олег очень серьезно. – Большое и туманное.

Яра удивилась:

– Муром? Он же остался на востоке! Мы должны подъезжать к Турову или Берестью.

Олег поморщился:

– Яра! Мы же на Руси.

Томас уловил что-то в голосе калики, предостережение, что ли, насторожился:

– Что за Муромский лес?

– Сейчас увидишь. Он прямо перед тобой.

Глава 2

Впереди вырастал лес, дорога нырнула под сень могучих деревьев. Лесные великаны стояли друг от друга поодаль, они не мелочь, чтобы держаться стадом или стайками. Каждый из них сам по себе кое-что значит, остальные деревья это знают. Как и всякие там коротко живущие люди, звери и птицы.

Яркие лучи пронизывали редкую листву огненными стрелами. На земле двигались солнечные пятна, едва успевая за ветками, которыми, как щенок тряпкой, играл ветер.

Когда деревья раздвинулись, они невольно придержали коней. Поляна была с небольшое поле, трава вытоптана, а посредине гордо стоял исполинский дуб. Такие дубы вовсе высятся на просторе или же делают вокруг себя поляны, ветвям нужен простор, но этот дуб был особый…

Томас выругался, лошадь под Ярой тревожно заржала. Вокруг дуба кучками лежали кости: человечьи и лошажьи, дотлевала конская сбруя, на каждой кучке белел череп. На последнюю не хватило черепа людского, неизвестный шутник водрузил конский.

– Дракон? – предположил Томас.

Он привстал в стременах, пальцы щупали рукоять меча. Яра сказала дрожащим голосом:

– Скорее Баба Яга…

Олег чувствовал на себе вопрошающие взгляды:

– Не знаю… Драконы в лесу не водятся, им крылья растопыривать ветки не дадут. Баба Яга вообще мяса не ест. Она все травами, дурью мается. Жизнь продлевает, мафусаилистка чертова…

Кони, нервно фыркая, продвигались через поляну, под копытами хрустели, рассыпаясь в прах, кости. Путники были в десятке шагов от дуба, когда Яра вскрикнула, указала наверх.

Все верхние ветви были увешаны оружием. На самой маковке поблескивал легкий длинный кинжал с узким лезвием. Томас с замиранием сердца признал мизерикордию, ниже висели легкие половецкие сабли, короткие акинаки из бронзы и плохого железа, а ниже располагался ряд длинных мечей викингов. Еще ниже на ветках покрепче висели тяжелые мечи русичей и огромные двуручные рыцарские спаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.